Т 119/53
~164

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

119
53
N164

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ВОЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова

Съ портретомъ Скобелева, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Бол. Подъяческая, № 39

1894

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнал. листамъ)—**1 р. 50 к.**—До 1 апрѣля 1894 г. вышли первые семь томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 1) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія надежды. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ. 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби и Рождественскіе разсказы. Томъ 8 печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт —**1 р. 50 к.** Съ 44 картин.—**2 р. 50 к.** На лучшей бумагѣ—**на 50 к.** дороже. За переплеты: для 1-томн. изд.—**40 к.** и **1 р.** Для 10-томнаго (въ 5 пер.) **1 р.** и **2 р.**

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Ц. **1 р.** Въ простомъ перепл.—**1 р. 40 к.**, въ коленкоровомъ съ золотомъ—**2 р.**

Сочиненія Лермонтова (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Цѣна за всѣ **4 тома 1 р.**, въ простыхъ переплетахъ—**1 р. 50 к.**, въ роскошныхъ **2 р.**

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Н. Михайловскаго*. Ц. **3 р.**, въ перепл.—**4 р.**

Повѣсти и разсказы И. Потапенко. 8 томовъ. Ц. каждаго—**1 р.** Перепл. для 2 томовъ по **75 к.**

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изд., въ 2 том. Съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—**3 р.** Переплеты въ **50 к.** и въ **1 р.**

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. **1 р. 50 к.**

Сочиненія Е. М. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—**2 р. 50 к.** Переплеты въ **50 к.** и **1 р.**

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ портретомъ автора. Цѣна за все собраніе въ двухъ больш. томахъ (до 1700 стр.) **3 р.** Перепл.—въ **50 к.** и по **1 р.**

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.**

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина". Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—**1 р. 25 к.**

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева*. Цѣна въ папкѣ **50 к.**

Капитанская дочка. *А. Пушкина*. Съ 188 рисун. Ц. **60 к.**, въ пап. **75 к.**, въ пер. **1 р.**

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. Сементковскаго*. Большой томъ, 585 столб. Ц. **1 р. 50 к.**

Исторія французской революціи. *И. Карно*. Переводъ съ франц. Около 400 стр. Ц. **1 р.**

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейль*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. **1 р. 50 к.**

Матери великихъ людей. *Блока*. Перев. *З. Горской*. Со многими рисунками. Ц. **5**

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicus*. Переведъ *В. Рапцова*. Съ 16 портрет. Ц.

Исторія новѣйшей русск. литературы (18 1892 гг.) *А. Скабичевскаго*. 2-е изд. Ц.

Исторія рус. цензуры. *А. Скабичевскаго*. Ц.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. многими рисунками въ текстѣ. Ц. **1 р. 5**

Исторія культуры. *Липперта*. Перев. съ мецкаго, съ 85 рис. Ц. **1 р. 60 к.**

Литература и жизнь. Письма о разныхъ постяхъ. *Н. К. Михайловскаго*. Ц. **1 р.**

Новѣйшіе русскіе писатели. *А. Цѣтл* Съ 72 портр. Ц. **3 р.**

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Бульвера*. Перев. съ англ. *Каменскаго*. Ц.

Черезъ сто лѣтъ. Соц. романъ *Э. Белл* 3-е изд., дополненное научно-предсказат нымъ очеркомъ Рише: „Куда мы идем Ц. **1 р.**

Голодъ. Ром. *К. Гамсуна*. Съ норвежск. Ц.

Въ трущобахъ Англіи. Соціал. борьба съ эк мич. нравами соврем. общества. *Бутса*. Ц

Забота. Ром. *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц.

До потопа. Романъ изъ жизни первобыт людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. **50 к.**

Въ небесахъ *(Uranie)*. Астрономическій ро *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц.

По волнамъ безконечности. Астрономиче фантазія *К. Фламмаріона*. 2 изд. Ц.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б.* нера. Компактное изданіе. Цѣна **80 к.**

Подъ маской благочестія. (Преступлен оргіи папъ.) Романъ *Э. Постери*. Ц. **1 р.**

Больная любовь. Гигіеническ. романъ *Ма гаца*. Ц. **50 к.**

Въ раздумьи. Очерки изъ жизни русской и лигенціи. *Е. А. Соловьева*. Ц. **75 к.**

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе народа. Съ портрет. И. С. Тургенева. Ц.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. П съ 4-го нѣмец. изд. *Э. Зауэра*. 3-е изд.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *С. Горя* подъ ред. *Я. Абрамова*. 2-е изд. Цѣна

Законы о гражданскихъ договорахъ. понятно изложенные и объясненные. С вилъ *В. Фармаковскій*. Изд. 4-е. Ц. **1 р.**

Роль общественнаго мнѣнія въ государ ной жизни. Профес. *Гальцендорфа*. Ц.

Очерки самоуправленія (земскаго, горо и земскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. **2 р.**

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. вые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. **1 р.**

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологи очерки *А. Бахтіарова*. Ц. **1 р. 50 к.**

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*.

По градамъ и весямъ. Ром. *Вологдина* (П содимскаго). Ц. **1 р. 50 к.**

Обломки разбитаго корабля. Сцены у ныхъ судей. Составилъ *В. Никитинъ*. Ц.

Сочиненія Д. И. ПИСАРЕВА. Полное с

раніе въ 6 томахъ. Спб. 1894 г. Цѣна каждаго тома 1 р

дозв. цензъ. спб., 15 мая 1894 г.

тип. тов. „Общ. польза", в. подъяч., 39.

М. Д. Скобелевъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Т 119/53
N 164

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

жизнь и дѣятельность, военная, административная и общественная.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова.

Съ портретомъ Скобелева, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Сойкина, Стремянная, 12
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Іюля 1894 г.

Госуд ственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
12 840-48.

2007051324

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
редисловіе	. . . . .	4
I.	Родословная.—Дѣтство.—Первые учителя.—Боевое крещеніе.—Практическое испытаніе.—Загадочная рекогносцировка. — Первые походы. — Интриги противъ Скобелева въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ.—Хивинскій и Коканскій походы	5
II.	Начало турецкой войны.—Переходъ чрезъ Дунай.—Отвага Скобелева.—Удачи и неудачи	17
III.	Ловча и третья Плевна	25
IV.	Плевненское сидѣніе.—Тотлебенъ и Скобелевъ.—Паденіе Плевны.—Зимній переходъ чрезъ Балканы. — Имитли, Шейново, Шипка.—Набѣгъ на Андріанополь.—Конецъ войны.—Взглядъ Скобелева на восточный вопросъ.—Досугъ и дѣло въ мирное время	39
V.	Ахалъ-Текинская экспедиція.—Вѣсть объ убійствѣ матери Скобелева.—Штурмъ Геокъ-Тепе	64
VI.	Взгляды Скобелева на войну и военное дѣло.—Его политическія теоріи и увлеченія	73
VII.	Скобелевъ, какъ полководецъ и администраторъ	78
III.	Политическія рѣчи Скобелева.—Его смерть	84

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Скобелева принадлежитъ такому недавнему прошлому, ч
написать сколько-нибудь полную біографію этого замѣчательнаго ч
ловѣка невозможно, не только по недостатку матеріала, но и
той причинѣ, что многаго еще *нельзя писать*.

Кромѣ вполнѣ заслуживающихъ довѣрія печатныхъ матеріало
изъ которыхъ укажу на труды Гродекова, Куропаткина и Масло
мнѣ поневолѣ пришлось пользоваться и такими воспоминаніями
записками, къ которымъ необходимо отнестись съ величайшей ост
рожностью. Это однако не относится къ «Воспоминаніямъ» Дук
сова, поразительно наивнымъ и въ то же время необыкновенно пр
дивымъ, а также къ вполнѣ безпристрастнымъ «Воспоминаніям
д-ра Гейфельдера. Изъ корреспондентовъ наибольшаго довѣрія
служиваетъ Макъ-Гаханъ. Значительно тенденціознѣе корресп
денціи, помѣщавшіяся въ газетѣ «Голосъ» и многихъ другихъ га
тахъ, и не всегда точны «Воспоминанія» знаменитаго художн
В. В. Верещагина, который пишетъ впрочемъ въ одномъ и томъ
духѣ и о Скобелевѣ, и о себѣ самомъ, и сообщаетъ нѣкоторыя не
мнѣнно важныя свѣдѣнія. Гораздо меньше значенія имѣютъ разск
Немировича-Данченки и В. Крестовскаго, въ которыхъ фантазія сл
комъ часто дополняетъ дѣйствительность. Множество матеріал
разсѣяно въ «Военномъ Сборникѣ» (статьи Колокольцева, Черня
Демурова, Гершельмана) и въ «Русской Старинѣ» (кромѣ запис
Верещагина, здѣсь находятся статьи Арцишевскаго, Гейфельдер
Панютина, а также «Путешествіе» Мозера). Въ «Истор. Вѣсти.»
1882 годъ помѣщены важныя посмертныя бумаги Скобелева. К
жечка г-жи Адамъ «Skobeleff» содержитъ любопытныя данны
встрѣчахъ автора съ Скобелевымъ. Укажу еще на работы Гей
Туганъ-Мирзы Барановскаго, на дѣльныя компиляціи Чанцов
Кашкарова, на сборникъ «Военныхъ разсказовъ», изданный
Мещерскимъ, и наконецъ на массу статей въ различныхъ газет
и журналахъ за 1882 годъ (годъ смерти Скобелева).

I.

Родословная.—Дѣтство.—Первые учителя.—Боевое крещеніе.—Практическое испытаніе.—Загадочная рекогносцировка.—Первые походы.—Интриги противъ Скобелева въ Ташкентѣ и въ Петербургѣ.—Хивинскій и Коканскій походы.

Родословная Скобелева можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ: она начинается съ скромнаго однодворца Никиты, который въ концѣ прошлаго столѣтія дослужился до сержанта. Такимъ образомъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, принадлежавшій по воспитанію, по привычкамъ, по родственнымъ связямъ къ высшему аристократическому обществу, въ то же время могъ бы сказать о себѣ словами поэта: «я—просто русскій мѣщанинъ». Впрочемъ семейныя преданія Скобелевыхъ гласятъ, что ихъ дальніе предки были дворяне; при московскихъ царяхъ и при Петрѣ Великомъ они, какъ говорилось въ то время, сказывались въ нѣтяхъ, т. е. бѣжали отъ военной службы, а потому захудали и перестали считаться дворянами. Названный однодворецъ Никита вышелъ въ люди, женившись на дворянкѣ изъ хорошей фамиліи—Татьянѣ Уваровой и получивъ за ней недвижимое имѣніе. Одинъ изъ сыновей этого Никиты, Иванъ, дѣдъ Михаила Дмитріевича, былъ извѣстный безрукій генералъ, отличавшійся въ войну 1812 году. Иванъ Никитичъ былъ шефомъ Рязанскаго полка, комендантомъ петербургской крѣпости и сверхъ всего этого писателемъ: писалъ онъ разсказы и драматическія сочиненія, пользовавшіяся успѣхомъ, особенно среди военныхъ. Знаменитый внукъ повидимому во многомъ походилъ на дѣда, отличаясь еще болѣе выдающимися военными талантами и еще большимъ непостоянствомъ относительно женщинъ. Любопытное совпа-

деніе: внукъ, подобно дѣду, развелся съ своей женой. Дѣдъ успѣ
жениться вторично, отъ второй жены имѣлъ кучу дѣтей; одинъ и
его сыновей женился на Ольгѣ Николаевнѣ Полтавцевой и имѣ
отъ нея трехъ дочерей и сына Михаила. Сестры и тетки (по матер
Михаила Дмитріевича вступили въ брачные союзы съ представи
лями различныхъ аристократическихъ фамилій; самъ Скобеле
былъ женатъ на княгинѣ М. П. Гагариной, но развелся съ нею
умеръ бездѣтнымъ. Со смертью Скобелева родъ его въ мужской
ніи прекратился [1]).

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ 17
сентября 1843 г. О своемъ дѣтствѣ и первоначальномъ воспита
онъ самъ нерѣдко разсказывалъ друзьямъ и знакомымъ, обрисов
вая первыя впечатлѣнія дѣтства далеко не въ привлекательно
видѣ. Извѣстно, что въ первой половинѣ нашего вѣка воспита
молодыхъ дворянъ сплошь и рядомъ находилось въ рукахъ не
жественныхъ гувернеровъ, большей частью изъ нѣмцевъ. Е
тогда уже вывелись гувернеры вродѣ описаннаго Фонвизин
Вральмана и бѣглые каторжники, обучавшіе дѣтей, о чемъ мож
прочесть въ запискахъ Болотова и Державина, то во всякомъ с
чаѣ многіе изъ гувернеровъ въ началѣ сороковыхъ годовъ недал
ушли отъ этихъ Вральмановъ. Отецъ Скобелева былъ человѣкъ с
рыхъ порядковъ. Вздумавъ воспитать сына какъ можно болѣе
рово, онъ нанялъ гувернера-нѣмца, которому предоставилъ неог
ниченную власть надъ мальчикомъ. Нѣмецъ оказался не тол
строгимъ, но и свирѣпымъ. За малѣйшую ошибку при вызубрива
нѣмецкихъ вокабулъ, за всякую дѣтскую шалость гувернеръ жес
ко сѣкъ мальчика прутомъ. Въ этомъ воспитаніи слѣдуетъ
дѣть чуть ли не первый зародышъ позднѣйшей нелюбви Скобел
къ нѣмцамъ. Скобелевъ съ дѣтства обладалъ независимой, пыл
и живой натурой; втеченіи долгаго времени онъ былъ вынужде
скрѣпя сердце, терпѣть подобное обращеніе. Въ его характерѣ р
вились скрытность и мстительность. Нѣмецъ-гувернеръ влюби
въ какую-то особу и сталъ дѣлать къ ней частые визиты. Отпр
лялся къ возлюбленной, гувернеръ всегда надѣвалъ фракъ, цилин

---

[1]) Тетки Скобелева вышли замужъ: одна—за графа Адлербе
другая—за графа Баранова; изъ сестеръ его старшая вышла за кн
Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, средняя—за Шереметева, а младшая—
Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго

и новыя перчатки. Мальчикъ подмѣтилъ это и отомстилъ нѣмцу по своему. Онъ подкрался къ комнатѣ, куда долженъ былъ войти гувернеръ, вымазалъ ручку двери ваксой и потомъ съ наслажденіемъ подглядывалъ, какъ щеголеватый нѣмецъ перепачкалъ свои перчатки. Изъ всѣхъ уроковъ гувернера на мальчика повліяли главнымъ образомъ его нитрижки. Двѣнадцатилѣтній Скобелевъ, въ свою очередь, вообразилъ себя влюбленнымъ въ дѣвочку своего возраста. Онъ совершалъ прогулки верхомъ рядомъ со своей воображаемой невѣстой. Однажды, когда эта дѣвочка гостила у Скобелевыхъ, гувернеръ при ней выбранилъ питомца, Скобелевъ что-то отвѣтилъ. Взбѣшенный гувернеръ ударилъ мальчика по лицу. Тутъ случилось нѣчто непредвидѣнное. Скобелевъ, до-сихъ-поръ мстившій только исподтишка, не вынесъ обиды и, въ присутствіи своей возлюбленной, сначала плюнулъ нѣмцу въ лицо, затѣмъ отвѣтилъ ему, въ свою очередь, пощечиной. Ошалѣвшій нѣмецъ побѣжалъ жаловаться. Но этотъ смѣлый поступокъ мальчика рѣшилъ дальнѣйшее направленіе его воспитанія въ болѣе благопріятномъ смыслѣ. Отецъ понялъ, что нѣмецъ довелъ сына до отчаянія; онъ разсчиталъ гувернера и отдалъ мальчика на воспитаніе французу Дезидерію Жирардэ, имѣвшему пансіонъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ съ ранняго дѣтства Скобелевъ успѣлъ возненавидѣть нѣмцевъ и затѣмъ попалъ подъ чисто-французское вліяніе. Хотя въ то время національная вражда между французами и нѣмцами не достигала и сотой доли той, какая появилась послѣ франко-прусской войны, но эти вліянія дѣтства достаточно подготовили позднѣйшія національныя симпатіи и антипатіи, отличавшія Скобелева въ зрѣломъ возрастѣ. Въ лицѣ Жирардэ Скобелевъ, по общимъ отзывамъ, встрѣтилъ воспитателя образованнаго, человѣчнаго и честнаго, притомъ искренне привязавшагося къ своему питомцу. Жирардэ послѣдовалъ за Скобелевымъ въ Россію, не разлучался съ нимъ даже во время военныхъ дѣйствій, былъ его лучшимъ наставникомъ и другомъ, провожалъ Скобелева и во время его послѣдней поѣздки за-границу. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни Скобелевъ совѣтовался съ Жирардэ: это была его самая искренняя привязанность.

Преувеличивать вліяніе Жирардэ на Скобелева конечно не слѣдуетъ. Быть можетъ и справедливо, что Жирардэ болѣе всего старался развить въ своемъ питомцѣ «религію долга»; но есть основанія утверждать, что Скобелевъ былъ обязанъ прежде всего самому себѣ и что много поработалъ надъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ. Нельзя конечно принять и другого крайняго мнѣнія

высказаннаго извѣстнымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ, кото-
рый въ своихъ запискахъ о Скобелевѣ увѣряетъ, что даже на двад-
цать-седьмомъ году жизни Михаилъ Дмитріевичъ былъ юноше
чрезвычайно нетвердыхъ правилъ и не обладалъ будто бы даж
простѣйшими понятіями о военной честности, а потомъ втечені
нѣсколькихъ лѣтъ развилъ это все въ себѣ собственными усиліями[1].
Истина находится въ этомъ случаѣ посерединѣ. Пройдя школу Ка-
рардэ, Скобелевъ былъ конечно далекъ отъ нравственнаго совер-
шенства и отъ отвлеченнаго преклоненія передъ долгомъ; онъ был
просто неустановившимся юношей, во многомъ сходнымъ съ предста
вителями такъ называемый золотой молодежи, но съ тѣмъ отличіем
что еще въ тѣ годы выказывалъ необыкновенныя способности и т
своеобразность ума и чувства, которая отличаетъ генія отъ сотн
блестящихъ, но неглубокихъ талантовъ.

По желанію родителей, Скобелевъ по окончаніи ученія у Ка
рардэ возвратился въ Россію для дальнѣйшаго продолженія обра
зованія. Онъ поступилъ (въ 1861 г.) на математическій факультет
петербургскаго университета. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Скоб
левъ учился здѣсь не съ большой охотой: его тянуло къ военно
службѣ, и онъ съ завистью смотрѣлъ на сверстниковъ, уже засл
жившихъ эполеты. Вскорѣ въ университетѣ вспыхнули извѣстн
студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою временное его закр
тіе; это было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Скобелева. Пу
университетскаго образованія былъ для него навсегда отрѣзан
Оставивъ университетъ, Скобелевъ поступилъ юнкеромъ въ Кав
лергардскій полкъ и въ 1863 г., какъ разъ въ началѣ польск
возстанія, былъ произведенъ въ корнеты. Сгорая нетерпѣніемъ пой
на войну, Скобелевъ сталъ хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвар
Гродненскій гусарскій полкъ. Въ битвѣ подъ Мѣховымъ Скобеле
получилъ такъ называемое боевое крещеніе. Втеченіи всей польск
кампаніи Скобелевъ велъ себя такъ, что его военныя способно
тогда уже обратили на себя вниманіе и товарищей, и начальнико

Возвратившись въ Петербургъ, Скобелевъ пожелалъ дости
высшаго военнаго образованія и поступилъ въ Николаевскую ак
демію генеральнаго штаба. Подготовка его была найдена блест

[1] Вообще записки Верещагина о Скобелевѣ, представляя д
гоцѣнный сырой матеріалъ, требуютъ строгаго критическаго от
шенія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ, вмѣсто ф
товъ, приводитъ свои догадки и мнѣнія.

щей, способности—отличными; но во время пребыванія Скобелева въ академіи о немъ составились разныя мнѣнія. Товарищи цѣнили его; начальство считало Скобелева способнымъ, но лѣнивымъ.

На самомъ дѣлѣ Скобелевъ, подобно большинству замѣчательныхъ людей, не подходилъ подъ общую мѣрку. Онъ занимался съ упоеніемъ тѣмъ, что его привлекало, и часто пренебрегалъ тѣмъ, чего требовала школьная рутина. Нерѣдко Скобелевъ, собравъ вокругъ себя товарищей, читалъ имъ какую-нибудь записку своего сочиненія, касавшуюся походовъ Наполеона или какого-либо событія изъ русской военной исторіи. Это чтеніе всегда приводило товарищей въ восторгъ, вызывало оживленные споры и разсужденія. Не смотря на то, что Скобелевъ читалъ массу книгъ, начальство было увѣрено, что онъ ровно ничего не дѣлаетъ; на экзаменахъ онъ отвѣчалъ плохо и вышелъ по второму разряду. Разсказываютъ, что только случай рѣшилъ зачисленіе Скобелева въ генеральный штабъ. Послѣ экзаменовъ по теоріи были заданы по обыкновенію практическія испытанія. Подъ впечатлѣніемъ недавнихъ польскихъ событій, были избраны темой съемки и рекогносцировки въ сѣверо-западномъ краѣ. Скобелеву было задано отыскать наиболѣе удобный пунктъ для переправы кавалерійскаго отряда черезъ Нѣманъ. Когда явилась повѣрочная коммиссія, въ которой участвовалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ теоретиковъ, профессоръ академіи, впослѣдствіи генералъ Леръ, то къ немалому изумленію членовъ коммиссіи оказалось, что Скобелевъ провелъ все назначенное время на одномъ и томъ же пунктѣ. Когда ему были предложены вопросы, Скобелевъ, вмѣсто отвѣта, вскочилъ на коня, ободрилъ его плетью, прямо съ мѣста бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца. Ученый теоретикъ Леръ, приведенный въ восторгъ такимъ практическимъ рѣшеніемъ задачи, настоялъ на томъ, чтобы Скобелева зачислили въ генеральный штабъ.

Скобелевъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая ознакомиться съ практикой войны не по книгамъ, а на дѣлѣ. За отсутствіемъ русскихъ войнъ, онъ старался присмотрѣться къ военнымъ дѣйствіямъ западныхъ державъ. Въ 1864 году, во время датской кампаніи, Скобелевъ испросилъ заграничный отпускъ, и ему удалось посѣтить театръ войны.

Вслѣдъ затѣмъ Скобелевъ былъ назначенъ на службу въ Туркестанъ. Онъ принималъ участіе въ весьма удачной экспедиціи генерала Абрамова на бухарской границѣ и успѣлъ ознакомиться съ азіатскими способами веденія войны. Въ 1870 году Ско-

белевъ получилъ назначеніе на Кавказъ, потомъ состоялъ при ш
ковникѣ Столѣтовѣ въ Закаспійскомъ краѣ. Къ этому времени
носится загадочное происшествіе, повлекшее къ столкновенію С
белева съ начальствомъ. Суть дѣла въ томъ, что Скобелевъ про
велъ скрытую рекогносцировку къ Саракамышу, не входившую
виды и разсчеты кавказскаго штаба. За этотъ самовольный пос
покъ онъ былъ отосланъ обратно въ Петербургъ.

Полное разъясненіе этого событія невозможно въ настоящ
время, за недоступностью оффиціальныхъ документовъ, къ нему
носящихся. Приходится довольствоваться разсказами, очевидно
точными и быть можетъ пристрастными. Замѣчательно, что близ
пріятель Скобелева, В. В. Верещагинъ, говоритъ объ этомъ эпизо
очевидно не со словъ самого Скобелева, но подъ впечатлѣніемъ р
сказовъ его бывшихъ начальниковъ. Между тѣмъ изъ всего эт
дѣла и даже изъ разсказа Верещагина очевидно, что начальс
Скобелева относилось въ то время къ молодому капитану генера
наго штаба далеко не дружелюбно. На него смотрѣли, какъ на
тербургскаго выскочку, пріѣхавшаго поучать людей старыхъ и оп
ныхъ. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ фактовъ и слухо
излагаемыхъ Верещагинымъ. Самъ художникъ, безъ сомнѣнія, с
шалъ въ то время такъ много дурного о Скобелевѣ, что подда
общему мнѣнію. Вотъ что повѣствуетъ г. Верещагинъ въ сво
«Воспоминаніяхъ».

Верещагинъ познакомился со Скобелевымъ въ 1870 году
единственномъ ресторанѣ города Ташкента. До того времени
дожникъ ничего не зналъ ни объ отцѣ Скобелева, ни о немъ само
но много слышалъ о его извѣстномъ дѣдѣ—безрукомъ генера
Дальше пусть разсказываетъ самъ г. Верещагинъ.

«Нѣкто Жирарда, очень милый французъ, учившій дѣтей тог
няго генералъ-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, ст
наго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника С
белева.—Я пожалъ руку офицерика, почтительно поклонившаго
Фигура юнаго Скобелева была такъ привлекательна, что нельзя б
отнестись къ нему безъ симпатіи, не смотря на то, что исторія,
сѣвшая на его шеѣ, была самаго некраснаго свойства. Дѣло въ т
что, возвратившись изъ рекогносцировки на бухарской гран
онъ донесъ о множествѣ разбитыхъ и побитыхъ бухарскихъ
бойниковъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало (?), к
сказалось, и которые были имъ просто сочинены для реляціи.

Спрашивается, чей же авторитетъ противопоставляетъ г. Г
шагинъ реляціи Скобелева, и на чемъ основывалось начальств

повѣрившее этой реляціи? Оказывается, что довѣріе къ донесенію Скобелева поколебалъ уральскій казакъ, имѣвшій поводъ для личной мести Скобелеву. По скверной привычкѣ, до сихъ поръ еще кое-гдѣ существующей,—привычкѣ, которую въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ Скобелевъ осуждалъ самымъ безпощаднымъ образомъ, юный штабъ-ротмистръ, какъ его называетъ Верещагинъ, какъ-то въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ казаковъ. Ему стало тотчасъ стыдно, и онъ при первомъ удобномъ случаѣ представилъ казака въ урядники. Но уралецъ «дворянинъ», какъ они себя величаютъ, не удовольствовался этимъ, а сталъ всячески пакостить Скобелеву и всюду громко говорилъ, что «офицеръ сочинилъ отъ начала до конца всю исторію о разбойникахъ».

Но до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены болѣе убѣдительныя доказательства лживости донесенія, составленнаго Скобелевымъ, мы не видимъ никакого основанія вѣрить мстительному казаку.

Такъ или иначе, но изъ этого дѣла вышелъ крупный скандалъ. Двое офицеровъ изъ ташкентской золотой молодежи, кирасиръ Г. (сынъ извѣстнаго генерала Г., трагически погибшаго въ Варшавѣ) и П. (адъютантъ генералъ-губернатора), поссорились съ Скобелевымъ, который настаивалъ на своемъ, рѣзко осуждая низшихъ и высшихъ офицеровъ, вѣрившихъ на слово не ему, а казаку.

Оба офицера вызвали Скобелева на дуэль. Верещагинъ разсказываетъ эту исторію, становясь на сторону противниковъ Скобелева. Но все-таки онъ просилъ этихъ послѣднихъ «попадить малаго», какъ онъ снисходительно отзывался о Скобелевѣ. Просьба оказалась неумѣстной. Во время дуэли Скобелевъ обнаружилъ мужество и хладнокровіе, и одинъ изъ противниковъ, адъютантъ, послѣ дуэли пожалъ ему руку; другой былъ опасно раненъ Скобелевымъ. Тогда генералъ-губернаторъ счелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло. Экстренно созвавъ офицеровъ въ большой залъ своего дома, генералъ Кауфманъ при всѣхъ жестоко распекъ Скобелева. Верещагинъ увѣрялъ, что послѣ этого внушенія на Скобелева всѣ смотрѣли какъ на человѣка, осрамленнаго и ошельмованнаго. Ему оставалось только уѣхать въ Петербургъ, гдѣ Скобелевъ былъ привлеченъ къ участію въ занятіяхъ военно-ученаго комитета; затѣмъ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 22 пѣхотной дивизіи. Несмотря на все, способности Скобелева слишкомъ заявляли о себѣ, и съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Хивѣ и Кокандѣ мы видимъ его опять въ Средней Азіи.

Свѣдѣнія о первыхъ походахъ Скобелева въ Азіи находятся

между прочимъ въ извѣстной книгѣ Макъ-Гахана, и этотъ корр
понденть отличается безпристрастіемъ и точностью, заставляю
насъ предпочитать его показанія отрывочному и не всегда безп
страстному изложенію Верещагина. Разсказъ о хивинскихъ
двигахъ Скобелева мы приведемъ главнымъ образомъ со сл
Макъ-Гахана.

Еще казацкіе атаманы пытались завоевать Хиву. Затѣмъ со в
менъ Петра Великаго былъ предпринятъ рядъ экспедицій, боль
частью крайне неудачныхъ. Снаряженная генераломъ Кауфма
экспедиція была по счету шестая. Четыре отряда были двинуты р
личными путями; въ одномъ изъ нихъ, находившемся подъ нача
ствомъ полковника Ломакина, находился и полковникъ Скобеле
Переходъ оказался необычайно труднымъ. Изъ четырехъ отряд
одинъ, подъ начальствомъ Маркозова, совсѣмъ не достигъ мѣ
назначенія. Отрядъ Ломакина дошелъ 2 мая до Кизилъ-Агир
такъ какъ на слѣдующій день надѣялись дойти къ самымъ гра
цамъ Хивы, то созванъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено было
слать впередъ къ озеру Айбугиру авангардъ подъ начальств
Скобелева, что и было немедленно приведено въ исполненіе.
4 мая были получены извѣстія, измѣнявшія весь этотъ планъ.
макинъ получилъ инструкціи идти не на югъ, а на сѣверъ, чт
сойтись съ оренбургскимъ отрядомъ. Ломакинъ послалъ ворот
Скобелева; но Скобелевъ получилъ приказъ слишкомъ поздно.
исполнилъ порученіе Ломакина раньше, чѣмъ разсчитывали, и
имѣлъ уже схватку съ большимъ туркменскимъ отрядомъ. Турк
мы эти направлялись въ Хиву съ большимъ караваномъ. Въ
вязавшемся бою нѣсколько туркменъ было убито и захвачены
тораста верблюдовъ со множествомъ припасовъ. Зато самъ
белевъ, другой офицеръ и нѣсколько казаковъ были ранены.

28 мая произошелъ штурмъ самой Хивы. Объ этомъ шту
Верещагинъ разсказываетъ очевидно со словъ лицъ, приближ
ныхъ къ Кауфману, утверждая, что Скобелевъ снова сдѣлалъ
махъ, не такой правда большой, какъ въ 1870 году, т. е. въ
ріи съ бухарскими разбойниками, «но и не малый». По словамъ В
щагина:

«Скобелевъ повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы съ о
стороны въ то самое время, какъ съ другой городская депут
выходила съ хлѣбомъ-солью для выраженія командующему войс
полной и безусловной покорности. Генералъ Кауфманъ разсказы
мнѣ, что, зная уже о сдачѣ города и готовясь въѣхать въ
онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и к
«ура»,—словомъ, настоящій штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и

Здѣсь Верещагинъ по крайней мѣрѣ указываетъ на авторитетное показаніе генерала Кауфмана, которому очевидно было пріятно думать, что Хива сдалась бы ему помимо всякаго штурма. Необходимо однако сличить эти показанія съ вполнѣ безпристрастнымъ разсказомъ Макъ-Гахана. Изъ этого разсказа оказывается, что вовсе не Скобелевъ распорядился о штурмѣ—онъ только охотно исполнилъ приказаніе —и что самый штурмъ былъ послѣдствіемъ двуличнаго поведенія жителей, въ числѣ которыхъ находились туркмены, вовсе не помышлявшіе о сдачѣ.

Послѣ соединенія трехъ отрядовъ было рѣшено напасть на Хиву.

Утромъ 28 мая подошли къ городу. Командовавшій генералъ Веревкинъ былъ раненъ и сдалъ начальство полковнику Саранчеву. Теперь открыта была правильная бомбардировка подъ руководствомъ Скобелева.

Въ это время прибылъ отъ хана посланный, прося прекратить пальбу и предлагая капитуляцію. Саранчевъ и Ломакинъ согласились пріостановить дѣйствія; но едва посланный удалился, какъ пивицы опять стали стрѣлять. Скобелевъ немедленно возобновилъ бомбардировку. Опять явился посолъ отъ хана съ увѣреніемъ, что анъ тутъ не причемъ, что стрѣльбу продолжаютъ вопреки его приказу непокорные туркмены. Заявленіе это было принято за нахальное безстыдство, и бомбардировка продолжалась.

Впослѣдствіи оказалось, что ханъ говорилъ правду: онъ дѣйствительно не имѣлъ никакой власти надъ туркменами. Но откуда Скобелевъ, да и его прямые начальники могли знать о положеніи ана? Надо знать, что въ это время генералъ Кауфманъ стоялъ ще въ пятнадцати верстахъ отъ города. Ханъ прислалъ генералу исьмо, прося прекратить бомбардировку. Кауфманъ послалъ курьера съ приказаніемъ о прекращеніи, а хану написалъ, чтобы тотъ ыѣхалъ на слѣдующее утро за городскія ворота для сдачи.

Въ то время когда Кауфманъ выслушивалъ донесеніе оренбургскаго отряда, со стороны города вдругъ послышались выстрѣлы. уркмены, недовольные сдачею, рѣшились продолжать сопротивленіе. Полковникъ Саранчевъ чуть-ли не былъ такъ-же расположенъ ражаться, какъ и сами туркмены; сверхъ того его окружали молодые, пылкіе офицеры, подобные Скобелеву и графу Шувалову. акъ разъ въ ту минуту, когда Кауфманъ уже самымъ мирнымъ разомъ входилъ въ городъ съ противоположной стороны, туркмены стали стрѣлять по отряду Саранчева. Разгорячennый огнемъ

непріятели, Саранчевъ отдалъ приказаніе штурмовать городъ. Ск
белевъ и Шуваловъ съ радостью ухватились за этотъ предло
Направили нѣсколько гранатъ въ Хозаватскія ворота, и Скобеле
съ Шуваловымъ во главѣ тысячи солдатъ бросились на присту
подъ градомъ выстрѣловъ изъ ручныхъ орудій, сыпавшихся на ни
съ городскихъ стѣнъ. Какъ только русскіе овладѣли воротами, ту
мены сошли со стѣнъ и разбѣжались, продолжая стрѣлять. На
войска расчищали себѣ дорогу ракетами и шли, сражаясь на хо
пока не достигли ханскаго дворца. Не успѣли они здѣсь простоя
и пяти минутъ, какъ пришло извѣстіе, что отрядъ генерала Ка
мана входитъ другими воротами. Скобелевъ немедленно далъ пр
казъ отступать, откуда вошли.

Таковы факты. Очевидно, что только нападенія на мирны
обывателей, пославшихъ депутацію къ генералу Кауфману, въ эт
пельзя видѣть, и весь этотъ эпизодъ рисуется совсѣмъ въ ин
свѣтѣ.

Послѣ взятія Хивы потребовалось узнать причины, воспре
ствовавшія кавказскому отряду достигнуть соединенія съ тр
остальными отрядами. Пространство въ 70 верстъ все еще оста
лось неразслѣдованнымъ; для пополненія пробѣла имѣлось въ ви
снарядить цѣлый отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Скобелевъ вызвался сдѣлать эту поѣздку одинъ съ немног
провожатыми. Разсказъ Макъ-Гахана объ этой смѣлой рекогнос
ровкѣ въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ показаніями
рещагина.

Рекогносцировка была бы слишкомъ тяжела для большого
ряда, а для маленькаго представляла опасности, потому что вс
скитались озлобленные туркмены. Проѣхать опасный путь, на
сать на карту мѣстность, изслѣдовать колодцы и рѣшить, ка
количество воды могли они доставить, долженъ былъ кто-нибу
одинъ, полагаясь только на свою ловкость и на быстроту своей
шади. Это дѣло было предпринято и блистательно исполнено Ско
левымъ. Переодѣвшись въ туркменскій костюмъ, онъ взялъ съ
бою трехъ туркменъ, которые служили у него нѣсколько лѣтъ
углубился въ пустыню. Скобелевъ пропадалъ безъ вѣсти втеч
десяти дней, и уже потеряли надежду на его возвращеніе, ко
онъ внезапно явился, сильно утомленный, но съ извѣстіемъ,
предпріятіе его исполнено. Онъ пришелъ къ заключенію, что вся
попытка со стороны Маркозова идти дальше повела бы къ ги
его отряда отъ недостатка воды.

Посмотримъ, какъ отнеслись къ подвигу Скобелева, одинаково приведшему въ восхищеніе и Мак-Гахана, и Верещагина, тѣ ташкентскіе аристократы, для которыхъ Скобелевъ былъ давно бѣльмомъ на глазу. Адъютантъ П. и другіе, по словамъ Верещагина, открыто насмѣхались надъ Скобелевымъ, замѣчая, что онъ все-таки не доѣхалъ пятнадцати верстъ до тѣхъ колодцевъ, отъ которыхъ повернулъ назадъ Маркозовъ. Не ограничиваясь этимъ, увѣряли, что все это дѣло было затѣяно Скобелевымъ не ради пользы арміи, но съ единственной цѣлью получить Георгіевскій крестъ. На этотъ разъ Верещагинъ беретъ Скобелева подъ свою защиту. «Не вѣрю,—пишетъ онъ,— чтобы Скобелевъ хлопоталъ только о Георгіевскомъ крестѣ, статутъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ наизусть еще съ юныхъ лѣтъ». Крестъ былъ все-таки полученъ Скобелевымъ; но генералъ Кауфманъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ многозначительно прибавилъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки, но уваженія моего еще не заслужили.

Скрыть заслуги Скобелева въ этомъ походѣ было невозможно. О его подвигахъ заговорили не только въ Россіи, но и въ Англіи, зорко слѣдящей за нашими успѣхами въ Средней Азіи. За хивинскій походъ Скобелевъ получилъ множество отличій—между прочимъ [illegible] генералъ-маіора и назначеніе въ свиту.

Въ концѣ похода Скобелевъ близко сошелся съ Мак-Гаханомъ [illegible] слѣдующему походу. 24 августа наши войска оставили Хиву и [illegible] къ Оксусу. Скобелевъ, только что возвратившійся изъ [illegible] опасной рекогносцировки, не хотѣлъ уѣзжать, пока не напишетъ полнаго донесенія Кауфману. Онъ предложилъ Мак-Гахану остаться съ нимъ въ мѣстномъ дворцѣ хана. Не смотря на [illegible] ванное положеніе среди враждебнаго населенія, Мак-Гахан [illegible] ился, чѣмъ сразу завоевалъ расположеніе Скобелева. Дальше [illegible] разсказываетъ самъ Мак-Гаханъ:

«Войска выступили около двухъ часовъ и къ тремъ часамъ скрылись изъ виду, а полковникъ Скобелевъ, его два служителя и [illegible] ничтожный остатокъ побѣдоносной арміи, остались одни среди непріятеля. На другой день, рано утромъ, мы пустились въ путь, чтобы присоединиться къ войску. Часа три или четыре мы ѣхали среди цвѣтущихъ полей и садовъ оазиса, встрѣчая по пути узбековъ, которые кланялись намъ почтительно, по видимо радуясь, что послѣдніе русскіе уѣзжаютъ. Никто не выказалъ однако ни малѣйшаго поползновенія оскорбить насъ, и нашъ отрядъ въ четыре человѣка ѣхалъ такъ-же спокойно, какъ еслибы насъ была тысяча».

Съ этихъ поръ между Скобелевымъ и Мак-Гаханомъ завяза-

лась искренняя дружба, которая заставила впослѣдствіи (въ 187[illegible] Скобелева съ чисто дѣтскимъ отчаяніемъ оплакивать Макъ-Гаха[illegible] умершаго отъ тифа въ Константинополѣ, куда онъ добрался, со[illegible]шивъ походъ съ нашей дунайской арміей.

Когда Скобелевъ возвратился въ Петербургъ, увѣшанный о[illegible]нами, и, какъ назначенный въ свиту, сталъ появляться въ высш[illegible] обществѣ, многіе взглянули на тридцати-лѣтняго генерала несоч[illegible]ственно и свысока. Великосвѣтскіе остряки прозвали Скобел[illegible] «побѣдителемъ халатниковъ» и громко заявляли, что ему слѣду[illegible] позаботиться заслужить всѣ ордена, украшающіе его грудь. Х[illegible] Скобелевъ былъ уже въ полномъ смыслѣ слова опытнымъ боев[illegible] генераломъ, ему пришлось удовольствоваться весьма скромн[illegible] назначеніями. Сначала онъ былъ назначенъ начальникомъ шт[illegible] одной кавалерійской дивизіи, да и то потому, что дивизіей ком[illegible]довалъ его отецъ. Затѣмъ дивизію эту расформировали, и «Ск[illegible]лева 2-го» причислили къ главной квартирѣ.

Въ 1874 году Скобелевъ отправился въ южную Францію, [illegible] вначально съ цѣлью отдыха и развлеченія. Но здѣсь, заинтер[illegible]вавшись партизанской карлистской войной, онъ вздумалъ пробра[illegible]ся къ Донъ-Карлосу. Оборонительныя дѣйствія партизановъ ка[illegible]лись ему болѣе достойными изученія, чѣмъ дѣйствія регуляр[illegible] испанской арміи. Онъ былъ свидѣтелемъ [illegible]раженій при Эстель[illegible] Пепо ди Мурра.

Возвратившись въ Среднюю Азію, Ск[illegible] [illegible] значенъ на важный [illegible] губернатора Ф[illegible] и начальника [illegible] войскъ, дѣйствовавшихъ въ [illegible]скомъ [illegible]. Предоставимъ слово г. Верещагину, который созн[illegible]ся, [illegible] поръ Скобелевъ заслужилъ уваженіе и генер[illegible] [illegible], «что, по нашему мнѣнію, вовсе не служитъ мѣрил[illegible] заслугъ Скобелева».

Будучи въ Коканѣ во время вспыхнувшаго тамъ мятежа [illegible]тивъ хана, Скобелевъ (тогда еще губернаторъ), начальствуя [illegible] воемъ русской миссіи, отступилъ къ русской границѣ, охрана[illegible] русскихъ чиновниковъ, и самого хана со свитою, не потерявъ [illegible] этомъ ни одного человѣка. Любопытно, какъ отнеслись къ дѣйстві[illegible] Скобелева завистники. Раньше они же упрекали Скобелева въ [illegible]умной храбрости, теперь они называли Скобелева трусомъ за[illegible] что онъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ не задѣвалъ шедших[illegible] нимъ по пятамъ десятковъ тысячъ узбековъ. Отвѣтомъ на обв[illegible]нія были дѣйствія Скобелева во время открывшейся затѣмъ ко[illegible]

кой кампаніи. Скобелевъ былъ въ этомъ походѣ начальникомъ ка-
леріи и дѣйствовалъ такъ стремительно, что привелъ въ восхи-
еніе даже Кауфмана. Послѣ битвы подъ Махрамомъ Кауфманъ,
юбившій щеголять отборными русскими словами, телеграфировалъ
ь Петербургъ: «дѣло сдѣлано чисто!»

Въ этомъ же коканскомъ походѣ Скобелевъ вздумалъ восполь-
оваться своимъ знаніемъ библейской исторіи—онъ умѣлъ все при-
ѣнять къ военнымъ цѣлямъ. Вспомнивъ разсказъ о Гедеонѣ, Ско-
елевъ продѣлалъ такой же маневръ съ скопищемъ кокапской кон-
ицы. Взявъ съ собою сотню оренбургскихъ казаковъ подъ началь-
твомъ Машина, Скобелевъ подкрался ночью къ непріятельскому
агерю и безъ факеловъ, съ криками «ура!» налетѣлъ на коканцевъ.
епріятели въ паникѣ стали давить и убивать другъ друга и раз-
ѣжались во всѣ стороны.

Верещагинъ, разсказывая объ этомъ событіи, и тутъ считаетъ
олгомъ говорить «объ относительной честности» Скобелева. Дѣло въ
мъ, что хотя Скобелевъ придумалъ ночную атаку, но откровенно
изнавался, что лично мало участвовалъ въ ней. Въ темнотѣ онъ
отерялъ Машина и его казаковъ изъ виду и прискакалъ, когда
'е уже дрогнуло и побѣжало. По реляціи Скобелева на полѣ битвы
ало собрано 2000 чалмъ; Верещагинъ дѣлитъ это число на два,
все-таки прибавляетъ, что «дѣло сдѣлано было недурно».

Одинъ перечень сраженій, въ которыхъ участвовалъ Скобелевъ
время коканскаго похода, занялъ бы слишкомъ много мѣста.
остаточно напомнить, что въ 1876 году былъ занятъ Коканъ, за-
мъ Скобелевъ организовалъ извѣстную алайскую экспедицію,
ичемъ перешелъ горные перевалы, высотою превосходящіе Мон-
анъ (Сары Могулъ 18000 футовъ). Герцеговинское возстаніе и
рбская война совершенно измѣнили планы Скобелева: вниманіе
о было отвлечено отъ Средней Азіи къ Балканамъ.

II.

Начало турецкой войны.—Переходъ черезъ Дунай.—Отвага Скобелева.—Удачи и неудачи.

Мы коснемся исторіи войны 1877 года лишь настолько, на-
олько необходимо для оцѣнки военной дѣятельности Скобелева.
съ этой же цѣлью нельзя обойтись безъ бѣглаго очерка общаго
ода дѣйствій русскихъ войскъ. Русское общество и даже весь
ский народъ привыкъ считать Скобелева самымъ выдающимся

героемъ турецкой кампаніи; эта справедливо заслуженная с
была плодомъ исключительно личныхъ способностей Скобелева
никакъ не его служебнаго положенія въ арміи. Въ началѣ туре
войны Скобелевъ занималъ такія ничтожныя должности, что, суд
этому, почти невозможно было предположить, какую роль дол
былъ играть молодой генералъ въ послѣдовавшихъ затѣмъ событі

Причины турецкой войны общеизвѣстны, хотя еще не вполнѣ
крыты всѣ пружины, руководившія герцеговинскимъ возстан
изъ-за котораго началась сербская война. Возстаніе это было
звано главнымъ образомъ экономическимъ гнетомъ, дѣйст
мусульманскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ: не мало способ
вали возстанію агенты различныхъ соперничающихъ держав
числѣ которыхъ находилась одна личность, въ то время игра
роль отчаяннаго панслависта, а впослѣдствіи поселившаяся въ
маніи и издававшая въ Берлинѣ газету, имѣвшую связи съ гер
ской имперской канцеляріей [1]). Эти международные люди, в
давшіе возстаніе, были наилучшими подготовителями австрій
оккупаціи, которая, судя по заявленіямъ босняковъ и герцего
цевъ, хуже всякаго турецкаго ига. Извѣстно, что возстаніе Б
и Герцеговины, бывшее исходнымъ пунктомъ всѣхъ балкан
столкновеній и самой русско-турецкой войны, вскорѣ отошл
всѣмъ на задній планъ. Русская дипломатія устроила даже от
ное соглашеніе съ Австріей, о которомъ Австрія не замед
увѣдомить князя Бисмарка. Въ силу этого соглашенія, Ав
была предоставлена оккупація возставшихъ турецкихъ пров
на тотъ случай, если Россія займетъ Константинополь. Конст
нополя мы, какъ извѣстно, не заняли, уступая угрозамъ Ав
подстрекаемой тою же Австріею, но австрійцы избрали б
часть и, однажды войдя въ Боснію и Герцеговину, рѣшили ост
тамъ на неопредѣленное время. Съ точки зрѣнія босняковъ г
цеговинцевъ, вся наша турецкая кампанія и привела лиш
ухудшенію ихъ положенія.

Но босняки и герцеговинцы очевидно были только предл
Турецкая война была несомнѣнно затѣяна подъ вліяніемъ
совершенно противоположныхъ мотивовъ, опредѣлившихъ
внѣшнюю политику, отстаиваемую нашими націоналистами.

---

[1]) Рѣчь идетъ о публицистѣ съ двойной славянской фа
женатомъ на англичанкѣ и впослѣдствіи жившемъ въ Др
Гейдельбергѣ и Берлинѣ, откуда онъ корреспондировалъ въ
Время» и въ другія газеты.

изъ этихъ мотивовъ—идеальный—состоялъ въ стремленіи освободить христіанское населеніе Турціи изъ-подъ мусульманскаго ига; другой, гораздо болѣе практическій, сводится къ стремленію овладѣть турецкими проливами, а быть можетъ и самимъ Константинополемъ, съ чисто стратегической и коммерческой цѣлью, именно въ виду доставить нашему военному и торговому флоту выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное. Несомнѣнно, что въ послѣднюю русско-турецкую войну первый—идеальный мотивъ одержалъ верхъ, хотя постоянно слышались голоса, требовавшіе, чтобы Россія вознаградила себя за понесенныя жертвы болѣе ощутительнымъ образомъ, путемъ захвата Константинополя и проливовъ.

Каковы бы ни были мотивы, нельзя не признать, что послѣдняя турецкая война была начата нами безъ строго обдуманнаго не только политическаго, но и чисто военнаго плана. Въ этомъ вопросѣ сходятся и наши, и иностранные писатели, и теоретики, вродѣ генерала Богдановича, и боевые генералы, подобные Зотову.

Вотъ что писалъ напр. генералъ П. Д. Зотовъ, находившійся въ моментъ объявленія войны въ Могилевѣ:

«Война объявлена, и конечно она должна быть съ нашей стороны наступательной, для которой первое условіе успѣха—значительный перевѣсъ въ силахъ. Достаточно ли ихъ у насъ? Въ Европейской Турціи, по газетнымъ свѣдѣніямъ, подъ ружьемъ 250 т. арміи. Мы мобилизовали 8 корпусовъ... къ половинѣ іюня на Дунаѣ можно сосредоточить 6 корпусовъ, которые въ суммѣ составятъ менѣе 200 тысячъ. Въ 1828 и 1853 году мы были уже наказаны за нарушеніе основныхъ правилъ стратегіи—не пренебрегать непріятелемъ; но уроки не пошли впрокъ. Мы увлеклись впечатлѣніемъ дѣйствій Черняева, разсказами о томъ, что турки бѣгутъ при видѣ большихъ русскихъ сапогъ».

Два дня спустя тотъ же генералъ жалуется на крайніе безпорядки. Въ каждомъ полку оказывался некомплектъ, въ нѣкоторыхъ полкахъ болѣе 100 чел. Разсчеты оказались чисто бумажными. Мѣстами мобилизація была затруднена бездѣйствіемъ губернскихъ властей, причемъ иные администраторы заботились лишь о «величіи своего званія». Съ приближеніемъ къ Дунаю безпорядки все увеличивались, а между тѣмъ еще до перехода черезъ границу многіе получили отличія. 16 мая Зотовъ пишетъ: «На пути слышалъ много разсказовъ о знаменитомъ товариществѣ Грегера, Горвица и Когана; это тоже что-то вродѣ канцеляріи. Войска жалуются за недостаточность, несвоевременную доставку и недоброкачественность продуктовъ; но товарищество сильно поддерживается.... При арміи сверхъ того огромный персоналъ интендантскихъ чиновниковъ .

*

О нашихъ желѣзнодорожныхъ неурядицахъ и говорить нечего. По показанію Салова былъ напр. такой случай: Чугуевскій уланскій полкъ долженъ былъ сѣсть въ Дубно; получается телеграмма «сѣсть въ Сдолбуновѣ за 45 верстъ». Полкъ по тревогѣ скачетъ въ Сдолбуново, здѣсь стоятъ вагоны для посадки; вдругъ поѣздъ уходитъ по чьему-то приказанію въ Дубно, и полкъ вынужденъ ѣхать назадъ, чтобы сѣсть тамъ! Главнымъ средствомъ успѣха мобилизаціи считалось соблюденіе строжайшей канцелярской тайны. Секретничанье дошло до того, что 30 іюня въ главный штабъ пріѣхалъ Контакузенъ съ вопросомъ, гдѣ 16 дивизія? Оказалось, что самъ штабъ не зналъ этого.

Этихъ немногихъ отрывочныхъ замѣчаній достаточно, чтобы обрисовать условія, найденныя Скобелевымъ, который, бросивъ свои среднеазіатскія дѣла, промѣнялъ почетный и независимый постъ губернатора цѣлаго Ферганскаго края на совершенно неопредѣленное положеніе въ дунайской арміи.

12 апрѣля 1877 года была объявлена война и въ тотъ же день наши войска перешли границу. 10 іюня произошла переправа черезъ Дунай. 15 числа авангардъ перешелъ черезъ Дунай противъ Зимницы и послѣ упорнаго боя овладѣлъ высотами противоположнаго берега и г. Систовомъ. При этой переправѣ Скобелевъ ограничился болѣе чѣмъ скромной ролью охотника и, если угодно, добровольца. Для него, уже отличившагося въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ битвъ въ Средней Азіи, не нашлось подходящей должности въ арміи. Оставалось одно: самому себя назначить. Скобелевъ самъ себя произвелъ въ ординарцы М. И. Драгомирова.

Въ ночь переправы, послѣ второго рейса нашихъ лодокъ, Скобелевъ отправился на тотъ берегъ вмѣстѣ съ Драгомировымъ, штабомъ дивизіи и адъютантами.

Едва отчалили, какъ турки стали осыпать лодку пулями. Переѣхали благополучно. Бой кипѣлъ всюду. Генералъ Драгомировъ осмотрѣлъ все происходившее, насколько это было возможно, сквозь страшный дымъ и въ утреннемъ туманѣ. Все показалось ему страшно безтолковымъ.

— Ничего не разберешь, лѣзутъ, лѣзутъ, ничего не разберешь, повторялъ онъ.

Скобелевъ былъ рядомъ съ нимъ: оба были пѣшкомъ. Въ раздумьи и молча глядѣлъ М. И. Драгомировъ; вдругъ раздался голосъ Скобелева:

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю!

— Съ чѣмъ?

— Съ побѣдою, твои молодцы одолѣли.

— Гдѣ, гдѣ ты это видишь?

— Гдѣ? На рожѣ у солдата. Гляди на эту рожу! Такая у него рожа только тогда, когда онъ одолѣлъ; какъ претъ, любо смотрѣть.

Драгомировъ взглянулъ и постигъ тайну, еще не разъясненную ни въ одномъ учебникѣ тактики: читать побѣду на лицѣ солдата. Около девяти часовъ утра турки отступили. Еще на правомъ флангѣ поддерживалась перестрѣлка.

— Не пора ли остановить солдатиковъ?—спросилъ Скобелевъ Драгомирова,

Пора-то—пора, да некого послать, всѣ ординарцы въ расходѣ.

— Хочешь, пойду?

Скобелевъ отправился. Это былъ первый его подвигъ за Дунаемъ, о которомъ всѣ говорили съ удивленіемъ [1]).

Въ бѣломъ кителѣ пошелъ онъ тихою походкою, «какъ будто прогуливался на бульварѣ», какъ говоритъ Верещагинъ,—«какъ совершенно опытный боевой офицеръ», по словамъ Драгомирова... Скобелевъ отправился въ самый жаръ сраженія: слѣва наши стрѣлки въ виноградникахъ, а справа стрѣляютъ съ высотъ турки. Онъ идетъ, подходитъ къ стрѣлкамъ, остановится съ однимъ поговоритъ, другого ободритъ, и такимъ образомъ вездѣ одинъ открыто и медленнымъ шагомъ онъ обошелъ всѣ войска, передавая приказаніе Драгомирова.

И тѣмъ не менѣе, по словамъ Верещагина, нашлись начальники, которые сдѣлали Скобелеву выговоръ, сказавъ, что «онъ суется не въ свое дѣло».

Относительно дальнѣйшихъ дѣйствій Скобелева мы будемъ слѣдовать главнымъ образомъ разсказу Куропаткина. Этотъ близкій товарищъ Скобелева въ предисловіи къ своей замѣчательной книгѣ оговаривается, что именно вслѣдствіе близости къ покойному едва ли могъ писать вполнѣ безпристрастно. Но сличеніе показаній Куропаткина съ множествомъ другихъ свѣдѣній убѣждаетъ, что именно его разсказъ наиболѣе безпристрастенъ.

Въ началѣ турецкой войны наши войска одерживали повидимому блестящія побѣды. Это былъ самообманъ, основанный на полномъ не-

[1]) См. единичныя показанія Верещагина, самого Драгомирова (въ его рапортѣ) и очевидца, описавшаго это событіе въ Сборникѣ, изданномъ кн. Мещерскимъ.

знакомствѣ съ силами и планами непріятеля. Мы привели мнѣніе Зотова, который полагалъ, что у турокъ около 250 тыс войска, и все-таки считалъ двинутую нами армію недостаточ На самомъ дѣлѣ у турокъ было 494 тысячи отлично вооружен войска. Достаточно сказать, что у каждаго турецкаго пѣхот приходилось отъ 500 до 1000 патроновъ на ружье, тогда как нашихъ было въ среднемъ по 60 патроновъ. Планъ турокъ сост въ томъ, чтобы завлечь нашу армію вглубь страны и здѣсь по можности окружить ее со всѣхъ сторонъ; слѣдуетъ сознаться, турки были на шагъ отъ выполненія этого плана.

Наши такъ называемыя побѣды въ началѣ кампаніи были мымъ слѣдствіемъ плана, придуманнаго турками, которые по безпрепятственно дозволили намъ занять значительную часть гарской территоріи. Черезъ три недѣли послѣ взятія Систова на войска захватили область шириною до 90 верстъ и глубиною до 1 Вновь сформированный отрядъ генерала Гурко опередилъ вс 25 іюня онъ занялъ Тырново. Объ этомъ событіи генералъ Зот впослѣдствіи имѣвшій подъ своей командой Скобелева, пишетъ своемъ дневникѣ: «4 іюля былъ взятъ Никополь, въ то же время Г занялъ Казанлыкъ и Шипку, 7 іюля взятъ Шипкинскій перевалъ проглядѣли важное событіе, а именно движеніе энергичнаго Осма паши, полководца, котораго если не по образованію, то по природ военнымъ талантамъ можно поставить на ряду съ Скобелевы Въ началѣ войны Османъ-паша находился въ Видинѣ. Графъ Н Игнатьевъ, близко знакомый съ турецкими генералами, нѣсколь разъ предупреждалъ Криденера о силѣ видинскаго гарнизона и э гіи Османа-паши. На это предупрежденіе не обратили должнаго манія. Пока мы занимали Тырново и Шипку, турки успѣли вы изъ Никополя и Видина и сосредоточились въ Плевнѣ, съ того врем ставшей ихъ опорнымъ пунктомъ. Какъ легко взглянули на полководцы на происшедшую перемѣну, показываетъ распоряже полученное генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ, занять Плев Отрядъ Шильдеръ-Шульднера атаковалъ Плевну 8 іюня, не и ни малѣйшаго понятія о силѣ непріятеля. По словамъ Куропатк у насъ походъ считался почти оконченнымъ: многіе офицеры, на ченные въ армію въ началѣ іюля, боялись, что опоздаютъ на во и не будутъ имѣть случая отличиться! Шильдеръ-Шульднеръ би отбитъ съ большимъ урономъ. Впечатлѣніе этого перваго понес наго нами пораженія было необычайное. Турки необычайно обод лись, у насъ явилось смущеніе. Слухи преувеличили число тур

ихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Плевнѣ. До сихъ поръ еще многіе оенные историки увѣряютъ, что при осадѣ Плевны мы имѣли дѣло ъ непріятелемъ, далеко превосходившимъ насъ силами. Мнѣніе это ишено основанія, и, основываясь на данныхъ, собранныхъ полковни-омъ генеральнаго штаба Артамоновымъ, Куропаткинъ утверждаетъ, что силы Османа-паши въ началѣ борьбы подъ Плевной не пре-ышали 30,000. Противъ этихъ силъ мы двинули болѣе значитель-ую армію подъ командою Криденера. Правда, у Османа-паши была тборная армія, которою распоряжался онъ самъ; снабженіе арміи было отличное и турецкія орудія были нѣсколько дальше нашихъ.

18 іюля было произведено второе, еще болѣе несчастное на-аденіе на Плевну. Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Скобелевъ. Но что могъ сдѣлать «генералъ Скобелевъ 2-й» въ своей подчиненной оли, когда всѣмъ руководили лица, очевидно неспособныя къ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Османъ-паша?

Послѣ перехода черезъ Дунай Скобелевъ втеченіи долгаго вре-ени оставался не у дѣлъ: затѣмъ ему поручили произвести реког-осцировку къ Рущуку, но не дали ему никакого отряда. Скобелевъ тказался отъ роли «соглядатая земли обѣтованной» (по выраже-нію Верещагина). Во время второй атаки на Плевну рѣшились на-онецъ поручить Скобелеву, кромѣ казаковъ, еще батальонъ пѣхо-ты. Съ однимъ этимъ батальономъ Скобелевъ спасъ войска, бывшія подъ командою князя Шаховского и помогавшія Криденеру, отъ окон-чательнаго пораженія, о чемъ оффиціально донесъ самъ Шахов-ской. Съ горстью солдатъ Скобелевъ бросился на отовсюду насту-павшихъ турокъ, которымъ не пришло въ голову, что они имѣютъ дѣ-ло съ нѣсколькими сотнями солдатъ: ему удалось такимъ образомъ отвлечь вниманіе непріятеля и обезпечить Шаховскому отступленіе.

Въ этомъ дѣлѣ Скобелевъ обнаружилъ рыцарскія черты своего характера. Между прочимъ онъ призвалъ Сергѣя Верещагина (бра-га знаменитаго художника) и сказалъ ему:

— Поручаю вамъ удаленіе съ поля раненыхъ. Я не сойду съ мѣста, пока не получу отъ васъ извѣстія, что послѣдній раненый унесенъ съ поля.

Поздно вечеромъ, Сергѣй Верещагинъ и сотникъ Ш. прибыли съ разныхъ сторонъ и доложили Скобелеву, что всѣ раненые подобраны.

— Я вамъ вѣрю, сказалъ Скобелевъ, — и тогда только началъ отступленіе.

Во время всей этой смѣлой атаки С. Верещагинъ былъ подлѣ Скобелева. Подъ Скобелевымъ была убита лошадь. Верещагинъ со-

скочилъ съ сѣдла и предложилъ свою. «Вижу, сказалъ Скобел простая гнѣдая (онъ употребилъ непечатное слово). Нѣтъ, не Неужели нѣтъ коня?» Но пули и гранаты сыпались въ такомъ личествѣ, что Скобелеву пришлось сѣсть на простую гнѣдую к лу и наконецъ уѣхать съ поля сраженія.

«Вторая Плевна» стоила намъ, по разсчету Куропаткина, офицеровъ и 7167 солдатъ. Генералъ Зотовъ говоритъ объ эт дѣлѣ: «Криденеръ обвиняетъ Шаховского, и обратно; одно я что встрепка намъ дана порядочная. Отступленіе уподобилось ству. паника распространилась даже за Дунай».

Много лѣтъ спустя Куропаткинъ выясняетъ причины пора нія. Различные отряды дѣйствовали безъ всякой связи между бою: сверхъ того всѣ усилія были потрачены съ цѣлью взять Г вицкій редутъ, хотя значеніе этого редута было ничтожно. Ку паткинъ подтверждаетъ, что отступленіе произошло въ безпоря добавляя, что еслибы Османъ-паша не остался на занятой п ціи, а рѣшился преслѣдовать, то могъ бы истребить отбр армію. Но дѣйствія кавалеріи на лѣвомъ флангѣ подъ начальств Скобелева 2-го, пишетъ Куропаткинъ, были образцовыми, не с тря на неблагопріятную мѣстность. Что значитъ въ такихъ сл яхъ искусство военачальника, ясно изъ того, что на правомъ ф гѣ кавалерія генерала Лошкарева ровно ничего не сдѣлала и д усилила замѣшательство во время отступленія.

Послѣ второй Плевны война приняла совершенно новый ха теръ. Изъ нападающей стороны мы стали въ положеніе оборо щихся. Стремительный походъ Гурко, уничтожавшаго по пути лѣзнодорожныя станціи и даже цѣлые участки желѣзной дор завелъ его отрядъ такъ далеко, что онъ не могъ поспѣть ко вт Плевнѣ, а между тѣмъ съ появленіемъ всѣхъ силъ Сулеймана-п войскамъ Гурко пришлось отступить назадъ за Балканы. Рез татомъ было предоставленіе населенія оставленной части Бол турецкимъ неистовствамъ. Тяжело было даже положеніе рус скаго отряда, противъ котораго выступила вдвое сильнѣйшая рецкая армія. Однимъ словомъ, на всѣхъ пунктахъ намъ приш перейти въ положеніе обороны, выжидая подкрѣпленій, и есл турки не обнаружили нерѣшительности въ атакѣ, то положеніе шей арміи могло стать критическимъ. Турки упустили время, и бытіе гвардіи и другихъ свѣжихъ войскъ рѣшило участь войны нашу пользу. Въ самое критическое время—когда ожидали подкр леній—военный талантъ Скобелева проявился въ полномъ бле

III.

Ловча и третья Плевна.

Послѣ второй Плевны турки перешли въ наступленіе противъ каждаго изъ нашихъ трехъ фронтовъ, имѣя всюду превосходныя, хотя и не подавляющія силы. Трудно однако сомнѣваться въ томъ, что если турки были такъ же искусны въ атакѣ, какъ и въ оборонѣ, они могли бы нанести намъ рядъ пораженій и отбросить насъ за Дунай. Главной ошибкой турокъ было держать шумлинскую армію въ отдаленіи отъ арміи Сулеймана-паши: соединеніе этихъ двухъ армій и атака ими нашихъ корпусовъ: 12-го и 13-го, могли бы дать войнѣ совершенно иной оборотъ. Вмѣсто этого турки истратили рядъ усилій на атаку Шипки (9—11 августа) въ то самое время, какъ Османъ-паша произвелъ неудачное нападеніе на западный отрядъ при Пелишатѣ, а Мехметъ-Али, въ свою очередь, былъ отбитъ у Аблавы. Конечно нападеніе Сулеймана-паши на Шипку, заставивъ насъ двинуть туда значительныя силы, затруднило еще болѣе борьбу подъ Плевной; но успѣхи, достигнутые турками, далеко не соотвѣтствовали превосходству, добытому ими послѣ несчастнаго для насъ дѣла 18 іюля.

Въ ряду мѣръ, предпринятыхъ съ нашей стороны послѣ второй Плевны, было сформированіе упомянутаго уже западнаго отряда подъ командою Зотова. Этому генералу былъ подчиненъ также вновь сформированный небольшой отрядъ, порученный Скобелеву. Зотовъ объ этомъ пишетъ:

«Румыны и Скобелевъ подчинены мнѣ, но распоряжаться ими я не могу. (Распоряженія шли изъ главной квартиры). Назначеніе отряда Скобелева —служить связью между 4-мъ корпусомъ и отрядомъ князя Мирского... Великій князь (главнокомандующій) желаетъ, чтобы безъ особой надобности не отвлекать этотъ отрядъ отъ его прямого назначенія. Пространство отъ Никополя до Какрино, гдѣ, какъ я узналъ, находится Скобелевъ,—мѣстность на сѣверѣ волнистая, къ югу, за Осмой, гористая».

Посмотримъ, какъ чувствовалъ себя Скобелевъ на этой какринской позиціи. Было уже замѣчено, что о силахъ, которыми располагалъ Османъ-паша въ Плевнѣ, въ нашей арміи ходили самые преувеличенные слухи. Цертелевъ опредѣлялъ ихъ въ 70 т., Зотовъ даже въ 80 т. Нападеніе Сулеймана на Шипку заставило думать многихъ, что Османъ произведетъ еще болѣе рѣшительное наступленіе. Опасались, что онъ двинется на Ловчу и станетъ въ тылъ

нашей арміи, боровшейся противъ Сулеймана. То и дѣло получа лись предписанія остерегаться движенія турокъ на Ловчу, къ Сель ви и къ Габрову. Маленькому отряду Скобелева было предписа стоять неподвижно на своей позиціи, главнымъ образомъ съ цѣль наблюденія за движеніями турокъ.

Скобелевъ не раздѣлялъ этихъ мнѣній. Онъ лично съ неболь шимъ конвоемъ произвелъ рекогносцировку, изслѣдовалъ путь к Ловчу и устроилъ казачій разъѣздъ для наблюденія пути на Иметл Эти мѣры убѣдили Скобелева, что наступленіе турокъ изъ Лов къ Сельви невыполнимо и что поэтому его собственное бездѣйств не приноситъ ни малѣйшей пользы дѣлу. Тяжело было положен пылкаго и въ то же время глубоко понимавшаго дѣло молодого г нерала. Не стѣсняясь никакими дисциплинарными формами, он бомбардировалъ всѣхъ, кого могъ, письмами, умоляя о разрѣшен перейти въ активное положеніе. Онъ обращается то къ кн. Свято полкъ-Мирскому, то къ самому генералу Радецкому, отстаивающе Шипку, предлагая свои услуги и ручаясь, что Сельви не угрожае никакой опасности, но получаетъ то отказы, то уклончивые отвѣты, наконецъ невыполнимыя или безполезныя предписанія, вызванн порою слухами, искусно пущенными въ ходъ съ турецкой сторон

Для болѣе правильнаго сужденія о положеніи Скобелева и е намѣреніяхъ необходимо привести нѣкоторыя документальныя да гыя. 16 августа Скобелевъ писалъ съ позиціи у Какрина, на шо изъ Сельви въ Ловчу, полковнику Тутолмину:

«Если на мѣстѣ окажется не *безумно отважнымъ* (подъ эти выраженіемъ я понимаю такое движеніе впередъ, которое по всѣ примѣтамъ должно будетъ повести къ гибели разъѣзда), то было б *крайне желательно* двинуться... къ Иметлійскому перевалу, дабы уб диться... въ настоящемъ расположеніи непріятельскаго лѣваго флан дѣйствующихъ войскъ противъ Шипки... Свѣдѣнія о противникѣ 1 августа: послѣ ряда безуспѣшныхъ попытокъ овладѣть Шипко вчера послѣдовало затишье, которымъ турки пользуются, чтобы о ходить большими массами нашъ правый флангъ на Зелено-Древо Иметлійскій перевалъ».

19 августа Скобелевъ уже имѣлъ свѣдѣнія, что дорога, ид щая изъ Иметли черезъ Зелено-Древо въ Габрово (гдѣ были наш войска, оборонявшія выходы на Шипкѣ), вполнѣ проходима да для артиллеріи.

Между тѣмъ еще 14 августа Скобелевъ писалъ Святополк Мирскому:

Потрясающее впечатлѣніе, произведенное разсказомъ г. Сте о положеніи нашихъ на Шипкѣ, заставляетъ меня высказать ва

мое глубокое убѣжденіе: непріятель искусно маневрируетъ, отвлекая часть нашихъ войскъ отъ сраженія на перевалѣ. *Немедленное* прибытіе 9 батальоновъ можетъ имѣть *рѣшительное значеніе* въ нашу пользу. Два полка изъ Сельви, 64-й казанскій съ занимаемой мною позиціи могутъ быть завтра утромъ въ Габровѣ... Въ данный моментъ Сельви *не* угрожаетъ никакой опасности. Почему же намъ не маневрировать?. Только что съ двумя сотнями изъ-подъ Ловчи; никакихъ признаковъ присутствія значительныхъ силъ...

На слѣдующій день онъ почти то-же пишетъ Радецкому:

Ввѣренный мнѣ отрядъ, по моему убѣжденію, безцѣльно стоитъ впереди Сельви... Между тѣмъ присутствіе въ бою на Шипкѣ 4 отличныхъ батальоновъ... могло бы имѣть большое значеніе... Начальникъ штаба ввѣреннаго мнѣ отряда, капитанъ Куропаткинъ, объяснитъ вамъ, на основаніи какихъ дисциплинарныхъ соображеній я беру смѣлость прямо обращаться къ вашему высокопревосходительству .

16 августа Скобелевъ послалъ Радецкому второе письмо, прося позволенія ударить туркамъ, атакующимъ Шипку, съ тыла. Можно себѣ представить положеніе Скобелева, до котораго порою доносился гулъ выстрѣловъ на Шипкѣ, вынужденнаго бездѣйствовать у Какрина! Въ отвѣтъ на второе письмо Скобелева Радецкій сообщилъ, что переслалъ его предложеніе въ главный штабъ Непокойницкому, но послѣдній продолжалъ опасаться за Сельви! Новицкому и самъ Радецкій желалъ во что бы то ни стало удержаться на Шипкѣ самъ, но все-таки писалъ, что можетъ-быть приметъ предложеніе Скобелева. Будь это предложеніе принято во-время, наши потери на Шипкѣ конечно были бы менѣе значительны. и, отдѣлавшись здѣсь отъ турокъ, мы могли бы ускорить паденіе Плевны нѣсколькими мѣсяцами.

19 августа Скобелевъ наконецъ получилъ секретное предписаніе изъ главной квартиры, которое хотя и не удовлетворило его желаній, но по крайней мѣрѣ дало ему возможность прекратить томительное бездѣйствіе. Правда, и на этотъ разъ Скобелеву поручалась весьма скромная роль развѣдчика. Ему было велѣно собрать свѣдѣнія о непріятелѣ на сторонѣ Трояна, чтобы обезпечить движеніе князя Имеретинскаго, которому было поручено взять Ловчу, а затѣмъ наступать къ Плевнѣ. Въ виду этого отрядъ Скобелева былъ подчиненъ Имеретинскому, составляя авангардъ въ отрядѣ этого генерала. Къ счастью, въ лицѣ Имеретинскаго Скобелевъ встрѣтилъ начальника, не стѣснявшаго свободы его дѣйствій, а, наоборотъ, обратившагося къ Скобелеву за совѣтомъ.

Скобелевъ немедленно составилъ планъ дѣйствій и послалъ 19 августа князю Имеретинскому подробную записку, начинающуюся

словами: «*Задача*: взять городъ Ловчу съ возможно меньшими п терями». Далѣе слѣдуетъ планъ, въ которомъ замѣчателенъ сл дующій пунктъ, содержащій перечисленіе началъ, которыми са Скобелевъ постоянно руководствовался.

«Основные принципы: 1) Тщательное знакомство съ мѣстност и расположеніемъ противника. 2) *Обширная артиллерійская по товка съ дальнихъ и ближнихъ позицій*. 3) Постепенность атаки. 4) С дѣйствіе фортификаціи. 5) Сильные резервы и экономное ихъ р ходованіе» и т. д.

Ночью 19 августа кн. Имеретинскій предписалъ Скобелеву в двинуться къ Ловчѣ и занять позицію у фонтановъ, въ шести в стахъ отъ Ловчи. Князь считалъ невозможнымъ атаковать ран 22 августа. Скобелевъ просилъ сдѣлать это днемъ раньше, ручая за успѣхъ атаки, такъ какъ отлично зналъ силы противника. Кн не согласился.

Когда наконецъ отряду Скобелева было предписано двинуть радость его была, по словамъ Куропаткина, велика. Бездѣйствіе в какринской позиціи утомило хуже похода. Особенно рвались въ офицеры Казанскаго полка и Кавказцы.

Расположеніе высотъ, окружающихъ Ловчу, весьма благопрія по ея укрѣпленію. Изъ Ловчи турки могли бы сдѣлать новую Плев но позиція совершенно не соотвѣтствовала силамъ. ея занимавшим всего до 8.000 ч. Другой недостатокъ турецкой позиціи въ томъ, ч противъ нея, на правомъ берегу Осмы, лежали командующія высот Взятіе этихъ высотъ, разумѣется, было первою заботою Скобелев

Сдѣлавъ восемь верстъ, авангардъ Скобелева не встрѣтилъ н пріятеля и дошелъ до фонтановъ, гдѣ остановился, поджидая гл ныхъ силъ. Двѣ изъ высотъ, которыя слѣдовало атаковать, оказ лись покрытыми непріятельскими постами. Оттуда раздались в стрѣлы. Чтобы убѣдиться, занята ли третья гора, впослѣдствіи и званная счастливой, Скобелевъ вызвалъ охотниковъ изъ кавказски горцевъ. Тамъ оказалась лишь слабая кавалерійская цѣпь; высота была тотчасъ занята безъ сопротивленія казанцами. Затѣмъ удал овладѣть и другими высотами, гдѣ стали размѣщать артиллері

Самый бой подъ Ловчей раздѣлялся на два періода. Перви состоялъ изъ артиллерійской подготовки. Хотя наша артилле численностью превосходила турецкую, послѣдняя производила силь ное впечатлѣніе своей дальнобойностью и поражала насъ безн казанно съ такого разстоянія, которое не позволяло намъ вред зарѣчному редуту и батареѣ, фланкировавшей нашу позицію.

Въ 7 ч. утра 22 авг. Скобелевъ замѣтилъ недолетъ нашихъ снарядовъ и писалъ Имеретинскому: «артиллерія сама стрѣляетъ съ слишкомъ большой дистанціи». Около 9 ч. пополудни Скобелевъ, объѣзжая позицію, проѣхалъ на батарею Имеретинскаго. Тамъ наши четыре орудія тщетно боролись съ двумя турецкими. У насъ командовалъ поручикъ Дубасовъ. Увидя приближающагося Скобелева, офицеры стали звать къ орудіямъ людей, спрятавшихся въ ровики. Люди хотя медленно, но выскакивали и строились для встрѣчи: это заставило Скобелева выстроить ихъ у орудій, и онъ приказалъ отвѣчать противнику. Новый турецкій снарядъ зашипѣлъ, но Скобелевъ хотѣлъ, чтобы всѣ оставались, и добился этого. Счастье лично ему покровительствовало, но нѣсколько человѣкъ было выведено изъ строя. Зато поведеніе Скобелева ободрило остальныхъ, и одинъ изъ фейерверкеровъ самъ уже сталъ ободрять товарищей, говоря, что «умереть за царя легко». Убѣдившись въ томъ, что солдаты успокоились, Скобелевъ сказалъ: «Теперь самъ приказываю вамъ при приближеніи снарядовъ прятаться въ ровики, затѣмъ посылать отвѣтъ».

Когда подготовка была признана достаточной, Скобелевъ подалъ сигналъ для наступленія. Было 12 часовъ, заиграла музыка. Казанскій полкъ съ распущеннымъ знаменемъ двинулся на Рыжую гору въ полномъ порядкѣ. Скобелевъ разослалъ ординарцевъ въ карьеръ, предписавъ открыть стрѣльбу залпомъ. Непріятель сопротивлялся слабо. Самъ Скобелевъ занялъ небольшую площадку, командующую висящую надъ городомъ. Турки изъ зарѣчнаго редута открыли огонь. Но на этотъ разъ и наши разрывные снаряды достигали редута и произвели тамъ взрывъ и пожаръ, вскорѣ потушенный.

Второй періодъ боя состоялъ уже въ занятіи города Ловчи и построеніи въ немъ войскъ, затѣмъ въ атакѣ укрѣпленія противъ берега Осмы съ ключемъ позиціи — зарѣчнымъ редутомъ. Занятіе Ловчи производилось по личному указанію Скобелева. Городъ былъ очищенъ, дома заперты, улицы пустынны; кое-гдѣ видѣлись слѣды грабежа и разрушенія. Съ появленіемъ русскихъ войскъ стали показываться одиночные болгары, довольно безучастно смотрѣвшіе на насъ. Эти самые болгары принимали русскихъ раньше, 5 іюля, какъ освободителей; но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Неудачи Шильдера-Шульднера и Криденера, отступленіе Гурко и звѣрства турокъ въ долинѣ Тунджи, занятіе Ловчи турками—все это подѣйствовало на болгаръ угнетающимъ образомъ. Но въ отрядѣ Скобе-

лева, пишетъ Куропаткинъ, всѣ понимали чувства болгаръ и, смотря на враждебныя ихъ лица, рѣдкій допускалъ слова укора.

Бой въ городѣ продолжался не долго. Во время боя одинъ изъ баталіоновъ Эстляндскаго полка, состоявшій изъ молодыхъ солдатъ побѣжалъ черезъ кладбище, прячась отъ турецкихъ пуль. Скобелевъ, увидя это, чтобы дать урокъ, приказалъ выстроить баталіонъ впереди кладбища къ сторонѣ непріятеля и, выбранивъ людей за безпорядокъ, велѣлъ продѣлать ружейные пріемы.

Турки,—пишетъ Куропаткинъ,—начали сыпать пули, но солдаты на воинѣ дѣлаютъ чудеса: ни градъ пуль, ни видъ въ первый разъ жизни раненыхъ товарищей не помѣшали остальнымъ чисто выполнять пріемы. Добившись желаемаго спокойствія, генералъ Скобелевъ уже не считалъ полезнымъ дальнѣйшее форсированіе ученія солдатъ и приказалъ вести баталіонъ по назначенію, что и было исполнено въ полномъ порядкѣ».

Послѣднимъ моментомъ боя было движеніе на правый флангъ турокъ. Семь баталіоновъ, имѣя во главѣ самого Скобелева, съ грабанымъ боемъ и съ распущенными знаменами двинулись штурмомъ на путь отступленія турокъ, еще сильныхъ въ ихъ грозномъ редутѣ. Видъ этой свѣжей массы войскъ, идущихъ, какъ на ученье, съ музыкою, отрѣзать послѣдній путь ко спасенію, подѣйствовалъ на турокъ потрясающимъ образомъ. Ихъ отчаянная энергія была сломлена. Турки дрогнули, и сраженіе обратилось въ бойню. Многіе въ безпамятствѣ бросились изъ редута и сосѣднихъ траншей къ сѣверу, гдѣ всѣ пали подъ пулями и штыками нашей пѣхоты. Въ нѣсколько минутъ все было кончено; кавалерія уже гнала небольшіе остатки восьми турецкихъ баталіоновъ [1]).

Бой подъ Ловчею окончился такимъ образомъ полнымъ пораженіемъ турокъ. Непріятель былъ почти истребленъ. Но показанія болгаръ, только 400 турокъ спаслись на Микре. Если это и преувеличено, то достовѣрно извѣстно, что наши зарыли 2200 турецкихъ труповъ. Сами турки опредѣляютъ свою потерю въ 2000 чел.; на достигла 1516 убитыхъ и раненыхъ. Принимая во вниманіе мѣстность позиціи и дальнобойность турецкихъ орудій, эту побѣду подъ Ловчей, одержанную главнымъ образомъ Скобелевымъ, слѣдуетъ считать однимъ изъ самыхъ блистательныхъ дѣлъ всей кампаніи.

[1]) Мы коснулись только дѣйствій тѣхъ частей войскъ, которыя сражались непосредственно подлѣ Скобелева. Конечно успѣху содѣйствовали и другія части. Но мы пишемъ біографію Скобелева, а не исторію турецкой войны.

Дѣйствія турецкой артиллеріи были дѣйствительно изумительны и обусловлены исключительно высокимъ качествомъ орудій: пять турецкихъ орудій до конца боя удачно боролись съ 92 русскими. Послѣ этого можно оцѣнить по достоинству слова того русскаго генерала, который въ 1882 г. сказалъ на могилѣ Скобелева: «Дайте мужикамъ топоры и поставьте во главѣ ихъ Скобелева, у васъ готова лучшая въ мірѣ армія». Конечно самъ Скобелевъ предпочелъ бы крупповскія орудія не только топорамъ, но и плохимъ русскимъ пушкамъ. Онъ былъ слишкомъ преданъ военной наукѣ и искусству, чтобы вѣрить въ дѣйствительность топора, хотя бы и въ рукахъ руководимаго имъ солдата.

Вообще при описаніи боевой дѣятельности Скобелева всего менѣе умѣстны преувеличенія: эта дѣятельность говоритъ сама за себя, и всѣмъ говорящимъ и пишущимъ о Скобелевѣ не мѣшало бы помнить приказъ по войскамъ, данный имъ своему отряду наканунѣ Ловчинскаго боя. Въ приказѣ этомъ нѣтъ ни одной громкой фразы, никакого надутаго пафоса и, наоборотъ, сказано: «Ура!—кричать только въ томъ случаѣ, когда непріятель дѣйствительно близокъ».

Взятіе Скобелевымъ Ловчи въ значительной мѣрѣ облегчило дѣйствія подлѣ Плевны. Къ сожалѣнію, планъ этихъ дѣйствій былъ недостаточно обдуманъ и стоявшихъ подлѣ Плевны войскъ было недостаточно. Куропаткинъ откровенно высказываетъ, что большая часть предпріятій, затѣянныхъ 25 августа, казались «необычайными и малосбыточными».

Къ разсвѣту 26 авг. началась установка батарей. Ночь передъ этимъ была теплая, войска двигались, стараясь не производить шума, не дозволялись ни разговоръ, ни куреніе. Настроеніе у всѣхъ было серьезное. Отряды кн. Имеретинскаго и Скобелева находились съ южной стороны Плевны, къ западу отъ Тученицкаго оврага. Безпечность турокъ значительно обезпечила занятіе нами передовыхъ позицій еще съ вечера 25 авг. безъ всякаго боя. Къ 6 часамъ утра 26-го числа раздался напряженно ожидаемый сигналъ—залпъ изъ 12 орудійной осадной батареи. Первоначально огонь съ нашей стороны былъ лихорадочный, ожесточенный; турки опѣшили и отвѣчали не сразу, но затѣмъ начали отвѣчать весьма мѣткимъ, методичнымъ огнемъ изъ своихъ страшныхъ орудій: на этотъ разъ наши войска стояли такъ близко, что дальнобойность не причиняла намъ особаго вреда, тѣмъ не менѣе огромныя непріятельскія гранаты своимъ шипѣніемъ пугали непривычныхъ солдатъ. Казакъ Дукмасовъ, впослѣдствіи ставшій ординарцемъ Скобелева, подъѣхавъ къ отступав-

шимъ солдатамъ Калужскаго полка, закричать: «какъ вам не стыдно! а еще Скобелевскіе герои!» Репутація Скобелев послѣ Ловчи была уже чрезвычайно велика во всей арміи. Каза поскакали и вернули солдать. Нѣсколько минутъ спустя тѣ к калужцы двинулись въ атаку съ такимъ рвеніемъ, что овладѣл даже третьимъ гребнемъ и преслѣдовали турокъ до зеленогорск ручья и далѣе, пока турецкіе резервы не отбили ихъ. Какъ разъ в это время Дукмасовъ увидѣлъ группу всадниковъ, впереди котор особенно выдѣлялся на бѣлой лошади молодой генералъ. Это и был Скобелевъ, который велѣлъ Дукмасову вернуться на позицію и п добрать всѣхъ раненыхъ.

«Надѣюсь, —сказалъ онъ,—что вы исполните возлагаемое н васъ порученіе добросовѣстно, честно, а завтра утромъ доложит сколько раненыхъ вы подобрали».

Давъ шпоры коню, онъ поскакалъ къ Врестовацу. Раненыхъ ок залось такъ много, что невозможно было считать. Около 4 часо Дукмасовъ опять увидѣлъ конную группу съ знакомымъ значкомъ бѣлымъ всадникомъ впереди. Побывъ нѣкоторое время на батар и не обращая вниманія на сильный артиллерійскій и ружейный огон открытый турками, Скобелевъ поскакалъ даже за линію аван стовъ, внимательно осматривая мѣстность.

— Господа,—обратился онъ къ казацкимъ офицерамъ,—старай тесь хорошенько запоминать мѣстность и расположеніе войска... Да по ночамъ вамъ придется ѣздить... Отъ толковаго и храбраго орд нарца часто зависитъ успѣхъ боя. Поѣзжайте къ командирамъ всѣх частей и объявите имъ, чтобы къ завтрашнему дню они непремѣн пополнили свои патроны. Чтобы вездѣ была приготовлена горяч пища и непремѣнно по полтора фунта мяса на человѣка. Я стро взыщу съ командировъ, если замѣчу отступленіе отъ этого. На п редовыхъ позиціяхъ пусть люди углубляютъ траншеи и чтобы имѣл при себѣ по фунту мяса.

Въ этомъ и другихъ бояхъ Скобелевъ доказалъ полную возмож ность (отвергаемую многими авторитетами) кормить солдатъ горя чей пищей даже въ передовыхъ постахъ подъ свистомъ пуль.

29 августа послѣ полудня войска наши, по приказанію Скоб лева, съ перваго гребня двинулись впередъ и быстро овладѣли вт рымъ гребнемъ. Турки въ безпорядкѣ бѣжали и открыли сильнѣй шій огонь, но солдаты продолжали рыть траншеи, не смотря на край ній недостатокъ шанцеваго инструмента. Въ ночь съ 29 на 30 авгус

Турки сдѣлали слабую попытку наступленія, но были отбиты Эстляндскимъ полкомъ.

Наступилъ памятный для нашихъ войскъ злополучный штурмъ 30 августа. Мы здѣсь не станемъ подробно разбирать, что́ именно обусловило нашу неудачу въ борьбѣ, которую мы вели съ значительно превосходными силами. Въ общемъ, штурмъ 30 августа свелся къ оборонѣ 40,000 при 60 орудіяхъ, правда весьма сильной позиціи, съ тыломъ, прикрытымъ мѣстностью, противъ 90000 русскихъ и румынскихъ войскъ съ 400 орудіями. Ограничимся напоминаніемъ вещей общепризнанныхъ. Извѣстно, что штурмомъ 30 авг. командовалъ не главнокомандующій, а генералъ Зотовъ, который былъ однако номинально подчиненъ молодому румынскому принцу Карлу. Это подчиненіе, хотя и номинальное, сильно охладило пылъ Зотова и уменьшило чувство отвѣтственности. Огромной ошибкой Зотова было оставить въ Ловчѣ слишкомъ большой гарнизонъ. Мѣсто главной атаки было выбрано неудачно, артиллерійская подготовка велась совершенно безтолково, наша артиллерія непрерывно бомбардировала неуязвимыя земляныя насыпи. Ходили слухи, что, «прострѣлявъ два дня, легко возьмутъ Плевну штурмомъ», а между тѣмъ четырехдневная пальба изъ орудій не дала ощутительнаго результата, исключая того, что турки свыклись съ нашимъ безцѣльнымъ огнемъ и перестали бояться[1]). Самъ Скобелевъ, по недостаточному знакомству съ мѣстностью, куда былъ переведенъ недавно, сдѣлалъ не мало ошибокъ, напр. неправильно двинулъ Калужскій полкъ. Это онъ откровенно призналъ въ своемъ донесеніи, гдѣ о дѣйствіяхъ 27 августа сказано: «Неудача должна быть приписана не вполнѣ вѣрной оцѣнкѣ мною, передъ атакою, свойствъ мѣстности и расположенія противниковъ».

Зато во время штурма 30 августа изъ всѣхъ начальниковъ одинъ Скобелевъ заслуживаетъ безусловной похвалы. Рѣшенная имъ по личному усмотрѣнію атака редутовъ, прозванныхъ затѣмъ Скобелевскими, могла бы повернуть бой въ нашу пользу и даже рѣшить участь Плевны, еслибы другіе начальники съумѣли поддержать во

---

[1]) Куропаткинъ пишетъ: «17 русскихъ и 14 румынскихъ, всего 41 батальонъ и до 100 орудій, почти столько, сколько всего было у Османа-паши пѣхоты, и въ полтора раза болѣе артиллеріи еще *не принявшихъ участія въ штурмѣ*, а принцъ Карлъ и генералъ Зотовъ уже отказались продолжать бой!.. Турки при своей малочисленности выставили для продолженія боя значительно больше, чѣмъ мы, свѣжихъ силъ и въ результатѣ остались совершенно заслуженно побѣдителями».

время энергичнаго генерала. Но какъ поддерживали Скобелева, вид
хотя-бы по слѣдующему примѣру: когда Скобелевъ едва уже мог
держаться противъ наступившихъ на него превосходныхъ сил
Османа-паши, Зотовъ не прислалъ ему подкрѣпленія единствен
потому, что не желалъ принять въ разсчетъ румынскихъ резервов
ставя ихъ ни во что и руководствуясь при этомъ досадою на свое по
чиненіе принцу Карлу. Еслибы генералъ Зотовъ и отправилъ дв
бригаду пѣхоты и 30 орудій на лѣвый флангъ, то мы могли отби
и пятую атаку турокъ на Скобелевскіе редуты. Послѣ паденія Плевн
Османъ-паша и его генералы открыто говорили, что, отбей мы эт
послѣднюю атаку на генерала Скобелева, *турки рѣшились от
ступить ночью* [1]).

Планъ Скобелева атаковать редуты № 1 и 2 былъ дѣйстви
тельно геніаленъ и поразилъ турокъ и самого Османа-пашу свое
неожиданностью, даже дерзостью. Не удивительно, что Османъ-паш
направилъ сюда свои главныя силы. Общая атака была назначе
въ три часа, но на Зеленыхъ горахъ бой начался гораздо ранѣ
Скобелевъ рѣшилъ занять третій гребень, укрѣпиться и затѣмъ д
двинуться съ другими войсками на штурмъ. Это и было исполне
полками владимірскимъ и суздальскимъ.

Когда Скобелевъ скомандовалъ въ три часа атаковать редут
эти же полки двинулись въ полномъ порядкѣ, подъ музыку сп
стились съ третьяго гребня, перескочили ручей и стали карабкать
по скользкому отъ дождей голому скату. Убійственный огонь т
рокъ остановилъ ихъ на полдорогѣ. Скобелевъ рѣшился на крайн
мѣру: онъ бросилъ въ боевую линію весь бывшій въ его распоряж
ніи резервъ. Дальше пусть описываетъ участникъ боя Куропатки
Пять свѣжихъ баталіоновъ скрылись въ зловѣщей долинѣ, к
торая такъ же быстро поглотила ихъ, какъ уже поглотила одинна
цать раньше посланныхъ... Нѣсколько тысячъ человѣкъ уже уб
изъ строя. Либавцы и стрѣлки стали въ свою очередь карабкать
по скату. «Дрались въ рукопашную».

Въ это самое время нашъ правый флангъ и фронтъ пріостан
вились.

[1]) Авторитетный германскій писатель, Тило фонъ-Трота, разбир
наши дѣйствія подъ Плевною, пишетъ: «Батарея, дѣйствующая
важномъ пунктѣ съ истребительною силою пять минутъ, даже од
минуту, и потомъ хотя-бы потерянная, принесетъ больше поль
чѣмъ десять батарей, производящихъ почти безвредную пальбу».

«Успѣхъ боя окончательно поколебался. Тогда Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ—самого себя. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, спустившись съ третьяго гребня на половинѣ ската до ручья, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значкомъ. Скрывая волненіе, Скобелевъ старался безстрастно-спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Если Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, какъ подсказывала ему горячая кровь, это только потому, что смотрѣлъ на себя, какъ на резервъ до рѣшительной минуты. Минута эта настала. Давъ шпоры коню, Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, опустился или, вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противоположный скатъ къ редуту № 1. Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты, настолько Скобелевъ былъ популяренъ».

Присутствіе Скобелева настолько воодушевило солдатъ, что вскорѣ турки были выбиты изъ ложементовъ передъ редутомъ № 1. Двигаясь нестройными, но дружными кучами, полки перемѣшались между собою, многіе шли даже въ одиночку. Это была толпа, руководимая однимъ героемъ. Наконецъ наши ворвались въ редутъ съ остервененіемъ, Скобелевъ одинъ изъ первыхъ добрался до редута и скатился съ лошадью въ ровъ. Высвободившись, онъ попалъ въ самый пылъ схватки. Въ рукопашномъ боѣ большая часть защищавшихъ редутъ турокъ была перебита. Схватка еще не кончилась, какъ офицеры и солдаты окружили Скобелева, умоляя его поберечь себя и идти назадъ. Тяжело раненый маіоръ Либавскаго полка тащилъ Скобелева за ногу; лошадь, на которую сѣлъ Скобелевъ, была насильно повернута и выведена изъ редута.

Ночь прошла спокойно; но утромъ 31 августа канонада и ружейная пальба начались съ обѣихъ сторонъ. Турки стрѣляли перекрестнымъ огнемъ по занятымъ Скобелевымъ редутамъ и послѣ короткой бомбардировки густыми цѣпями двинулись къ редуту № 1, но, не смотря на огромное превосходство въ силахъ въ этомъ пунктѣ, были отбиты. Около десяти часовъ утра опять показались густыя цѣпи красныхъ фесокъ. Дукмасовъ дополняетъ описаніе Куропаткина, разсказывая слѣдующее:

«Начальникъ штаба Куропаткинъ былъ контуженъ и обожженъ взрывомъ, но остался на позиціи и продолжалъ распоряжаться обороной... По отбитіи атаки Скобелевъ поѣхалъ на правый флангъ, на редутъ № 2.

— Вотъ посмотрите, Дукмасовъ,—сказалъ Скобелевъ, указывая на полусотню казаковъ, бывшихъ впереди редута.—Этимъ господамъ я приказалъ выбить изъ огородовъ башп-бузуковъ. Опять ваши казаки... (тутъ генералъ употребилъ крѣпкое слово)—продолжалъ

*

Скобелевъ, замѣтно раздражаясь.—Поѣзжайте и скажите, чтобъ сейчасъ же выбили эту сволочь!

Скобелевъ сильно задѣлъ мое казачье самолюбіе. Вспыливъ и не сознавая, что говорю, я отвѣтилъ:

— Если вы, ваше п—ство, ругаете такъ насъ, казаковъ, то я не могу исполнить вашего приказанія.

— Какъ вы смѣете разсуждать, хорунжій!—грозно крикнулъ Скобелевъ, весь вспыхнувъ.—Я прикажу васъ разстрѣлять.

— Какъ угодно... Каждый изъ насъ можетъ быть разстрѣлянъ непріятелемъ, но, если прикажете, меня разстрѣляютъ свои пули.

У Скобелева между тѣмъ мгновенная вспышка прошла. Онъ протянулъ руку Дукмасову и съ добродушной улыбкой сказалъ:

— Ну, извините меня, голубчикъ, я погорячился.

«Эта искренняя фраза, - пишетъ Дукмасовъ,—еще болѣе расположила меня къ этому человѣку, которымъ я былъ просто очарованъ... Я поѣхалъ къ казакамъ, передалъ имъ приказаніе Скобелева, и они немедленно и дружно его исполнили».

Возвратившись къ Скобелеву, Дукмасовъ встрѣтилъ его крайне встревоженнымъ. Въ рукахъ онъ держалъ телеграмму отъ генерала Зотова и говорилъ Куропаткину:

— Чортъ знаетъ, что такое! Пишутъ, что нѣтъ подкрѣпленій, а между тѣмъ мы видѣли у нихъ цѣлыя колонны, ничего не дѣлающія! Хоть бы произвели демонстрацію и отвлекли отъ нихъ часть непріятельскихъ силъ! Вѣдь намъ приходится бороться чуть ли не со всею арміей Османа-паши! Отрядъ нашъ истощаетъ свои послѣднія силы въ непосильной борьбѣ!

Отъ внутренняго волненія у Скобелева показались даже слезы на глазахъ. Онъ опустилъ голову и отвернулся.

— Еслибы мнѣ теперь свѣжую бригаду—я доказалъ-бы... онъ окончилъ фразу вполголоса, затѣмъ поднялъ голову и сказалъ громко, чтобы Дукмасовъ поскакалъ на оба редута и прочиталъ телеграмму, гласившую, что подкрѣпленій нѣтъ, и что Зотовъ надѣется, что войска Скобелева удержатся собственными силами.

Скобелевъ такъ искусно умѣлъ пользоваться нравственнымъ элементомъ въ бою, что является вопросъ, какова была цѣль прочтенія этихъ телеграммъ, произведшая, по показанію Дукмасова, удручающее впечатлѣніе на обезсилѣвшихъ солдатъ? Отвѣтомъ является другое показаніе того же Дукмасова: въ одномъ мѣстѣ онъ навралъ, что великій князь главнокомандующій тотчасъ пришлетъ подкрѣпленія, и никакого впечатлѣнія не произвелъ: въ другомъ мѣстѣ прочелъ печальную телеграмму, но услышалъ отъ одного изъ товарищей хладнокровный отвѣтъ: «Э, братецъ, все

равно, куда ни прячься—одинъ чортъ». Говорившій это преспокойно курилъ папиросу подъ перекрестнымъ непріятельскимъ огнемъ.

Оказалось, что Скобелевъ правъ: солдаты и офицеры, засѣвшіе въ редутахъ его имени, видя, что помощи нѣтъ и что все равно, куда ни прячься, «подъ вліяніемъ прочитанной телеграммы» рѣшились дорого продать жизнь. Многотысячная толпа турокъ съ криками «Алла!» пѣніемъ и стрѣльбой на ходу атаковала редуты, муллы въ бѣлыхъ чалмахъ двигались съ таборами, держа надъ головами кораны, впечатлѣніе дополняли черкесы и баши-бузуки своими криками и гиканьемъ. Горсти нашихъ солдатъ защищались штыками противъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля, и если онѣ были выбиты, то конечно не по своей винѣ.

Стоя на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ, Скобелевъ съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ была захвачена турками сначала траншея маіора Горгалова (самъ маіоръ былъ поднятъ на штыки), затѣмъ и редутъ № 1. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, самъ Скобелевъ велѣлъ очистить № 2, но только послѣ третьяго приказанія защитникъ его Мосцевой медленно и въ порядкѣ отступилъ.

Говорятъ, что въ этотъ моментъ критическое положеніе отряда Скобелева было лично замѣчено покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, издали наблюдавшимъ сраженіе. На вопросъ императора, нельзя ли прислать подкрѣпленія, нѣкоторые генералы сказали, что рискованно ослабить главный резервъ, и что если Скобелевъ будетъ разбитъ, то это не важно, такъ какъ главная атака будетъ отражена.

По несчастью, главная атака была направлена какъ разъ противъ Скобелева.

По оставленіи редутовъ Скобелевъ сталъ дѣлать энергичныя распоряженія, чтобы укрѣпить второй гребень Зеленыхъ горъ. Ему не было дано сапероръ, что значительно затруднило дѣло. Къ этому времени подошелъ почти истребленный при атакѣ такъ называемаго Радищевскаго редута Шуйскій полкъ, присланный наконецъ Зотовымъ въ видѣ подкрѣпленія, о чемъ сначала заявилъ ординарецъ великаго князя.

— Поздно!—сквозь зубы проговорилъ Скобелевъ.—Двумя часами раньше мнѣ нужно было только бригаду, теперь же этотъ полкъ можетъ только прикрыть отступленіе. Да и что это за полкъ, когда въ немъ только 700 штыковъ! Это батальонъ, хотя и съ тремя знаменами.

Прибытіе даже самаго слабаго подкрѣпленія оказалось кстати.

Турецкая пѣхота продолжала наступленіе. По приказанію Скобелева войска наши молчали. Но вотъ онъ махнулъ рукой—и по всей линіи открылся огонь батарей и ружей; въ то же время двѣ сотни казаковъ, подъ предводительствомъ самого Скобелева, поскакали за турками и погнали ихъ назадъ до оврага.

На слѣдующій день наступленіе турокъ продолжалось. Скобелевъ отбросилъ неожиданною атакою непріятельскую цѣпь и башибузуковъ и остался на своей позиціи. Не смотря на пораженіе, которое мы потерпѣли въ бояхъ 30 августа, упорная борьба Скобелева настолько разстроила турокъ, что еслибы и послѣ того были сдѣланы надлежащія распоряженія, не пришлось бы ждать прибытія Тотлебена для взятія Плевны голодомъ.

Дополнимъ этотъ разсказъ о третьей Плевнѣ патетическимъ мѣстомъ, находящимся въ «Воспоминаніяхъ» Верещагина.

31 августа Верещагинъ узналъ отъ адъютанта главнокомандующаго Дерфельдена, что одинъ его братъ раненъ, другой убитъ. Художникъ поспѣшилъ на лѣвый флангъ, чтобы просить Скобелева по возможности отыскать тѣло убитаго брата. Когда Верещагинъ достигъ Зеленыхъ горъ, онъ встрѣтилъ кн. Имеретинскаго и другихъ генераловъ и офицеровъ. Увидѣвъ Верещагина, Скобелевъ, который тутъ же обѣдалъ, спросилъ его, зная, что художникъ пришелъ изъ главной квартиры:

— Ну что, сегодня намѣрены ли намъ прислать подкрѣпленія?

Верещагинъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, не слышалъ, сомнѣвается, чтобы прислали.

Тогда со Скобелевымъ, по словамъ Верещагина, случилось нѣчто невозможное: р, р, р, р...

«Эти рыданія храбраго генерала рѣзнули меня,—говоритъ Верещагинъ,—какъ ножемъ. Еслибы не моя собственная рана, я промчался бы къ главнокомандующему, который вѣроятно не былъ вполнѣ освѣдомленъ о положеніи дѣла».

Три съ половиною мѣсяца спустя, когда Плевна пала, Верещагинъ поѣхалъ со Скобелевымъ на панихиду, отслуженную въ память защитниковъ несчастнаго скобелевскаго редута. Здѣсь Михаилъ Дмитріевичъ сообщилъ ему все, что пережилъ. Для облегченія штурма, для того, чтобы вскарабкаться на высоты, солдаты побросали шанцевый инструментъ, и когда потомъ пришлось рыть траншею, они пустили въ ходъ штыки и свои пять пальцевъ! Конечно такимъ образомъ нельзя было создать никакого прикрытія, а турки уже наступали и кололи штыками послѣднюю горсть храб-

рыхъ. Указывая на этотъ маленькій вырытый пальцами ровъ, Скобелевъ буквально заливался слезами и горько рыдалъ во все время панихиды. Многіе изъ присутствовавшихъ также зарыдали.

А между тѣмъ и до сихъ поръ еще существуетъ мнѣніе, въ свое время распространенное корреспондентами нѣкоторыхъ газетъ, будто Скобелевъ смотрѣлъ на солдатъ, только какъ на пушечное мясо, и будто только ради побѣдъ онъ не щадилъ человѣческихъ жизней. О комъ угодно можно сказать это—такіе примѣры бывали въ турецкую войну—только не о Скобелевѣ.

IV.

Плевненское сидѣніе.—Тотлебенъ и Скобелевъ.—Паденіе Плевны.—Зимній переходъ черезъ Балканы. — Имитли, Шейново, Шипка. — Набѣгъ на Андріанополь.—Конецъ войны.—Взглядъ Скобелева на восточный вопросъ.—Досугъ и дѣло въ мирное время.

Важнымъ источникомъ для исторіи плевненскаго сидѣнія въ связи съ біографіей Скобелева являются коротенькія записки, оставленныя Тотлебеномъ, котораго вызвали съ цѣлью поправить ошибки неопытныхъ полководцевъ.

Еще 12 сентября Тотлебенъ писалъ изъ Бухареста: «Завтра утромъ поѣду съ генераломъ Скобелевымъ въ Зимницу, а послѣзавтра въ главную квартиру, въ Горный Студень. Генералъ Скобелевъ былъ боленъ, оставался нѣсколько дней въ Бухарестѣ. Я признаю нашу встрѣчу здѣсь счастливою случайностью, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ... Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго. Скобелевъ говоритъ, что въ арміи ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ». 22 сентября Тотлебенъ находится уже въ лагерѣ при Плевнѣ, въ распоряженіе его даютъ около 100,000 пѣхоты и 10,000 кавалеріи, но не даютъ ему ни штаба, ни помощниковъ. Тотлебенъ самъ выбираетъ князя Имеретинскаго начальникомъ штаба. О Гурко онъ пишетъ: «Гурко только сегодня пріѣдетъ и долженъ еще ознакомиться съ мѣстностью», и затѣмъ замѣчаетъ: «Знаменитый Скобелевъ также подъ моимъ начальствомъ».

Тотлебенъ сталъ главнокомандующимъ подъ Плевной, но не могъ распоряжаться другими операціями. Тотлебенъ остался многимъ крайне недоволенъ, особенно интендантскою частью. Онъ осуждалъ также всякаго рода штурмы. Штурмованіе Плевны было съ его точки зрѣнія величайшей нелѣпостью, и даже дѣйствія подъ Горнымъ Дубнякомъ онъ считалъ «безразсудными», го-

воря, что потери, понесенныя въ этомъ дѣлѣ войсками Гурко, з леко не соотвѣтствовали достигнутымъ результатамъ. «хотя гва дейцы сражались подобно львамъ». О средствахъ осады Тотлебе пишетъ: «У меня 30 осадныхъ орудій, а надо 200!»

Послѣ третьей Плевны руководители нашихъ военныхъ опер ацій рѣшили, что успѣшный штурмъ невозможенъ; была рѣшена п этому блокада. Въ виду того, что Османъ-паша все еще имѣлъ с общеніе съ Софіей, прежде всего было рѣшено взять Телиш и Горный Дубнякъ въ тылу Плевны. Эти укрѣпленія и были взя гвардіей, вызванной изъ Россіи.

Взятіе Горнаго Дубняка подъ командою Гурко было зна тельно облегчено ложною атакою, чрезвычайно искусно прои денною Скобелевымъ съ помощью Куропаткина. Атака была веде такъ, что турки приняли ее за настоящую, и Османъ-паша пе шился помочь горно-дубнякскому гарнизону. Послѣ взятія Горна Дубняка и Телиша Скобелевъ установилъ на Рыжей горѣ арт лерію и велѣлъ устраивать ложементы и траншеи, что и бы исполнено, не смотря на сильный огонь турокъ. Передъ вечеро 24 октября Скобелевъ съ Куропаткинымъ, Дукмасовымъ и други осматривалъ позиціи. Турецкія гранаты взрывали подлѣ него ко земли, но онъ продолжалъ свои объясненія.

30 октября Скобелевъ около полуночи двинулъ свои войска турецкія траншеи. Турки, неожидавшіе ночного нападенія, б жали въ паническомъ страхѣ. Темнота была непроглядная. Меж прочимъ произошелъ слѣдующій эпизодъ, описанный Дукмасовы

«Въ темнотѣ Дукмасовъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ отъ маленьк фонаря.

Дукмасовъ указалъ дорогу. Переѣхали шоссе и спустились долину, какъ вдругъ увидѣли бѣгущихъ солдатъ.

— Это что такое?!—закричалъ Скобелевъ громкимъ голосомъ Стой! Чтб за безобразіе! Гдѣ офицеръ?

Подошелъ испуганный офицеръ и взялъ подъ козырекъ

— Объясните, что это значитъ?—грозно обратился къ н Скобелевъ.

— Ваше пр-ство, турки открыли такой огонь и такую нам нагнали, что они побросали лопаты... Мы ничего не могли сдѣлать смущенно докладывалъ офицеръ.

— Какой же вы офицеръ! У васъ самолюбія никакого нѣ Стыдитесь, молодой человѣкъ!

Пристыдивъ офицера, Скобелевъ велѣлъ собрать солдатъ и и обратно въ траншеи. Солдаты были сильно сконфужены.

— Смотрите, ребята,—сказалъ Скобелевъ,—вы должны заг дить вашу страшную вину—иначе я не хочу васъ знать, не х

ими командовать! Будьте солдатами, а не бабами. Господа, пойдемте пѣшкомъ въ траншеи!

Слѣзли съ коней. Шли по виноградникамъ, спотыкаясь. Наконецъ добрались до траншей, но онѣ были пусты.

По дорогѣ Скобелевъ все время шутилъ съ Дукмасовымъ, говоря, что въ такой темнотѣ легко попасть къ туркамъ и что турки съ обоихъ посадятъ на колъ».

Съ тѣхъ поръ до самаго паденія Плевны потекла скучная, монотонная жизнь въ траншеяхъ. Но именно въ это время обнаружилась въ полной мѣрѣ удивительная заботливость Скобелева о солдатѣ. До чего доходила эта заботливость, видно изъ того, что наряду съ соображеніями объ укрѣпленіяхъ Скобелевъ обдумывалъ, гдѣ устроить отхожія мѣста для солдатъ, которые, по безпечности, выходя изъ траншей, попадали подъ пули. Самъ Скобелевъ наравнѣ съ солдатами поселился въ траншеѣ, спалъ въ ямкѣ, наполненной соломой, и покрывался буркой. По словамъ Дукмасова, солдаты были видимо обрадованы, что Скобелевъ раздѣлялъ съ ними всѣ невзгоды. Настроеніе его отряда было бодрое, почти веселое, насколько можно быть веселымъ въ дождь и слякоть и подъ свистъ пуль и шипѣніе гранатъ.

Объ этомъ періодѣ боевой жизни Скобелева сохранились любопытныя замѣтки Тотлебена. По нашему мнѣнію, честь взятія Плевны принадлежитъ Скобелеву почти наравнѣ съ Тотлебеномъ. Самъ Скобелевъ высоко цѣнилъ теоретическія познанія Тотлебена и его опытность, вынесенную изъ севастопольской обороны. Обратно, Тотлебенъ не могъ не оцѣнить военной геніальности Скобелева, соединенной съ огромной начитанностью. Повидимому эти два человѣка должны были сойтись, и дѣйствительно они дополняли другъ друга: но различіе натуръ было слишкомъ велико для взаимной симпатіи. Методическій нѣмецъ, задавшійся цѣлью уморить турокъ голодомъ, какъ сдѣлали его соплеменники съ французами во время осады Парижа, отъявленный врагъ штурмовъ и великихъ смѣлыхъ атакъ, и пылкій, страстный, нетерпѣливый молодой русскій генералъ—можетъ-ли быть болѣе полный контрастъ?

До битвы нашей гвардіи съ турками подъ Горнымъ Дубнякомъ между Скобелевымъ и Тотлебенымъ еще господствовало полное согласіе. 5 октября Тотлебенъ писалъ: «Вчера былъ у генерала Скобелева и производилъ съ нимъ впродолженіи 6 часовъ рекогносцировку мѣстности подъ Плевною». День спустя Скобелевъ пишетъ кн. Имеретинскому: «Мнѣ извѣстенъ планъ его высочества (главнокомандующаго) и цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій будетъ способство-

Ленина
БИБЛІОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

вать исполненію его въ томъ видѣ, въ которомъ его предначерта
генералъ-адъютантъ Тотлебенъ». Однако черезчуръ выжидате
ния дѣйствія Тотлебена не могли удовлетворить Скобелева. В
одномъ изъ писемъ онъ называетъ Тотлебена первостепеннымъ а
торитетомъ, но тутъ же выражаетъ свое несогласіе съ нимъ. Ск
белевъ въ свою очередь стоитъ за постепенность и осторожно
въ дѣйствіяхъ, но не доходитъ до тѣхъ крайностей выжиданія, к
которымъ способна лишь терпѣливая нѣмецкая натура и котор
не соотвѣтствуютъ духу русскаго воина, отъ генерала до солда
Онъ предлагаетъ энергическія мѣры и иногда изумляетъ Тотлеб
внезапнымъ устройствомъ траншей или неожиданной, смѣлой а
кой. Тотлебенъ едва успѣваетъ запретить ему повтореніе подобны
нападеній. Получивъ начальство надъ 16-й дивизіей, которая п
обрѣла имя Скобелевской, Михаилъ Дмитріевичъ искусно прибл
жается къ непріятелю, роясь, какъ кротъ, на «Зеленыхъ горахъ»,
и 6 ноября получаетъ впервые въ траншеяхъ двѣ контузіи—од
сильную осколкомъ гранаты. Цѣлый день пролежалъ Скобелевъ
полусознательномъ состояніи. По мнѣнію д-ра Алышевскаго (поль
зовавшаго Скобелева въ послѣднее время его жизни въ Петербург
эта контузія положила начало болѣзни сердца и имѣла нѣкото
отношеніе къ внезапной смерти Скобелева.

Объ этихъ событіяхъ Тотлебенъ пишетъ настолько характе
стично, что не мѣшаетъ привести его показанія цѣликомъ:

«Я приказалъ,—говоритъ Тотлебенъ.—занять первый греб
Зеленыхъ горъ. Отрядомъ командуетъ генералъ Скобелевъ, ге
какого рѣдко встрѣтить. mais un homme sans foi, ni loi (но челов
безъ вѣры и закона)».

Здѣсь невольно является вопросъ, чѣмъ обусловливается та
рѣзкій приговоръ Тотлебена надъ человѣкомъ, которому онъ
удивлялся во многихъ отношеніяхъ? Кромѣ несходства натуръ, т
могла быть и другая причина: Скобелевъ не особенно охотно
полнялъ нѣкоторыя распоряженія Тотлебена и часто дѣйствов
по своему усмотрѣнію. Удивляться тутъ нечему, такъ какъ самъ С
белевъ сплошь и рядомъ предоставлялъ своимъ подчиненнымъ так
же самостоятельность, если только зналъ, что имѣетъ дѣло съ лю
ми, на которыхъ можно положиться. Далѣе Тотлебенъ повѣствуе

«Пунктъ этотъ очень важенъ для турокъ. Они оказали упор
сопротивленіе... Пули, казалось, выбрасывались машинами. Несм
на это, гребень занятъ и укрѣпленъ. Турки также укрѣпились
200 шагахъ и нѣсколько рядъ были выбиты штыками... Скобел
дважды контуженъ и долженъ полежать... Я положительно возд

живаюсь отъ штурма. Голодъ принудитъ къ сдачѣ. Надо имѣть терпѣніе, какъ въ германской арміи подъ Мецомъ и Парижемъ».

Едва оправившись отъ контузіи, Скобелевъ участвовалъ въ окончательной развязкѣ плевненскаго сидѣнья. Съ половины ноября положеніе турокъ въ Плевнѣ стало критическимъ. Сообщеніе было для нихъ всюду отрѣзано, продовольствіе и фуражъ истощились, санитарныя условія были ужасны. 19 ноября Османъ-паша собралъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: сдаться или пробиться? Единогласный отвѣтъ былъ — пробиться.

27 ноября Скобелевъ лично привелъ къ Тотлебену перебѣжчиковъ, сообщившихъ свѣдѣнія о приготовленіяхъ Османа-паши къ послѣдней отчаянной вылазкѣ. Въ штабѣ закипѣла работа.

На слѣдующій день Скобелевъ занялъ оставленные турками Крышинскіе редуты; это позволило Тотлебену приказать всѣмъ войскамъ на правомъ берегу рѣки Вида перейти въ наступленіе. Между тѣмъ уже слышалась перестрѣлка Османа-паши съ отрядомъ Ганецкаго.

Занятіе Крышинскихъ редутовъ было дѣломъ личной инціативы Скобелева, на основаніи свѣдѣній, добытыхъ въ то время подполковникомъ Куропаткинымъ съ помощью перебѣжчиковъ и охотни-ковъ; оно въ высшей степени облегчило задачу Тотлебена. Что касается бомбардировки, которой приписывали большое значеніе, она была неудачной: по взятіи Плевны оказалось, что наши снаряды почти не разрывались.

Окончательно ослабленная армія Османа-паши была отброшена за р. Видъ, самъ Османъ-паша раненъ и сдался съ своей арміей.

По признанію почти всѣхъ нашихъ и европейскихъ авторитетовъ, взятіе Плевны рѣшило участь кампаніи. Такъ конечно думалъ и Тотлебенъ, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ требовать методической войны! Еслибы этому совѣту послѣдовали и вздумали, какъ требовалъ Тотлебенъ, осаждать Рущукъ, то война вѣроятно затянулась бы года на два, а на самомъ дѣлѣ въ короткое время послѣдовалъ рядъ нашихъ удачъ на Шипкѣ, въ Адріанополѣ и почти у воротъ Константинополя.

Не мѣшаетъ замѣтить, что Тотлебенъ съ начала до конца не сочувствовалъ самой войнѣ, считая ее безцѣльной. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ совершенно на точкѣ зрѣнія тогдашней либеральной русской печати съ «Голосомъ» и «Вѣстникомъ Европы» во главѣ. Вотъ что писалъ Тотлебенъ тотчасъ вслѣдъ за паденіемъ Плевны:

«Мы вовлечены въ войну мечтаніями нашихъ панславистовъ и интригами англичанъ. Освобожденіе христіанъ — химера. Болгары

живутъ здѣсь зажиточнѣе и счастливѣе, чѣмъ наши русскіе крест
Ихъ задушевное желаніе, чтобы ихъ освободители по возмож
скорѣе покинули страну».

Этимъ окончательно дополняется контрастъ съ Скобелев
который боролся за идею, вполнѣ раздѣляя по славянскому воп
мысли и чувства Ивана Аксакова. Относительно недружелюб
чувствъ къ намъ болгаръ онъ нисколько не заблуждался, но
щалъ ихъ. Одинъ изъ сподвижниковъ Скобелева, описывая вр
дебное настроеніе населенія Ловчи послѣ ея второго занятія
шими войсками, прямо говоритъ, что ни Скобелевъ, ни его подч
ные не винили болгаръ, отлично понимая, что они потерпѣли вд
чѣ, и отъ турецкихъ пашей, и отъ самой войны, начатой за ихъ о
божденіе, особенно потому, что она велась съ перемѣннымъ счасті

Сухія, но документальныя записки Тотлебена прекрасно до
няются наивнымъ разсказомъ ординарца Скобелева, Дукмасова.
трогательно описываетъ тяжелую жизнь въ траншеяхъ и тѣ
влеченія, которыя порою устраивалъ Скобелевъ солдатамъ, то зас
ляя музыкантовъ играть веселую музыку, то устраивая ил
минаціи. Одна изъ такихъ иллюминацій была придумана имъ
только для потѣхи. Въ лагерь Скобелева пришла вѣсть о наш
успѣхахъ на азіатскомъ театрѣ войны и о взятіи Карса. Скобе
тотчасъ оцѣнилъ значеніе этого событія и для насъ, и для тур
Зная, что Османъ-паша отрѣзанъ отъ всего міра, Скобелевъ р
малъ подѣлиться съ турками этою новостью, съ цѣлью окон
тельно обезкуражить защитниковъ Плевны. Онъ приказалъ сдѣл
огромный транспарантъ изъ сшитыхъ попонъ, по серединѣ кото
вырѣзано было по турецки два слова: «Карсъ взятъ». Вечеромъ тр
парантъ этотъ былъ выставленъ въ передовой траншеѣ и осв
тридцатью фонарями. Картина получилась эффектная. Даже
стрѣлы со стороны турокъ прекратились—турки любовались ил
націей. Но вдругъ, разобравъ въчемъ дѣло, они открыли ожесто
ный ружейный и даже артиллерійскій огонь. Впослѣдствіи оказал
что турки дѣйствительно сильно пали духомъ отъ этого изв

По поводу контузій, полученныхъ Скобелевымъ, Дукмасовъ
общаетъ любопытныя подробности относительно суевѣрія Скобе
ва, его извѣстнаго пристрастія къ бѣлому цвѣту и антипатіи къ
ному. Разъ при обходѣ траншей Скобелевъ обратился къ офицера

— А меня, господа, можете поздравить съ обновкой: от
прислалъ мнѣ прекрасный полушубокъ съ наставленіемъ, чтоб
непремѣнно носилъ его. Но мнѣ что-то онъ не нравится, глав
потому, что черный...

Какъ нарочно, черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ былъ контуженъ пулей, впрочемъ слегка.

Скобелевъ такъ часто становился на банкетъ, что Куропаткинъ наконецъ подговорилъ офицеровъ устроить такъ, чтобы генералъ пересталъ рисковать жизнью. По уговору, какъ только Скобелевъ съ ура поднялся на банкетъ, всѣ тотчасъ же влѣзли туда. Скобелевъ удивленно посмотрѣлъ на офицеровъ и, не говоря ни слова, слѣзъ съ банкета. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ не выдержалъ, опять взобрался и сталъ смотрѣть. Всѣ дѣлаютъ то-же.

— Да чего вы торчите здѣсь? Сойдите внизъ!—недовольнымъ голосомъ сказалъ Скобелевъ.

— Мы обязаны брать примѣръ съ начальства,—иронически замѣтилъ Куропаткинъ.

Это повліяло. Скобелевъ молча пожалъ плечами, соскочилъ въ ровъ и пошелъ дальше.

Вторая контузія въ спину была значительно серьезнѣе. Когда Скобелевъ лежалъ больной въ болгарской хатѣ, трудно было удержать посѣтителей, ежеминутно его навѣщавшихъ. Не смотря на сильныя страданія, Скобелевъ все время шутилъ, полусерьезно обѣщая во всемъ зловѣщій полушубокъ. Въ числѣ посѣтителей были великій князь главнокомандующій, и отецъ Скобелева.

Михаилъ Дмитріевичъ воспользовался, по его собственнымъ словамъ, «размягченіемъ родительскаго сердца» и взялъ слово съ «папаши», что послѣдній непремѣнно пришлетъ для всей его дивизіи 10,000 полушубковъ.

— Ты запиши за мной,—сказалъ онъ отцу,—а потомъ я тебѣ возвращу эти деньги.

Скобелевъ потомъ лукаво признавался, что и не подумаетъ возвратить, и говорилъ:— Да у него денегъ тьма тьмущая, на что ему? У него только трудно выпросить. Вотъ, значитъ, и контузія не прошла безъ пользы.

Дѣйствительно, полушубки были получены и розданы солдатамъ, къ ихъ великому удовольствію.

Не смотря на контузію, Скобелевъ фактически продолжалъ распоряжаться всѣми дѣлами своего отряда. Здоровье Скобелева быстро поправлялось: черезъ недѣлю онъ снова сидѣлъ на своемъ любимомъ конѣ. Популярность его росла съ каждымъ днемъ: о немъ уже слагались легенды, что онъ заколдованный, что отъ него отскакиваютъ пули. Любопытно, что это разсказывали и этому вѣрили солдаты его же отряда, видѣвшіе его больнымъ отъ контузіи.

Случались и комическіе эпизоды, изъ которыхъ одинъ бы
вызвалъ нелюбовью Скобелева къ нѣмцамъ; этой антипатіи Ск
левъ, какъ человѣкъ прямой, никогда не скрывалъ даже пер
высокопоставленными лицами. Пріѣхалъ какой-то нѣмецкій прин
прося показать ему укрѣпленія на Зеленыхъ горахъ. Скобел
согласился, но попросилъ Дукмасова «показать такъ, что у н
(т. е. нѣмцевъ) не явится болѣе охоты осматривать». Дукмас
исполнилъ добросовѣстно это приказаніе, и бѣдный принцъ б
радъ, что ушелъ живой.

Не менѣе курьезны были сцены съ деньщиками Скобелева и
его поваромъ. Какъ-бы для контраста съ собою, Скобелевъ
бралъ въ деньщики великаго труса, который страшно кривля
слыша свистъ пуль, что̀ крайне потѣшало Скобелева. Повар
него былъ конечно французъ, постоянно жаловавшійся, что п
пробиваютъ у него кастрюли, и заявлявшій: «Je suis citoyen, n
pas soldat» («я—гражданинъ, а не воинъ»). Однажды Скобел
наскучивъ жалобами, хотѣлъ его выгнать, но по чьему-то сов
далъ храброму гражданину бутылку краснаго вина и тотъ сей
же успокоился.

Послѣ взятія Плевны комендантомъ ея былъ назначенъ С
белевъ, который пригласилъ къ себѣ въ Брестовацъ начальн
штаба Османа, Тевфика-пашу, довольно хорошо говорившаго
французски. Изъ разговоровъ Тевфика какъ нельзя лучше вы
пилось, что взятые Скобелевымъ редуты были самые важные.

Скобелевъ употребилъ энергичныя усилія, чтобы скорѣе ос
бодить городъ отъ труповъ, перевезти больныхъ и раненыхъ, с
стить дома, представлявшіе настоящія клоаки. Сотни каруц
лѣгъ) то и дѣло разъѣзжали по городу и нагружались тру
Все это вывозилось за городъ и зарывалось въ глубокія ямы.
белевъ оказался искуснымъ администраторомъ. Онъ лично ос
ривалъ все, по цѣлымъ днямъ разъѣзжая верхомъ по городу.
мендантская обязанность однако тяготила его. Скобелева тя
снова въ бой, на Шипку, гдѣ Радецкій былъ осажденъ тур
почти такъ же, какъ турки—нашими войсками въ Плевнѣ. Ск
левъ постоянно созывалъ командировъ, отъ полковыхъ до рот
заботясь о снабженіи людей всѣмъ необходимымъ для предс
щаго зимняго похода черезъ Балканы, причемъ обращалъ вни
піе на кажущіяся мелочи, вродѣ состоянія солдатской об
чрезвычайно важныя въ походѣ.

Взятою въ плѣнъ арміею Османа распоряжался отецъ Скобел

5 декабря выпалъ первый снѣгъ. Въ этотъ день Михаилъ Дмитріевичъ уѣхалъ въ главную квартиру и вернулся довольный и счастливый.

— Ну, господа, — сказалъ онъ, — привезъ радостныя вѣсти: послѣ завтра выступаемъ на Шипку.

Въ штабѣ закипѣла работа, въ полкахъ энергично готовились. Люди Скобелева были отлично снабжены, особенно по сравненію съ другими дивизіями, не считая гвардейцевъ. Полушубки, даже табакъ и чай были въ изобиліи, а въ другихъ дивизіяхъ даже офицеры часто вовсе не имѣли теплой одежды!

Скобелевъ былъ необычайно веселъ. «Слава Богу, мы покидаемъ эту проклятую Плевну». говорилъ онъ. Только проѣзжая мимо редутовъ своего полка, онъ снялъ шапку, перекрестился и прослезился.

Скобелевъ былъ правъ, спѣша на выручку отряду Радецкаго, осажденному турками на Шипкѣ. Положеніе этого отряда становилось въ полномъ смыслѣ слова критическимъ, не смотря на неудачныя дѣйствія Сулеймана-паши, который дробилъ свои силы, то бросаясь на выручку Плевны, то атакуя тотъ или другой изъ нашихъ отрядовъ.

5-го декабря на Шипкѣ начались сильные морозы съ метелями. 13-го декабря было уже больныхъ 90 офицеровъ и 8968 нижнихъ чиновъ. Полковникъ Духонинъ пишетъ: «Солдатъ изображаетъ сплошную ледяную кору: башлыковъ развязать нельзя». 17-го декабря поднялся страшный ураганъ, чуть не погубившій все. Радецкій, все еще крѣпившійся, теперь самъ отдаетъ Скобелеву приказъ выступить изъ Сельви. Скобелевъ отлично подготовилъ свой отрядъ къ трудному походу и сравнительно легко перешелъ Балканы, занялъ Имети и укрѣпился (20 декабря).

23 декабря Скобелевъ, снесшись съ Радецкимъ, движется на селеніе Шипку. Инициатива атаки съ фланга и съ тыла была вполнѣ предоставлена Скобелеву. Одновременно съ его отрядомъ выступилъ и Святополкъ-Мирскій; путь его былъ значительно легче, а потому онъ опередилъ Скобелева.

26 декабря Скобелевъ послалъ донесеніе: «Завтра атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Еслибы Мирскій атаковалъ раньше, то поддержу его всѣми силами».

Мирскій дѣйствительно началъ атаку раньше Скобелева. Скобелевъ, не имѣя телеграфныхъ сношеній съ Мирскимъ, ничего не зналъ, что тотъ дѣлаетъ. Мирскій тревожится, доноситъ, что не

можетъ болѣе держаться, и, въ свою очередь, ничего не знаетъ Скобелевѣ. Конечно телеграфъ можно было бы замѣнить сиг лами, но—увы!—ни Мирскій, ни Скобелевъ не могли добит чтобы имъ дали геліографы, лежавшіе гдѣ-то въ складахъ!

Какъ только началась атака Мирскаго, Радецкій рѣшилъ у рить туркамъ во фронтъ. Атака эта могла бы имѣть гибельныя слѣдствія для изнемогшаго отряда, еслибы наконецъ не по спѣли войска Скобелева, атаковавшія шейновскій лагерь въ 11 совъ утра 28-го числа. Эта атака была необычайно стремитель настолько рѣшительна, что и Мирскій, и Радецкій тотчасъ поч ствовали значительное облегченіе, такъ какъ главныя силы тур перешли отъ наступленія къ оборонѣ. Въ короткое время уча турецкаго отряда была рѣшена и на курганѣ появился бѣ флагъ. Начальникъ турецкой арміи Весселъ-паша сдался въ плѣ Скобелеву. Въ этомъ сраженіи было взято въ плѣнъ 41 таборъ рецкой пѣхоты и 93 орудія. Общая потеря съ нашей стороны п высила 5 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ отрядъ Скобелева т терялъ менѣе полуторы тысячи.

Это краткое описаніе послѣдняго боя на Шипкѣ показыва что хотя честь боя не принадлежала исключительно Скобелеву, рѣшительный ударъ былъ, безъ сомнѣнія, нанесенъ имъ. Въ эт смыслѣ поняли сраженіе и въ главной квартирѣ. Но, какъ все бываетъ въ такихъ случаяхъ, тотчасъ всплыли на поверхн разныя мелкія и крупныя самолюбія. Мнѣнія тутъ расходят Верещагинъ утверждаетъ напр., что Скобелевъ хотѣлъ посл съ донесеніемъ своего начальника штаба Келлера (Куропат былъ еще раньше раненъ), но боялся, что этотъ офицеръ честь дѣла припишетъ Скобелеву, чего именно не хотѣлъ. Выбр С., офицера генеральнаго штаба при отрядѣ Мирскаго, болѣе д гихъ возставшаго противъ Скобелева. Скалонъ, самъ не дол ливающій Скобелева, сказалъ С.: «Смотрите, батюшка, как слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю». С. п тестовалъ противъ пристрастья, но Скобелевъ получилъ за эту б стательную побѣду ничтожную награду много спустя и огорчи

Этотъ С. и напечаталъ подробное опроверженіе показаній В щагина. Изъ опроверженія видно, что С. если не былъ, то стара быть безпристрастнымъ. По его словамъ, передъ отъѣздомъ онъ свѣтилъ Скобелева и просилъ его составить подробное описаніе дѣйствій съ планомъ. Скобелевъ усидчиво работалъ и состав требуемое, но на словахъ прибавилъ (они были на «ты» съ

— Я желаю, чтобы ты передалъ государю, что я, понимаешь, и взялъ въ плѣнъ армію Весселя-паши.

На это Соболевъ возразилъ: «Никакъ не скажу, потому что это неправда», и, когда Скобелевъ вспыхнулъ, разсказчикъ пояснилъ, что главная честь принадлежитъ Радецкому, который держался столько мѣсяцевъ, и Мирскому, который выдержалъ первый ударъ. Скобелевъ на это отвѣтилъ:— «Ты совершенно правъ, и я съ тобою согласенъ».

Такъ или иначе, но Соболевъ вполнѣ убѣжденъ, что атака турецкой арміи въ «лобъ» Радецкимъ и дѣйствія Мирскаго рѣшили участь дѣла. Въ этомъ смыслѣ онъ и доложилъ, и, по его же словамъ, государь, имѣвшій частныя свѣдѣнія объ этой битвѣ, два раза переспросилъ: «Такъ Мирскій дрался цѣлый день 27 и утро 28 числа?»

Посмотримъ, какъ описываютъ этотъ бой очевидцы, причемъ оставимъ въ сторонѣ вопросъ о заслугахъ Радецкаго и Мирскаго, не потому, чтобы мы ихъ не признавали, а по той причинѣ, что рѣчь идетъ исключительно о характеристикѣ Скобелева.

По прибытіи въ Габрово Скобелевъ былъ подчиненъ Радецкому. Въ Габровѣ Скобелевъ устроилъ своему отряду передышку на четыре дня, а тѣмъ временемъ онъ самъ, съ двумя только ординарцами, съѣздилъ на гору св. Николая къ Радецкому, рискуя по пути попасть въ плѣнъ къ туркамъ.

Возвратившись, Скобелевъ сообщилъ войскамъ планъ дѣйствій, выработанный имъ по соглашенію съ Радецкимъ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы Радецкій держался оборонительно, активная же роль выпала на долю Скобелева и Мирскаго. По возвращеніи въ Габрово Скобелевъ обратилъ особенное вниманіе на вьюки. О повозкахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ пути, по которымъ пришлось двигаться его отряду, наступавшему съ запада, едва доступны зимой для человѣка. Для батарей Скобелевъ приказалъ приготовить сани—на колесахъ тащить орудія было немыслимо. Патроны, сухари—все было помѣщено на вьюкахъ. Много помогли безпечность турокъ и ихъ вѣра въ неодолимость такой преграды, какъ Балканы въ зимнее время. Но Скобелевъ помнилъ слова Наполеона: «Гдѣ пройдетъ одинъ солдатъ, тамъ пройдетъ и цѣлая армія». Примѣръ Гурко едва ли былъ убѣдителенъ: первый переходъ Гурко произошелъ въ теплое время года.

Настроеніе войскъ было превосходное. По словамъ одного очевидца: «Мы всѣ твердо были убѣждены, что съ Скобелевымъ никогда не проиграемъ дѣла». Много способствовали воодушевле-

нію бывшіе въ войскѣ болгарскіе ополченцы, особенно извѣстный болгарскій писатель Славейковъ, потерявшій семью отъ турецкихъ насилій и одушевленный фанатической враждою къ турецкому игу.

Въ день Рождества штабъ Скобелева былъ съ утра на ногахъ. Скобелевъ вышелъ изъ избы и весело поздоровался съ офицерами.

— Вамъ предстоитъ, господа, тяжелая работа, сказалъ онъ.—Пожалуйста, приложите побольше энергіи и труда. Разъ мы побѣдимъ здѣсь, намъ вѣроятно не встрѣтится уже препятствій и мы легко займемъ Адріанополь, даже Константинополь.

Затѣмъ, по своему обыкновенію, Скобелевъ сталъ давать подробныя инструкціи и объяснять значеніе своихъ приказаній. Впередъ всѣхъ онъ послалъ уральцевъ и болгарина Славейкова. Переходъ былъ необычайно труденъ. Нѣкоторые казаки, сѣвшіе хватались за хвосты лошадей, которыя тащили людей. Въ лощинахъ лошади иногда проваливались по самое брюхо. Скобелевъ проѣхалъ мимо себя весь отрядъ, ободряя всѣхъ и высказывая увѣренность въ побѣдѣ. Наконецъ прискакалъ гонецъ и сообщилъ, что деревня Зелено Древо занята безъ боя и что турки все еще замѣчаютъ движенія.

Скобелевъ велѣлъ немедленно занять Марковы столбы. Черезъ нѣсколько времени послышались орудійные выстрѣлы; въ турецкомъ лагерѣ былъ замѣченъ переполохъ. При первыхъ выстрѣлахъ Скобелевъ мчался уже впередъ, обгоняя одинъ полкъ за другимъ. Позиціи турокъ, а также паши укрѣпленія на Шипкѣ были видны ясно.

— Поѣзжайте назадъ,—сказалъ Скобелевъ одному сотнику,—и приведите горную батарею, хотя два орудія. Нужно открыть огонь.

Между тѣмъ темнѣло. Войска проползли около десяти верстъ по колѣно въ снѣгу и буквально выбились изъ силъ. Скобелевъ, видя ихъ утомленіе, остановилъ отрядъ на ночлегъ. Онъ лично осмотрѣлъ окрестности и отыскалъ глубокую долину, которая ресѣкалась отъ турокъ большимъ лѣсомъ. Здѣсь былъ устроенъ бивуакъ и развели костры.

Утромъ двинулись въ путь по узкой тропинкѣ. Иногда приходилось карабкаться, многіе скатывались внизъ и погибали. Самъ Скобелевъ поѣхалъ впередъ на Марковы столбы. Тутъ ужъ сходить было немыслимо; просто скатывались, упираясь ружьемъ и цѣпляясь за кусты. Осмотрѣвъ мѣстность, Скобелевъ велѣлъ ка-

камъ рѣшительно наступить въ долину Тунджи. Положеніе этого передового отряда стало критическимъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Скобелевъ Дукмасову.—ведите меня туда.

Поѣхали. Одинъ изъ оставшихся съ Скобелевымъ казаковъ былъ убитъ. Генералу посовѣтовали сѣшиться.

— Что вы глупости говорите, поѣзжайте скорѣй впередъ!—отвѣтилъ онъ съ досадой.

Доѣхали до нашей позиціи. Солдаты лежали за кустами, стрѣляя испуганно, безучастно.

Скобелевъ поздоровался съ ними; къ удивленію, они не отвѣчали. Скобелевъ немного смутился, но тотчасъ овладѣлъ собою, сильно пришпорилъ коня и въѣхалъ въ самую середину оробѣвшаго батальона.

— Здорово, братцы!—крикнулъ онъ такимъ звучнымъ голосомъ, что нѣсколько десятковъ солдатъ отвѣтили на привѣтствіе.

Охотники ко мнѣ!—крикнулъ снова Скобелевъ.

Человѣкъ двадцать медленно подошли, переглядываясь. Турки участили огонь.

Скобелевъ приказалъ Дукмасову взять этихъ двадцать человѣкъ и во что бы то ни стало отбросить лѣвый флангъ наступавшихъ турокъ. Движеніе было исполнено такъ удачно, что ошеломленные турки отступили. Какъ разъ въ это время въ свитѣ Скобелева нѣсколько человѣкъ было убито, а Куропаткинъ раненъ.

Куропаткинъ былъ правою рукою Скобелева. Отличаясь спокойствіемъ и изумительнымъ хладнокровіемъ, онъ былъ отличнѣйшимъ товарищемъ пылкаго, увлекающагося Скобелева. Полученная имъ рана сильно опечалила Скобелева.

Спускъ съ горъ продолжался весь вечеръ и даже до глубокой ночи. 27 декабря рано утромъ всѣ вскочили, Скобелевъ велѣлъ замѣнить усталыхъ казанцевъ. Вдругъ послышалась стрѣльба. Оказалось, что стрѣляли турки изъ траншеи, которую Скобелевъ велѣлъ занять ночью сотнику Харапову и которая, какъ донесъ сотникъ, была занята. Скобелевъ страшно разсердился, призвалъ Харапова и началъ его распекать. Оказалось, что Харановъ въ темнотѣ попалъ совсѣмъ на другую горку.

— Чортъ знаетъ, что такое!—еще разъ выругался Скобелевъ и поскакалъ самъ къ тому мѣсту такъ быстро, что за нимъ никто не могъ поспѣть. Онъ возвратился обратно въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.

— Поѣзжайте,—закричалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—возьмите сейчасъ полуроту и выбейте турокъ изъ этой горы!

Дукмасовъ вызвался, взялъ первую попавшуюся полуроту, хотя сію и не командовалъ, и выбилъ турокъ.

Скобелевъ наградилъ его пожатіемъ руки.

Съ утра послышалась канонада. Было ясно, что это дѣйствуетъ отрядъ Мирскаго.

— Несомнѣнно это Мирскій,—говорилъ нѣсколько разъ Скобелевъ въ сильномъ волненіи.—Необходимо поддержать его. Какъ долго стягиваются полки! Торопите ихъ, пожалуйста!

Только къ вечеру половина отряда вошла въ долину. Скобелевъ немедленно двинулъ ее на Шейново. Когда стало совсѣмъ темно, Скобелевъ велѣлъ торжественно играть зорю и развести массу костровъ. Цѣлью было обмануть турокъ относительно силъ отряда и отвлечь ихъ отъ Мирскаго. Хитрость достигла результата: масса турецкой кавалеріи двинулась къ Имети.

Поздно вечеромъ Скобелевъ послалъ Дукмасова на гору св. Николая къ Радецкому.

Радецкій сказалъ, что Мирскій донесъ о своемъ критическомъ положеніи и проситъ непремѣнно поддержки. Чтобы поддержать Мирскаго, Радецкій, безъ всякой надежды на успѣхъ, атаковалъ непріятеля и потерялъ своихъ лучшихъ солдатъ: особенно пострадалъ Подольскій полкъ подъ начальствомъ храбраго Духонина. Не будь однако этой атаки, Мирскій былъ бы разбитъ окончательно наступавшими 35 таборами турокъ.

Получивъ рано утромъ извѣстіе отъ Радецкаго, Скобелевъ тотчасъ же завязалъ бой. Первая атака (угличанъ и болгарскаго ополченія) была неудачна, но Скобелевъ весьма искусно двинулъ резервы, и тутъ же кстати прибыла данная въ его распоряженіе кавалерійская дивизія Дохтурова.

Скобелевъ внимательно слѣдилъ за картиной боя. Глаза его блестѣли, руки нервично подергивали поводъ. По его приказанію Дохтуровъ тотчасъ вошелъ въ связь съ отрядомъ Мирскаго. Тогда была начата настоящая атака.

Четыре батальона съ распущенными знаменами и музыкой двинулись впередъ. Этотъ видъ стройно двигавшихся подъ музыку, точно на парадѣ, батальоновъ навелъ на турокъ панику. Бросивъ орудія, снаряды, лагерь, они бѣжали на Казанлыкъ, но тутъ ихъ встрѣтила кавалерія Дохтурова. Цѣлые таборы стали бросать оружіе и знамена. Скобелевъ только что выѣхалъ изъ

ѣса на поляну передъ батальономъ, который онъ лично велъ въ атаку, какъ вдругъ его догналъ сотникъ Харламовъ, издали махавшій шашкой.

— Что онъ, сдурѣлъ, что-ли?—сказалъ Скобелевъ.

— Ваше пр—ство, на главномъ курганѣ турки выкинули бѣлый флагъ.

Стрѣльба прекратилась. Скобелевъ послалъ къ Весселю-пашѣ узнать объ условіяхъ сдачи. Паша сначала пожелалъ узнать, какой чинъ у Скобелева? Когда ему сказали, что генералъ-лейтенантъ, тогда только согласился на сдачу. Скобелевъ улыбнулся и послалъ предложить сдачу также тѣмъ войскамъ, которыя еще дѣйствовали противъ Радецкаго. Турецкій полковникъ отказался сдаться. Тогда Скобелевъ велѣлъ всѣмъ войскамъ съ музыкой двинуться къ Шипкѣ и вторично послалъ генерала Столѣтова, предупреждая, что безпощадно разгромитъ остатки турецкой арміи съ двухъ сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была послана ташка Весселя-пашѣ для лучшаго убѣжденія. Тогда и надъ грозными турецкими укрѣпленіями появился бѣлый флагъ.

Послѣ битвы Скобелевъ объѣхалъ войска на своемъ красивомъ бѣломъ конѣ, благодаря всѣхъ.

Несомнѣнно, что Скобелевъ, по выраженію Дукмасова, «былъ поэтомъ войны». Онъ умѣлъ самый кровавый моментъ боя — атаку или штурмъ—облечь въ красивую форму: знамена, музыка, барабаны. Его обвиняли въ актерствѣ, но онъ лучше понималъ психологію массъ и помнилъ наставленія Наполеона, дѣйствовавшаго такимъ же образомъ.

Въ день Новаго Года отрядъ Скобелева двинулся дальше, къ Адріанополю.

Какъ извѣстно, послѣ паденія Плевны Гурко, начальствуя западнымъ отрядомъ, въ свою очередь перешелъ Балканы съ неимовѣрными жертвами, одержалъ нѣсколько побѣдъ, завладѣлъ Софіей и, разгромивъ Сулеймана-пашу, двигался на соединеніе съ Скобелевымъ. Остатки арміи Сулеймана спѣшили въ Адріанополь. Было чрезвычайно важно предупредить ихъ, иначе турки могли тамъ создать новую Плевну.

Впереди отряда былъ посланъ Струковъ съ донскими казаками, забиравшими желѣзнодорожныя станціи. Въ Тырново-Семеникли Струковъ захватилъ мостъ черезъ р. Марицу. Скобелевъ, очень довольный этимъ дѣломъ и взятіемъ шести крупповскихъ

пушекъ, предложилъ поужинать на турецкомъ вокзалѣ и на сл угостилъ офицеровъ.

Въ это самое время подлѣ Хаскіоя произошла кровав драма, сильно разстроившая Скобелева. Наши войска встрѣтилис съ остатками арміи Сулеймана-паши, прикрывавшими послани нашею обозъ жителей, спасавшихся отъ войскъ Гурко.

По словамъ Верещагина, Скобелеву не давала покоя мыс окончательно раздавить и, если можно, взять въ плѣнъ арм Сулеймана, т. е. довершить дѣло Гурко. Скобелевъ ошибся в томъ отношеніи, что считалъ разбитыя полчища Сулеймана сил нѣе, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Скобелевъ пресерьезно у вержда.лъ, что Сулейманъ дастъ ему битву подъ Хаскіоемъ. П сланный впередъ П. донесъ, что имѣетъ дѣло съ передови ми таборами Сулеймана: на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось, э были нестройныя ватаги солдатъ, прикрывавшихъ обозъ турец кихъ эмигрантовъ. Въ свою очередь, командиръ одного Донско полка подтвердилъ, «что непріятель наступаетъ». — Хорошо, с залъ Скобелевъ, принимайте бой!» Перестрѣлка тотчасъ нач лась, раздались крики «ура!» затѣмъ отчаянные вопли со сторо турокъ. Оказалось, что П., плохо разобравъ непріятеля, подня на штыки обозъ, причемъ было убито множество мирныхъ жи телей, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ и дѣтей!

Когда Скобелевъ узналъ объ этой ошибкѣ, онъ пришелъ ужасъ и бѣшенство. Онъ обвинялъ всѣхъ—П., казаковъ, са го себя. Сообщая объ этомъ прискорбномъ событіи, Верещаги поясняетъ что на слѣдующій день Скобелевъ издалъ строжай приказъ по войскамъ, въ которомъ буквально разнесъ всѣхъ. Г мѣшаетъ добавить, со словъ другого очевидца, черту, характеризу пую русскаго солдата. Когда ошибка обнаружилась и П. ос новилъ атаку, солдаты сами бросились на помощь бѣжавшимъ паническомъ страхѣ и попадавшимъ подъ лошадей женщинамъ дѣтямъ, стали собирать дѣтей и отыскивать ихъ матерей.

Дорога въ Адріанополь оказалась почти открытой. Только Мухтара-паши турки пытались въ послѣдній разъ преградить но ушли, взорвавъ загородный дворецъ, причемъ погибли чуд лазуревыя залы и другіе памятники искусства.

Вступленіе отряда Скобелева въ Адріанополь имѣло торжестве ный и театральный характеръ. Главныя оваціи выпали вполн на долю авангарда Струкова: все христіанское населеніе го

шло ему на встрѣчу. Когда явился Скобелевъ съ главными силами, овацiи повторились, хотя энтузiазмъ конечно уже ослабѣлъ.

По словамъ Верещагина, Скобелевъ въѣхалъ въ Адрiанополь съ вечеру. На вокзалѣ желѣзной дороги его встрѣтили раньше прибывшiе генералы и офицеры и большой кавалькадой проводили его въ конакъ (дворецъ). Изъ всѣхъ домовъ выглядывали женскiя лица, преимущественно гречанокъ; нѣкоторыя были поразительной красоты. Какъ извѣстно, Скобелевъ былъ даже слишкомъ чувствителенъ къ такого рода зрѣлищу. Слѣдовавшiй за нимъ художникъ не безъ иронiи командовалъ (вѣроятно вполголоса): «глаза направо, глаза налѣво!» Скобелевъ дѣйствительно впивался глазами въ красавицъ, провожавшихъ его взорами. Это поэтическое описанiе Верещагинъ дополняетъ весьма не поэтической картиной, въ которой изображаетъ Скобелева—легкомысленнымъ, а самого себя—кровожаднымъ. Дѣло въ томъ, что еще раньше, прибывъ съ Струковымъ, художникъ просилъ этого генерала непремѣнно повѣсить двухъ захваченныхъ подлѣ Адрiанополя албанскихъ разбойниковъ, вмѣстѣ связавшихъ и подвергавшихся проклятiямъ толпы. Струковъ, удивленный такой просьбой, сказалъ: «Однако, Василiй Васильевичъ, откуда въ васъ столько кровожадности, я не зналъ этого за вами». Верещагинъ поясняетъ, что онъ хотѣлъ видѣть сцену повѣшенiя изъ «любопытства», какъ художникъ!

Къ сожалѣнiю, этотъ эпизодъ опоздалъ на столѣтiе. Всѣмъ извѣстно, что Державинъ велѣлъ повѣсить двухъ пугачевцевъ «ради поэтическаго любопытства» и что Пушкинъ заклеймилъ этотъ поступокъ. По всей вѣроятности В. В. Верещагинъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, просто пересаливаетъ. Очень возможно, что на него просто заразительно подѣйствовала ярость населенiя противъ разбойниковъ.

Такъ или иначе, но, получивъ отказъ отъ Струкова, художникъ обратился съ тою же просьбою къ Скобелеву. Скобелевъ,—какъ видно, занятый другими мыслями,—отвѣтилъ: «Что-жъ, это можно», и велѣлъ тотчасъ учредить полевой судъ, причемъ добавилъ: «да смотрите, чтобы ихъ повѣсить», но когда на другой день Верещагинъ явился въ тюрьму, надѣясь увидѣть экзекуцiю, онъ былъ «разочарованъ»: оказалось, что, по просьбѣ Струкова, Скобелевъ не подписалъ приговора, и албанцы остались живы. Обманутый художникъ написалъ ихъ связанными.

Мы привели этотъ разсказъ, выставляющiй самого Верещагина въ некрасивомъ свѣтѣ, единственно съ цѣлью показать, что его

«Воспоминанія», несправедливыя къ самому автору, могутъ бы
иногда несправедливы и къ другимъ лицамъ.

Пребываніе въ Адріанополѣ и затѣмъ въ Чаталджѣ и Сан
Стефано было для большинства офицеровъ, сопровождавшихъ Ск
белева, пріятнымъ отдыхомъ послѣ труднаго похода. Что касает
самого Скобелева, онъ здѣсь въ одно и то-же время веселился и ск
чалъ. Веселился, чтобы убить время, и скучалъ, потому что жажда
двинуться на Константинополь. Свое время онъ дѣлилъ между вое
ными планами и соображеніями, административными распоряжені
ми и кутежами, шалостями и дурачествами, далеко не соотвѣ
ствовавшими его положенію и достигнутой имъ громкой славѣ.

Съ другой стороны, скорѣе въ похвалу Скобелеву слѣдуетъ с
зать, что его отношенія къ окружающимъ были скорѣе товарищ
скія, чѣмъ начальническія. Онъ былъ вспыльчивъ и въ мину
гнѣва способенъ разнести подчиненнаго, но это сейчасъ проходил
и если Скобелевъ хотя сколько-нибудь чувствовалъ себя неправым
то самъ просилъ извиненія за свою горячность.

При случаяхъ, Скобелевъ выказывалъ себя «кровнымъ арис
кратомъ».

Желая выразить симпатіи побѣдителямъ, а можетъ быть и
другими цѣлями, иностранные консулы въ Адріанополѣ устро
балъ. Скобелевъ выразилъ полное согласіе и даже предложилъ д
танцевъ большую залу въ занимаемомъ имъ конакѣ. Зала бы
прекрасно декорирована подъ наблюденіемъ самого Скобеле
Устроили дамскую уборную, неизбѣжные кабинеты съ зелены
столиками и буфетъ. Офицеры въ боевыхъ и походныхъ, пропит
ныхъ порохомъ, костюмахъ, иногда даже въ поношенныхъ сапога
наполнили залу. Только одинъ Скобелевъ, раздушенный и безу
ризненно одѣтый, представлялъ рѣзкій контрастъ съ другими в
ными. Не мѣшаетъ замѣтить, что Скобелевъ даже передъ бит
всегда употреблялъ лучшіе англійскіе духи. Однажды ему бы
присланъ ящикъ отъ матери съ надписью: «весьма нужное». На
ницѣ румыны вскрыли ящикъ, съ любопытствомъ заглянули и
мало изумились, найдя цѣлую батарею... флаконовъ съ духами.

На балу Скобелевъ былъ, разумѣется, героемъ дня. Когда
уборной собрались дамы, преимущественно гречанки и армян
также нѣсколько француженокъ и болгарокъ, музыка гряну
марш и дамы въ бальныхъ костюмахъ торжественно вошли
залъ. Скобелевъ съ неизмѣнной улыбкой разсматривалъ м
ныхъ красавицъ и потомъ въ разговорахъ съ адъютантами

дробно критиковалъ ихъ, считая себя въ этомъ дѣлѣ не меньшимъ знатокомъ, чѣмъ въ военныхъ операціяхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого бала Скобелевъ, ожидая Гурко, очистилъ для послѣдняго конакъ, а самъ со штабомъ перешелъ въ домъ, принадлежавшій какому то пашѣ.

Отдохнувъ въ Адріанополѣ, отрядъ Скобелева долженъ былъ наконецъ двинуться къ Константинополю. Скобелевъ, давно ждавшій изъ главной квартиры этого распоряженія, немедленно двинулся форсированнымъ маршемъ на берегъ Мраморнаго моря. Хотя пѣхота и артиллерія шли почти по пятамъ конницы, Скобелевъ все торопилъ, въ Люли-Бургасѣ было однако приказано остановиться: здѣсь должна была пройти демаркаціонная линія на время перемирія. Въ Чаталджѣ Скобелевъ объявилъ войскамъ о перемиріи. Только благодаря его энергіи, была поразительно быстро захвачена такая огромная часть турецкой территоріи. Полоса земли между рѣками Карасу и Тагалы-дере должна была оставаться нейтральной. Но турки не выполняли условій, и за рѣкой Карасу постоянно появлялись красныя фески. Скобелева это бѣсило. Дня три по пріѣздѣ онъ рѣшился ѣхать самъ на турецкую позицію. Въ сопровожденіи свиты, проѣхавъ верстъ пять, Скобелеву вдругъ пришла фантазія свернуть вправо, и онъ поскакалъ къ большому редуту. Изъ за насыпи выглядывали два огромныхъ турецкихъ орудія. Спустились къ рѣкѣ. Переѣхать въ бродъ никто не рѣшался, такъ какъ берегъ былъ болотистъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказалъ Скобелевъ.—Господа, отыщите бродъ!

Нѣкоторые попробовали было, но лошади грузли.

— Невозможно,—сказалъ кто-то.

— Вы—бабы, а не офицеры!—закричалъ Скобелевъ и рѣшительно погналъ коня въ болото. Лошадь упрямилась. Скобелевъ горячился, вонзилъ шпоры, лошадь рванулась и, провалившись въ грязь, упала на бокъ съ сѣдокомъ. Скобелева вытащили сильно сконфуженнаго, онъ даже не далъ обчистить себя и поскакалъ вдоль рѣки, продолжая браниться. Между тѣмъ одинъ казачій сотникъ немного подальше переплылъ рѣку на конѣ. Скобелевъ поскакалъ туда, всѣ послѣдовали за нимъ, хотя промокли до костей.

Такимъ образомъ онъ съ свитой очутился на нейтральной полосѣ. Нѣсколько турокъ, бывшихъ тутъ же, пустились удирать. Скобелевъ велѣлъ казакамъ догнать ихъ. Турки были пойманы, и генералъ велѣлъ черезъ переводчика сказать имъ:

— Передайте своимъ пашамъ, что если еще будетъ нарушено условіе, то я со своими войсками немедленно займу всѣ эти редуты.

Отпустивъ перепуганныхъ турокъ, Скобелевъ сталъ внимательно осматривать весьма сильные редуты и замѣтилъ:

— Хорошо, что мы такъ близко! Въ случаѣ непріятельскихъ дѣйствій, мы успѣемъ раньше турокъ захватить эти редуты.

Не останавливаясь здѣсь, Скобелевъ поскакалъ въ городъ Беюкъ-Чекмендже, гдѣ почти не оказалось жителей. Встрѣтили какого-то грека, который пояснилъ, что турецкія власти напугали жителей, сказавъ, что русскіе будутъ бомбардировать.

Скобелевъ велѣлъ передать, что это чепуха, и что никакого зла жителямъ не будетъ.

День закончился импровизированной Скобелевымъ скачкой: три версты онъ и его свита мчались въ перегонку.

Такъ умѣлъ Скобелевъ соединять важныя рекогносцировки съ развлеченіями. Для большаго веселья изъ Санъ-Стефано вскорѣ прибыли двѣ хорошенькія француженки, распѣвавшія по вечерамъ пикантныя шансонетки. За одною изъ этихъ пѣвицъ, m-lle Жёдё, Скобелевъ сталъ сильно ухаживать.

11 февраля пріѣхалъ въ Чаталджу великій князь главнокомандующій. Вскорѣ послѣ этого Скобелевъ уѣхалъ въ Санъ-Стефано, дачный городокъ, превратившійся въ маленькій Парижъ. Пѣвицы, актрисы, разныя дѣвицы и дамы сомнительной нравственности наполняли кафе-шантаны и выпрашивали червонцы у русскихъ офицеровъ. Не мало швырялъ здѣсь деньгами Скобелевъ.

По заключеніи мира Скобелевъ поселился въ Санъ-Стефано въ томъ самомъ домѣ, гдѣ графъ Н. П. Игнатьевъ подписалъ мирный договоръ, впослѣдствіи уничтоженный берлинскимъ трактатомъ.

Въ мартѣ Скобелевъ въ свитѣ великаго князя отправился съ визитомъ къ султану. Онъ остановился въ Англійской гостиницѣ, здѣсь онъ много бесѣдовалъ съ дипломатами, особенно съ тогдашнимъ первымъ драгоманомъ нашего посольства, г. Ону. Дворъ султана произвелъ на Скобелева пріятное впечатлѣніе.

— Знаете-ли, господа, говорилъ онъ окружающимъ офицерамъ.—Я совсѣмъ другими представлялъ себѣ турокъ. Право, они высматриваютъ молодцами. Прекрасно одѣты, опрятны, въ высшей степени любезны. Насъ приняли такъ мило, радушно. Я очень доволенъ.

Вскорѣ послѣ этого Скобелевъ узналъ, что всѣмъ офицерамъ, которыхъ онъ представлялъ къ Георгіевскимъ крестамъ, награда

ти были утверждены. По этому случаю онъ далъ отличный обѣдъ
евымъ кавалерамъ съ лучшими винами. Столъ былъ накрытъ въ
томъ самомъ залѣ, гдѣ былъ подписанъ миръ.

Приказомъ по арміи Скобелевъ былъ назначенъ командиромъ
4 корпуса. Штабъ корпуса находился въ селеніи Св. Георгія, куда
переѣхали изъ Санъ-Стефано. Впрочемъ Скобелевъ перебрался
ь корѣ въ лагерь. Не смотря на мирное время, Скобелевъ постоянно
работалъ. Онъ хлопоталъ о пищѣ, пополненіи одежды войскъ, по-
стоянно объѣзжалъ госпитали. Такъ какъ солдаты обносились, онъ
правилъ офицеровъ въ Одессу для покупки сукна. Затѣмъ для
ой 16 дивизіи онъ велѣлъ сдѣлать вмѣсто отвратительныхъ кэпи
фуражки, которыя носили раньше только въ гвардіи. Солдаты были
двойнѣ довольны—и по удобству, и по той причинѣ, что вообра-
или, будто «скобелевскихъ сравняютъ съ гвардіей».

Когда среди солдатъ все-таки открылся тифъ, Скобелевъ чуть
не плакалъ. Онъ былъ раздражителенъ, нервенъ, бранилъ докторовъ.

Очень часто Скобелевъ помогалъ солдатамъ и офицерамъ прямо
изъ своего кармана.

Въ Санъ-Стефано офицерамъ жилось слишкомъ весело. Скобе-
левъ хотя и самъ былъ не прочь кутить, поспѣшилъ перевести войска
въ лагерь. Превосходный воздухъ, роскошная растительность и
дивныя окрестности—все это могло съ лихвою замѣнить санъ-сте-
фанскія попойки. Иногда впрочемъ офицеры компаніями ѣздили въ
Константинополь съ единственной цѣлью покутить.

Лагерныя заботы сильно утомляли Скобелева. Иногда и онъ
устраивалъ увеселительныя поѣздки въ Константинополь, Буюкъ-
Дере и окрестности. Ѣздилъ онъ почти всегда вечеромъ и пользо-
вался поѣздкою съ цѣлью подробнаго осмотра мѣстности на случай
будущей войны.

Разъ какъ-то Скобелевъ поѣхалъ въ сопровожденіи трехъ офи-
церовъ и четырехъ казаковъ въ Буюкъ-Дере, гдѣ имѣлъ дѣло въ
нашемъ посольствѣ. Поѣхали кратчайшимъ путемъ. Часовъ въ шесть
утра, миновавъ сплошные сады фруктовыхъ деревьевъ, въѣхали
въ Буюкъ-Дере, гдѣ остановились въ лучшей французской гости-
ницѣ. Хозяйка француженка, бойкая, пикантная дамочка, очаровала
всѣхъ и болѣе всего Скобелева, который пригласилъ француженку
обѣдать съ нимъ и офицерами.

Скобелевъ вышелъ въ залу въ бѣломъ кителѣ, раздушенный,
сіяющій, усадилъ рядомъ съ собою француженку и сталъ отчаянно
за нею ухаживать. Вдругъ ему пришла мысль выкинуть гусарское

колѣнце. Подозвавъ одного изъ офицеровъ онъ шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ улыбнулся и вышелъ.

Скобелевъ между тѣмъ завязалъ съ француженкой разговоръ о Россіи.

— А вотъ посмотрите на этого господина, — сказалъ вдругъ Скобелевъ, указывая на Дукмасова, отличавшагося полуазіатской наружностью.—Это казакъ самый настоящій. Онъ совершенный дикарь. Онъ ѣстъ человѣческое мясо и сальныя свѣчи!

Француженка сразу сдѣлалась красна, съ удивленіемъ посмотрѣла на руки и на зубы казачьяго офицера и наконецъ сказала вполголоса, что онъ не имѣетъ вида людоѣда.

— Мы его приручили!—отвѣтилъ Скобелевъ.—Увидите, съ какимъ аппетитомъ онъ будетъ ѣсть, вмѣсто десерта, сальныя свѣчи.

Черезъ нѣсколько минутъ вошли два лакея, изъ которыхъ одинъ подалъ казаку тарелку съ парою сальныхъ свѣчей.

Француженка пришла въ ужасъ; но когда Дукмасовъ сталъ преспокойно уписывать поданныя свѣчи, съ нею чуть не сдѣлался обморокъ. Тогда только Скобелевъ не выдержалъ и объяснилъ, что свѣчи сдѣланы изъ сахара и сливокъ и заказаны у кондитера.

Такія шуточки были вполнѣ въ натурѣ Скобелева. Тотчасъ послѣ этой выходки онъ заѣхалъ къ Беккеру-пашѣ, англичанину турецкой службы, и велъ съ нимъ серьезнѣйшій политическій разговоръ. Послѣ этой бесѣды Скобелеву вдругъ пришла фантазія поѣхать въ турецкій лагерь и попробовать, какъ ѣдятъ турецкіе солдаты. Подъѣхавъ къ кухнямъ, онъ, не торопясь, слѣзъ съ коня и направился къ котламъ. Картина была забавная: турки просто опѣшѣли. Скобелевъ, ничуть не смущаясь, взялъ ложку изъ рукъ ближайшаго турецкаго солдата, опустилъ въ котелъ и попробовалъ. Мерзость оказалась невозможная. Скобелевъ пожалъ плечами и замѣтилъ: «Наши не стали бы ѣсть... А между тѣмъ какой здѣсь великолѣпный здоровый народъ!».

Узнать, какъ ѣстъ солдатъ враждебной арміи, было конечно дѣломъ серьезнымъ. Но Скобелеву вздумалось порисоваться передъ турками. Спросивъ, гдѣ ближайшая дорога въ Константинополь, и получивъ отвѣтъ, онъ спросилъ, нельзя-ли поѣхать черезъ крутой спускъ по тропинкѣ. Турецкіе офицеры сказали ему, что пробраться немыслимо. Скобелевъ велѣлъ Дукмасову поѣхать впередъ, а самъ послѣдовалъ за нимъ.

Дорога оказалась ужасная, пришлось ѣхать надъ бездной. Изъ какой серьезной цѣли въ этой поѣздкѣ не могло быть; но Скобелевъ

никогда не возвращался и не мѣнялъ принятаго рѣшенія. Кое-какъ ему и казачьему офицеру удалось добраться до Райской долины. Турки съ изумленіемъ смотрѣли на Скобелева: кажется, этого ему и хотѣлось.

Вскорѣ послѣ этого Скобелевъ далъ въ Константинополѣ обѣдъ у консула русскаго посольства. На этомъ обѣдѣ онъ между прочимъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ драгоманомъ г. Ону, въ которомъ выразилъ свои взгляды на исходъ турецкой войны,— взгляды, во многомъ напоминающіе Аксакова и частью даже новѣйшихъ эпигоновъ славянофильства.

— Да, дипломатія сдѣлала большой промахъ,—говорилъ между прочимъ Скобелевъ.—Надо было настоять на томъ, чтобы русскія войска хотя прошли черезъ Константинополь, не занимая его. Этимъ наши труженики получили бы хотя нѣкоторое удовлетвореніе. Теперь время какой-то полупобѣды. Войска все чего-то ждутъ... Черезчуръ уже гуманно. Вотъ нѣмцы не церемонились съ французами, съ гуманной образованной націей. Они еще разъ доказали Европѣ, что смѣлостью, энергіей, даже нахальствомъ можно больше выиграть, чѣмъ съ нашимъ великодушіемъ!.. Вообще, еслибы пришлось, то въ отношеніи нѣмцевъ я придержался бы ихъ же тактики; дѣйствовалъ бы безъ жалости... Мы видимъ благодарность за нашъ честный образъ дѣйствій въ 70-хъ годахъ! Нѣтъ, господа, какъ хотите, а я не вѣрю въ эту заигрывающую политику нѣмцевъ!.. И намъ давно слѣдовало бы держаться такой же мудрой, хотя и эгоистичной нѣмецкой политики!

Здѣсь уже звучатъ всѣ мотивы позднѣйшихъ политическихъ рѣчей Скобелева, надѣлавшихъ такого шуму.

Дипломаты, слушавшіе Скобелева, снисходительно улыбались.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Скобелевъ получилъ пріятную телеграмму, что къ нему пріѣзжаетъ изъ Россіи его мать съ бывшимъ его воспитателемъ-французомъ Жирардэ. Г. Жирардэ выѣхалъ нѣсколькими днями раньше Ольги Николаевны. Для него была разбита палатка рядомъ съ палаткой Скобелева. Михаилъ Дмитріевичъ былъ очень радъ пріѣзду Жирардэ, сталъ распрашивать его про новости изъ Россіи и изъ Парижа.

Въ день полкового праздника Казанскаго полка Скобелевъ назначилъ смотръ всему своему 4-му корпусу, на который приглашалъ также главнокомандующаго турецкими войсками подъ Константинополемъ, Фуадъ-пашу. На этомъ смотрѣ онъ произнесъ рѣчь, въ которой, очертивъ исторію Казанскаго полка, сказалъ въ заключе-

ніе, что «если потребуются новыя усилія, новыя жертвы, то пол
окажется на высотѣ своего призванія». Рѣчь эту сильно коммен
ровали, хотя въ ней не было ровно ничего, могущаго задѣть са
любіе турокъ: Скобелевъ былъ великодушенъ и умѣлъ щадить ч
ства побѣжденныхъ. Рѣчь не понравилась не столько турка
сколько дипломатамъ. Турки даже отвѣтили Скобелеву комплим
тами въ восточномъ вкусѣ, а русскіе солдаты на этомъ праздн
самымъ дружелюбнымъ образомъ пили водку съ турками.

Въ августѣ гвардія стала уже отправляться на пароходахъ
Россію. Армія завидовала, но должна была ждать. Носились слу
что скобелевскій корпусъ остается на оккупацію и дѣйствител
ему велѣно было двинуться къ Адріанополю. Начались пригот
ленія. Въ отрядѣ было не мало случаевъ тифа и кроваваго пов
Въ періодъ мира во многихъ отрядахъ умирало чуть не болѣе, ч
въ походѣ, у Скобелева было немногимъ лучше.

Наконецъ пріѣхала мать Скобелева. Въ то время это б
женщина лѣтъ 55, съ темными, почти нетронутыми сѣдиною во
сами, съ умнымъ, энергичнымъ и добрымъ лицомъ.

Любопытны нѣкоторые ея разговоры съ офицерами. Одна
ее спросили: правда-ли, что ея сынъ еще ребенкомъ терпѣть
могъ нѣмцевъ?

— Да,—отвѣчала она.—Впрочемъ тогда доставалось всѣ
Вотъ только monsieur Жирардо мы и обязаны, что Миша с
сдерживать свою пылкую натуру. Онъ съумѣлъ привязать къ с
ребенка, развилъ въ немъ честные инстинкты и вывелъ его на
рогу. Да, Миша былъ въ дѣтствѣ очень уменъ, бойкій мальч
очень самостоятельный, любознательный и любилъ выводить с
рѣшенія.

Въ разговорахъ съ матерью и съ дипломатами Скобелевъ
разъ бранилъ нѣмцевъ. Бисмарка онъ называлъ «ловкимъ» и от
валъ ему должное, но все-таки считалъ нѣмцевъ главными ви
никами нашихъ неудачъ.

Во время пребыванія Ольги Николаевны съ Скобелевымъ вы
непріятность. Какъ разъ, когда онъ хотѣлъ посѣтить новаго г
покомандующаго. Готлебена, онъ убѣдился, что его обокрали. М
прочимъ пропали крупные бриллианты съ его шпаги. Скобе
пришелъ въ состояніе такого гнѣва, что грозилъ своему деньщ
поляку Круковскому, ссылкою въ Сибирь; деньщикъ, человѣкъ
рячій, съ польскимъ гоноромъ, вспылилъ и сказалъ, что «мо
быть взялъ кто-либо изъ господъ». Такой поклепъ на офице

окружавшихъ Скобелева, до того вывелъ изъ себя Михаила Дмитріевича, что онъ, вопреки всѣмъ своимъ принципамъ и привычкамъ, ударилъ деньщика, чего долго не могъ простить себѣ. Въ концѣ-концовъ оказалось, что деньщикъ былъ правъ — воромъ былъ одинъ изъ ординарцевъ Скобелева.

Скобелевъ былъ глубоко огорченъ этимъ происшествіемъ. Онъ велѣлъ никому не называть вора.

- Губить его незачѣмъ. Онъ молодъ, можетъ быть исправится,—говорилъ Скобелевъ.

И въ тотъ же день, не говоря никому ни слова, отчислилъ вора обратно въ полкъ. Этимъ дѣло о покражѣ брилліантовъ окончилось, и камни были вставлены новые.

Незадолго передъ выступленіемъ въ Адріанополь офицеры собрались въ день св. Георгія на обѣдъ къ Скобелеву. Онъ успѣлъ уже забыть про брилліанты, былъ веселъ и разговорчивъ. Между прочимъ онъ говорилъ о томъ, что́ было бы, еслибы турки внезапно напали на его отрядъ?

- Кто изъ васъ,—обратился онъ къ офицерамъ,—согласился бы тогда исполнить одно мое порученіе отчаяннаго характера?

Глаза его блистали.

— Я думалъ, - сказалъ онъ, - кому бы поручить взорвать всѣ ходы подъ нашей позиціей, въ случаѣ еслибы турки ею овладѣли.

Въ апрѣлѣ 1879 года Скобелевъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ жилъ на Моховой улицѣ. Нѣсколько позднѣе пріѣхала изъ Болгаріи и мать Скобелева.

Однажды завязался разговоръ о причинахъ нашихъ неудачъ въ Закаспійскомъ краѣ. Нѣкоторые изъ офицеровъ стали открыто говорить, что Скобелева слѣдовало бы назначить начальникомъ экспедиціи. Мать Скобелева ухватилась за эту мысль.

Лицо Михаила Дмитріевича стало вдругъ пасмурно.

— О пустякахъ вы все толкуете. Никогда этого не будетъ!

И онъ, нахмурившись, сталъ быстро шагать, «какъ тигръ въ клѣткѣ».

— Ну, а если вамъ предложатъ?—приставали къ нему.—Возьмете васъ?

— Ахъ, да отстаньте! Ну, конечно возьму.

Ольга Николаевна вскорѣ опять уѣхала въ Болгарію, а Скобелевъ отправился въ свой 4-й корпусъ, въ г. Минскъ.

V.

Ахалъ-текинская экспедиція. — Вѣсть объ убійствѣ матери Ск[illegible]лева.—Штурмъ Геокъ-Тепе.

Ахалъ-текинская экспедиція была достойнымъ завершені[illegible] военной дѣятельности Скобелева. Мы уже замѣтили, что воен[illegible] геній Скобелева могъ бы развернуться вполнѣ лишь въ больш[illegible] европейской войнѣ. Но и въ Средней Азіи, въ борьбѣ съ полудики[illegible] «халатниками», Скобелевъ показалъ, что человѣкъ съ его спос[illegible]ностями совершитъ завоеванія тамъ, гдѣ, казалось, экспедиція бы[illegible] завѣдомо обречена на неудачу. Старый кавказскій офицеръ Ар[illegible]шевскій, очевидецъ событій, говоритъ по этому поводу, что в[illegible] успѣхъ дѣла зависитъ отъ умѣнья подчинять своей волѣ и влас[illegible] своему обаянію, чѣмъ Скобелевъ обладалъ въ высшей степ[illegible] «Меня всегда поражало одно, — замѣчаетъ тотъ же офицеръ,—к[illegible] Скобелевъ такъ глубоко, такъ вѣрно зналъ духъ своего солдат[illegible] подчиненныхъ. Его проницательность доходила до смѣшного. [illegible] зналъ, какая часть войска и когда обѣдала и могла обѣдать [illegible] особымъ аппетитомъ и во вкусѣ». Чанцовъ замѣчаетъ о той же э[illegible]педиціи: «Тѣмъ болѣе это было трудно, что два предшественника С[illegible]белева—генералъ Тергукасовъ и генералъ Лазаревъ—не имѣли [illegible]статочно времени (?) установить надежно первые военные шаги и [illegible] въ этомъ краѣ. Скобелеву пришлось все дѣло начинать съизнов[illegible]

Въ мартѣ 1880 года разнесся слухъ о назначеніи Скобел[illegible] начальникомъ закаспійскихъ войскъ. Въ началѣ апрѣля слухъ п[illegible]твердился, и на нашей среднеазіатской границѣ всѣ стали го[illegible]виться къ походу. Скобелевъ былъ еще въ Петербургѣ, а вѣст[illegible] его назначеніи такъ успѣла повліять на офицеровъ и солдатъ, [illegible] всѣ заговорили: «теперь побьемъ текинцевъ, возьмемъ Геокъ-Тепе[illegible]

Слава Скобелева успѣла распространиться и въ средѣ азі[illegible]скихъ народовъ. Узнавъ о новомъ назначеніи, текинцы стали эн[illegible]гически укрѣплять Геокъ-Тепе и временно пріостановили наб[illegible]

Въ началѣ апрѣля Скобелевъ прислалъ телеграмму, велѣвъ [illegible]купать какъ можно больше верблюдовъ. Генералъ медлилъ отъ[illegible]домъ, требуя подробнаго опредѣленія своихъ правъ и полном[illegible] Прибывъ въ Тифлисъ, Скобелевъ получилъ подробныя инструк[illegible] въ которыхъ придуманъ планъ покоренія Ахалъ-Теке *втеч[illegible] двухъ лѣтъ*. Скобелевъ покончилъ дѣло ровно въ девять мѣсяце[illegible]

Прибывъ въ Закаспійскій край, Скобелевъ, по своему обыкн[illegible]

нію, началъ съ личной рекогносцировки края. Онъ осмотрѣлъ даже Мангишлакъ, хотя эта мѣстность и не входила въ районъ его военныхъ операцій.

Въ біографическомъ отношеніи ахалъ-текинская экспедиція Скобелева особенно важна потому, что здѣсь онъ впервые выступилъ совершенно самостоятельнымъ начальникомъ. Энергія Скобелева тотчасъ дала себя знать. 9 мая 1880 г. онъ прибылъ уже въ Чикишляръ и въ тотъ же день приступилъ къ дѣлу. Здѣсь необходимо отмѣтить слѣдующій эпизодъ. На пароходѣ была привезена чудная бѣлая лошадь Скобелева. Генералъ велѣлъ, не доѣзжая до берега, спустить ее въ море. Лошадь благополучно доплыла. Впослѣдствіи Скобелевъ признавался, что отдалъ это приказаніе подъ вліяніемъ суевѣрія (которымъ всегда отличался): если лошадь доплыветъ, значитъ экспедиція окончится удачно.

Съ прибытіемъ Скобелева работа закипѣла и притомъ все приняло сознательный, цѣлесообразный характеръ. Генералъ вставалъ въ 4 часа утра, мылся со своимъ адъютантомъ на кухнѣ, когда ротные котлы только что начинали ставить на огонь, провѣрялъ самъ кашу, кручу, пробовалъ хлѣбъ, почью неожиданно являлся въ госпиталь, осматривалъ сторожевую службу и лично опрашивалъ фельдшеровъ. Въ магазинахъ шла нагрузка ночью, съ фонарями. Часто являлся туда Михаилъ Дмитріевичъ, заходилъ рано и по утрамъ, говоря: «буду я, будетъ и офицеръ, и смотритель, вѣрнѣе вѣсъ выйдетъ, да и солдату веселѣе пойдетъ работа». Скобелевъ не походилъ на гвардейца бѣлоручку. Во всѣхъ дѣловыхъ совѣщаніяхъ и коммиссіяхъ онъ участвовалъ лично, но говорилъ: «все это одни разговоры и писаніе». Онъ терпѣть не могъ канцелярщины и сложной переписки—онъ былъ и на бумагѣ такъ-же быстръ, какъ и на войнѣ. Его извѣстный адъютантъ Барановъ днемъ и ночью, верхомъ и пѣшкомъ ловилъ на лету мысли и распоряженія Скобелева. Другимъ дѣятельнымъ помощникомъ былъ полковникъ (теперь генералъ) Гродековъ.

Силы, которыми располагалъ Скобелевъ, составляли въ общемъ числа ничтожный отрядецъ изъ 26 ротъ пѣхоты, 22 большихъ орудій, 4 митральезъ и 12 орудій безъ запряжки, оставшихся на укрѣпленныхъ пунктахъ. Съ этими силами (около 4,000 чел.) Скобелевъ предпринялъ рѣшительное движеніе въ Ахалъ-текинскій оазисъ и занялъ территорію на протяженіи 320 верстъ безводной пустыни: и все это при самыхъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ экспедиціи «Ici je ne suis pas sur des roses» («здѣсь я не на розахъ») - писалъ самъ Скобелевъ.

10 іюня Скобелевъ находился въ Капетдагскихъ горахъ у Б... десенскаго перевала.

Въ самомъ началѣ экспедиціи рѣшительность Скобелева ок... зала сильное впечатлѣніе на воображеніе азіатскихъ народ... прежде всего—на туркменъ.

Скобелевъ былъ присланъ поправить неудачи, понесенныя ... въ 1879 году подъ стѣнами Геокъ-Тепе. Туркмены тогда помог... русскимъ, а потому текинцы стали жестоко мстить имъ. Нашум... ные ихъ разбоями, туркмены рѣшили ни за какія деньги не дав... нашимъ войскамъ даже верблюдовъ. Эта рѣшимость туркменъ м... погубить всѣ планы Скобелева. Для вторженія въ Ахалъ-текинс... оазисъ необходимо было имѣть до 6,000 верблюдовъ, а у него бы... 1,200. Туркмены стояли на своемъ: «нѣтъ верблюдовъ».

Доведенный до крайности, Скобелевъ велѣлъ созвать турк... скихъ старшинъ и казіевъ (священниковъ) и обѣщалъ имъ боль... подарки. Но и это не подѣйствовало. Тогда пришлось принять д... гія мѣры. На дворѣ около дома Скобелева стояли пять вліят... ныхъ старшинъ и два почетные казія съ 150 туркменами. К... Скобелевъ убѣдился, что переговоры безполезны, онъ быстро в... звалъ взводъ солдатъ и арестовалъ старшинъ и казіевъ. Ар... этотъ до того испугалъ остальныхъ, что они ускакали въ кочев... объявили своимъ, что русскіе сослали всѣхъ ихъ старшинъ и казіевъ ... Сибирь. Но Скобелевъ отправилъ арестованныхъ на лодкѣ «Тюл... въ Ашуръ-Аде, а кочевникамъ объявилъ, что оставляетъ ихъ ст... шинъ заложниками. Только тогда туркмены исполнили его требов...

Все это было еще въ маѣ. Многіе подчиненные Скобелева ос... дали произвольный арестъ старшинъ, какъ мѣру жестокую и д... не тактичную, но на дѣлѣ оказалось, что туркмены, привыкшіе ... подобному образу дѣйствій между восточными народами, были у... рены.

Втеченіи іюня и іюля 4.000 верблюдовъ доставляли ... транспортъ въ Бами. По окончаніи операціи Скобелевъ отпуст... арестованныхъ, чѣмъ крайне удивилъ и обрадовалъ туркменъ. ... думай Скобелевъ вмѣсто этого заводить свой транспортъ, дѣл... гибло бы, какъ было при Лазаревѣ.

6 іюля изъ Бами Скобелевъ предпринялъ невѣроятно см... рекогносцировку къ Геокъ-Тепе съ 800 чел. Въ окрестностяхъ Г... окъ-Тепе кочевало въ то время до 60,000 текинцевъ. Скобел... подошелъ къ самымъ стѣнамъ Геокъ-Тепе, оставивъ вагенбурги ... *девять верстъ*. На обратномъ пути онъ былъ атакованъ со в... сторонъ 30,000 текинцевъ. Въ этой почти безпримѣрной битвѣ ...

солдатъ подъ начальствомъ Скобелева отбили почти въ сорокъ разъ сильнѣйшаго непріятеля.

Самъ Скобелевъ въ донесеніи главнокомандующему кавказской арміи объ этой рекогносцировкѣ чрезвычайно хвалитъ Гродекова и затѣмъ говоритъ: «Что касается собственно до дѣла 6 іюля, то радъ сознаться: не испытавъ на дѣлѣ текинцевъ и будучи подъ впечатлѣніемъ прошлогодней неудачи, я бы врядъ рѣшился идти подъ Геокъ-Тепе съ горстью людей, еслибы не находилъ въ минуту сомнѣній и колебаній столь сильную нравственную поддержку въ исправляющемъ должность начальника штаба войскъ». Не мѣшаетъ замѣтить, что и самъ Скобелевъ былъ оффиціально лишь «временно-командующимъ».

Послушаемъ теперь очевидцевъ (Гродековъ, Майеръ, Масловъ. Туганъ-Мирза-Барановскій. Шаховской и многіе другіе описали эту кампанію).

Отрядъ, назначенный для рекогносцировки подлѣ Геокъ-Тепе (6 іюля 1880 г.), двигался съ 1 іюля, ища встрѣчи съ текинцами. 5-го вечеромъ остановились въ 12 верстахъ отъ сосредоточенія всѣхъ силъ противника и въ 126 верстахъ отъ остальныхъ русскихъ войскъ. Вечеромъ, въ виду непріятеля, играли общую зорю и послѣ зоревого выстрѣла степь огласилась звуками пѣсенъ. 6 числа въ 3½ ч. утра отрядъ двинулся къ крѣпости. Подъ звуки марша, въ сомкнутомъ боевомъ порядкѣ, двинулась горсть людей къ опушкѣ селенія Янги-Кала. Непріятель немедленно высыпалъ изъ крѣпости огромными массами окружилъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Смѣшиваясь съ громомъ выстрѣловъ, музыка оглашала степь звуками марша, и кучка русскихъ въ 800 чел. стройно, какъ на парадѣ, двигалась подъ палящими лучами солнца. Минута смущенія—и отрядъ погибъ бы. Но смущенія не было. На выстрѣлы туземцевъ отвѣчали молчаніемъ. Вдругъ колонна останавливается, развертываетъ фронтъ, мѣткій залпъ поражаетъ текинцевъ. «Снова играетъ хоръ музыки, снова стройно тянутся ряды русскихъ «бѣлыхъ рубахъ», солнце сверкаетъ на штыкахъ и текинцы съ озлобленіемъ начинаютъ сознавать, что выше ихъ силъ помѣшать *урусу* дѣлать, что онъ хочетъ». (Слова Майера). «Дисциплиною и мѣткостью огня непріятель былъ удерживаемъ отъ рѣшительнаго нападенія».

Еще изумительнѣе были дѣйствія Скобелева во время ночной атаки текинцевъ. Непріятельскій начальникъ Тыкма-Сердаръ съ 1,500 спѣшенной конницы подобрался садами на 78 шаговъ къ нашему фронту; но у насъ царило молчаніе, до того смутившее текинцевъ, видѣвшихъ, что русскіе не спятъ, что они не рѣшились на-

*

пасть. Только передъ разсвѣтомъ артиллерія открыла огонь по от-
ступавшимъ текинцамъ. Убѣдившись въ стойкости нашихъ войскъ
Скобелевъ еще въ августѣ хотѣлъ двинуться въ глубь оазиса, н
организація была не полна. Ждали войска, находившіяся на зап
номъ берегу моря.

Былъ необычайно жаркій августовскій день. Зной въ Бами дос
дилъ до 45 градусовъ по Реомюру. Скобелевъ и Гродековъ вдвое
устроили военный совѣтъ и ровно восемь часовъ подрядъ спорил
Пылкій Скобелевъ хотѣлъ двинуться впередъ, Гродековъ доказ
валъ, что не все еще готово. Вообще тактичный и опытный Год
ковъ игралъ въ этой экспедиціи ту-же роль регулятора, сдержив
шаго пылъ Скобелева, какъ Куропаткинъ въ турецкую войну. В
концѣ концовъ Гродековъ убѣдилъ Скобелева. Генералъ ускакал
въ Красноводскъ и занялся хозяйственными работами. Вс
сентябрь и до половины октября онъ встрѣчалъ партіи ве
блюдовъ, осматривалъ магазины, ѣздилъ въ Михайловскій зали
чтобы видѣть, какъ строится желѣзная дорога, злился, что прое
деніе дороги идетъ медленно. Въ такія мертвыя минуты Скоб
левъ становился человѣкомъ крайне тяжелаго, несимпатичн
характера. Наконецъ въ половинѣ октября почти все было гото
и Скобелевъ съ своимъ летучимъ штабомъ поскакалъ на теат
войны. При наймѣ верблюдовъ Скобелевъ пользовался услуга
извѣстнаго подрядчика Громова, котораго въ шутку называлъ св
имъ «купакомъ» и который при помощи русской сметки и купеческ
изворотливости раздобылъ въ двѣ недѣли десять тысячъ верб
довъ.

23 ноября Скобелевъ былъ уже въ 20 верстахъ отъ ст
Геокъ-Теке.

При этомъ движеніи Скобелевъ чуть-чуть не попался въ р
текинцевъ.

27 ноября, переваливъ черезъ Капетдагскій хребетъ и спусти
орудія, Скобелевъ, по своей обычной горячности, обогналъ коло
съ своимъ конвоемъ и велѣлъ разбить палаточку и сѣлъ писа
приказы. Вдругъ было получено отъ лазутчиковъ извѣстіе, ч
текинцы застигнуты врасплохъ и угоняютъ свои стада.

Хотя было уже поздно, Скобелевъ велѣлъ кавалеріи догоня
текинцевъ; когда вся кавалерія поѣхала, спустился густой туман
въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Скобелевъ съ князем
Эристовымъ и нѣсколькими казаками и деньщиками не мог
найти остальныхъ, а между тѣмъ мѣстность кишѣла текинцами
Положеніе становилось критическимъ, но Скобелевъ, ни мало н

теряя присутствія духа, поскакалъ къ находившейся вблизи кала (круглой башнѣ).

— Въ этой башнѣ—сказалъ онъ Эристову—мы съ тобою можемъ держаться противъ самой сильной партіи текинцевъ.

Спокойно и рѣшительно приказалъ онъ двумъ бывшимъ съ нимъ проводникамъ изъ туземцевъ отыскивать войска и вызывать команду охотниковъ. Онъ написалъ начальнику охотниковъ Воронцову записку. Одинъ изъ проводниковъ скоро наткнулся на бивуакъ охотниковъ и Скобелевъ прибылъ назадъ какъ разъ, когда началась перестрѣлка между текинцами и казаками ташкентцами.

Послѣ этого событія среди текинцевъ распространился слухъ, что Скобелевъ заколдованъ и неуязвимъ пулею.

Еще раньше, 12 августа, на Бендесенскомъ перевалѣ, по неосторожности Скобелева, его любимая бѣлая лошадь была захвачена текинцами, а самъ онъ только по счастливой случайности избѣжалъ плѣна. Безъ сомнѣнія, самъ Скобелевъ такъ вѣрилъ въ свою «звѣзду», что рисковалъ жизнью даже тамъ, гдѣ въ этомъ не было надобности.

Во время трехдневной осады Геокъ-Тепе Скобелевъ жилъ въ траншеяхъ. Однажды утромъ состоявшій при немъ д-ръ Гейфельдеръ, въ сопровожденіи хирурга, вышелъ изъ траншей на открытое пространство между лагеремъ и крѣпостью.

— Что такое, д-ръ? Развѣ вы не видите, что здѣсь открытое для непріятельскихъ пуль мѣсто? Не ваша обязанность такъ эксонировать себя. Если васъ убьютъ текинцы, то на меня опять будутъ нападать.

Скобелева въ это время многіе винили въ томъ, что другой сопровождавшій его докторъ Студицкій, увлекшійся преслѣдованіемъ текинцевъ, былъ ими изрубленъ.

— А если вы будете ранены? —спросилъ Гейфельдеръ.

— Не буду ранен. *Та пуля еще не вылита, которая меня убьетъ.* —Это выраженіе Скобелевъ повторялъ много разъ нѣсколькимъ лицамъ.

Гейфельдеръ сообщаетъ другіе эпизоды, изъ которыхъ видны странныя противорѣчія въ натурѣ Скобелева. При всемъ своемъ мужествѣ, онъ не только боялся тринадцати гостей или тринадцати свѣчей за столомъ, но питалъ, если не боязнь, то тревогу въ присутствіи нѣкоторыхъ людей, именно тѣхъ, въ комъ онъ почему либо подозрѣвалъ «нигилистовъ». Однажды Скобелевъ просилъ Гейфельдера назначить къ нему врача «только не изъ поляковъ». Гейфельдеръ рекомендовалъ ему одного молодого врача. Увидѣвъ его, Скобелевъ поморщился, отозвалъ Гейфельдера въ сторону и таинственно спросилъ:

— Скажите, этотъ господинъ не нигилистъ ли онъ?

— Не думаю... съ изумленіемъ сказалъ Гейфельдеръ.

— Смотрите сами: эти длинные волосы, эта небритая борода, этотъ оборванный видъ? Развѣ это военная аккуратность? А манеры, видъ, осанка? Просто похожъ на нигилиста!

Гейфельдеръ даже разсердился.

— Помилуйте!—сказалъ онъ.—Кто полтора года здѣсь, у того нѣтъ времени бриться и употреблять Eau de Botot (любимое благовоскованье).—Скобелевъ подумалъ, оставилъ врача при себѣ и потомъ въ высшей степени благоволилъ къ нему. 12 декабря этотъ врачъ былъ раненъ во время рекогносцировки.

28 декабря отрядъ Скобелева потерпѣлъ легкую неудачу. 23—25 дек. была заложена первая траншея. Въ началѣ текинцы не поняли въ чемъ дѣло. «Русскіе роются,—говорили они,—какъ свинья рылом». Ночью 28 числа текинцы ловко подкрались и черезъ низкій брустверъ бросились въ первую траншею, гдѣ начали рубить караульныхъ, взяли пушку и штандартъ. Скобелевъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Онъ предвидѣлъ возможность ночныхъ атакъ и былъ взбѣшенъ безпечностью солдатъ, спавшихъ въ траншеѣ. «Вы правы,—сказалъ ему Гейфельдеръ.—Утомленные, люди попавъ въ спокойное мѣсто, впадаютъ въ непреодолимый сонъ». Скобелевъ обвинялъ себя, солдатъ, офицеровъ, спросилъ сколько раненыхъ.

Второе ночное нападеніе текинцевъ было совсѣмъ въ другомъ родѣ. Съ дикими криками: «Аллахъ!» они налетѣли на нашъ лагерь и едва были отбиты ротою ширванцевъ. Эти ночныя атаки смутили даже Скобелева.

— Никто не можетъ заподозрить меня въ трусости,—сказалъ онъ однажды,—mais ces attaques nocturnes me font l'effet comme j'avais bu de l'eau de Kissingen (но эти ночныя аттаки на меня производятъ впечатлѣніе, какъ будто я напился Киссингенскихъ водъ).

Киссингенскія воды были особенно противны Скобелеву, по связи съ именемъ Бисмарка.

Еще перваго декабря Скобелевъ получилъ извѣстіе, что русская сметка Громова не спасла его верблюдовъ. Партія текинцевъ напала на транспортъ Громова, отбила 3000 верблюдовъ, перебила прикрытіе и взяла въ плѣнъ вожаковъ.

Это извѣстіе разсердило Скобелева необычайно. Онъ сталъ необыкновенно суровъ, молчаливъ, еще раньше онъ чувствовалъ себя скверно, теперь его била лихорадка. Его обычное упрямство было однако сломлено. По словамъ Арнишевскаго, Скобелевъ всегда дѣлалъ

шперекоръ. «Ѣдемъ мы вдвоемъ, я скажу: «держите лѣвѣе, тамъ ́ривы», а онъ возьметъ и нарочно переѣдетъ чуть не кубаремъ и говоритъ потомъ: «я бы самъ объѣхалъ, но ужасно не люблю заботъ обо мнѣ». Но теперь онъ послѣдовалъ совѣту и спрятался отъ олода въ кибитку, а Арцишевскому поручилъ всю линію.

На 9 день, когда Арцишевскій явился съ докладомъ, Скобелевъ былъ уже вполнѣ здоровъ и, выслушавъ докладъ, сталъ шагать, распѣвая: «Моя звѣзда не угасаетъ». Арцишевскій просто не узналъ мѣстности: въ семь дней подъ руководствомъ Скобелева были построены редуты, батареи, возникъ могущественный укрѣпленный лагерь; солдаты упражнялись въ работѣ динамитомъ.

20 декабря всѣ войска, числомъ до 7500 чел., двинулись къ Геокъ-Тепе, а 12 янв. 1881 года и эта крѣпость была взята штурмомъ, причемъ погибло 20,000 текинцевъ.

Во время текинскаго похода Скобелевъ услышалъ страшную вѣсть, не помѣшавшую ему однако довершить походъ. Это было еще въ іюнѣ, во время пребыванія въ Бами.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ занятія Бами, Скобелевъ находился въ своей палаткѣ. Былъ вечеръ. Въ палаткѣ еще свѣтился огонь. Послышался звонкій фальцетъ генерала, который кликнулъ своего деньщика Петрова, чтобы узнать, спитъ ли Гродековъ. Петровъ доложилъ, что спитъ.

Гродековъ въ эту ночь дѣйствительно легъ рано съ цѣлью не попадаться на глаза Скобелеву. Почта въ Бами получалась въ 9 ч. веч. Гродековъ, какъ начальникъ штаба, вскрывалъ всѣ пакеты. Вскрывъ нѣсколько пакетовъ, Гродековъ распечаталъ какую-то телеграмму и вдругъ поблѣднѣлъ. Телеграмма была на имя Скобелева изъ главнаго штаба за подписью генерала Мещеринова: въ ней сообщалось, по не совсѣмъ вѣрнымъ даннымъ, будто «турки» въ Филиппополѣ варварски убили старушку-мать Скобелева.

Любовь Скобелева къ матери была всѣмъ извѣстна. На другое утро Скобелевъ былъ удивленъ страннымъ видомъ и голосомъ Гродекова. Наконецъ Гродековъ собрался съ силами и сказалъ, что съ близкимъ ему лицомъ случилось несчастье.

— Родные?—сказалъ Скобелевъ.—Матушка моя въ Болгаріи. Здорова, впрочемъ я ей послалъ телеграмму. Чего она лазаетъ тамъ по парламентамъ? Только раздражаетъ моихъ враговъ!

Надо замѣтить, что, когда мать Скобелева прибыла въ Пловдивъ (Филиппополь), болгары встрѣтили ее восторженно. Носились даже слухи, будто Скобелевъ мѣтитъ попасть въ болгарскіе князья. Слухи эти имѣли нѣкоторое основаніе. О возможности своей кандида-

туры Скобелевъ самъ говорилъ многимъ близкимъ, и весьма вѣроятно, что его мать, Ольга Николаевна, поддерживала этотъ планъ. Когда Гродековъ сообщилъ содержаніе телеграммы, Скобелевъ сталъ страшенъ. Онъ рыдалъ до конвульсій.

— Ужасно!—рыдая, повторялъ онъ.—Турки, мои враги, убили мою любимую мать! Это они мнѣ мстятъ за то, что я нечаянно сжегъ ихъ селенія и отбилъ транспорты (это дѣло долго не давало покоя совѣсти Скобелева). Но если такъ, я заплачу имъ такъ-же ужасно! Я изъ ихъ крови разолью моря, подниму на ноги всѣ Балканы, перерѣжу вашихъ женъ и дѣтей! Старушку убивать—не месть сыну.

Немного погодя онъ разразился проклятіями противъ творцовъ берлинскаго конгресса.

Весь этотъ пафосъ былъ направленъ не туда, куда слѣдуетъ. Впослѣдствіи оказалось, что мать Скобелева была убита поручикомъ Узатисомъ, тѣмъ самымъ Узатисомъ, котораго Скобелевъ облагодѣтельствовалъ, наградилъ, принялъ изъ отставки на службу, далъ георгіевскій крестъ и помогалъ ему деньгами, какъ родному, и Бисмаркъ, и турки тутъ оказались не при чемъ...

Передъ самымъ штурмомъ Скобелевъ произвелъ еще одну рекогносцировку подъ стѣнами Геокъ-Тепе. Крѣпость видѣлась въ видѣ неровнаго овала, окруженнаго высокими валами съ нѣсколькими выдающимися фортами. Послѣ чтенія диспозиціи Скобелевъ объяснялъ театръ дѣйствій, показалъ, гдѣ онъ 6 іюля стоялъ съ летучимъ отрядомъ, указалъ, гдѣ его предшественники были разбиты текинцами, затѣмъ демонстрировалъ, откуда должна наступать колонна. Пока все это происходило, цѣпь казаковъ едва сдерживала густой кругъ безпрерывно стрѣлявшихъ текинцевъ.

Скобелева ни градъ пуль, ни многочисленность непріятеля, ни дерзость текинской конницы не тревожили нисколько,—пишетъ Гейфельдеръ,—какъ будто это не существовало для него. Сидя спокойно и равнодушно на конѣ, онъ только занятъ былъ тѣмъ, чтобы хорошо растолковать планъ дѣйствій. Только изрѣдка онъ прерывалъ свое объясненіе короткимъ приказомъ. *Это спокойствіе дѣйствовало и на другихъ, какъ психическая зараза.* Никто не думалъ объ опасности, никто не безпокоился, всѣ старались держаться подобно ему, хотя многіе впервые нюхали порохъ. «Скачите впередъ!—крикнулъ Скобелевъ графу Орлову-Денисову,—запретите казакамъ заводить дѣло, прикажите медленно отступать! Пора домой!»

Возвратились тихимъ шагомъ, весело разговаривая. 19 декабря, наканунѣ штурма, Скобелевъ сталъ готовиться къ этому рѣшитель-

ому моменту кампаніи. Ему приготовили новый мундиръ съ эполе-
ами, ордена, перчатки, шашку—все какъ на свадьбу.

«Такъ я всегда приготовляюсь къ бою,—сказалъ Скобелевъ Гей-
ельдеру.—А теперь, voyons docteur,—прибавилъ онъ и продол-
алъ по французски:—побесѣдуемте о пріятныхъ вещахъ, только не
ъ окружающемъ. Будемъ лучше говорить о предметахъ интерес-
ыхъ и отдаленныхъ, которые перенесутъ насъ въ другія сферы и об-
гчатъ переходъ къ пріятному и глубокому сну, которымъ я хотѣлъ
воспользоваться передъ битвой».

Стали говорить о франко-прусской войнѣ, особенно о Мольтке.
0 декабря утромъ Скобелевъ всталъ рано и тотчасъ явился вер-
омъ передъ войсками. Его бодрое расположеніе духа сообщилось
имъ. Единодушно двинулся отрядъ на штурмъ и послѣ незначи-
ельнаго сопротивленія крѣпость была взята.

Въ самый разгаръ боя Гейфельдеръ доложилъ Скобелеву: «толь-
о 10 раненыхъ». Скобелевъ терпѣть не могъ, когда въ бою гово-
или о ранахъ. Послѣ битвы самъ иногда плакалъ надъ ранеными.

— Не хочу знать,—рѣзко сказалъ онъ.—Не говорите мнѣ ничего
аненыхъ. Это только деморализируетъ полководца, когда онъ слы-
итъ объ убитыхъ и раненыхъ.

«Въ такихъ словахъ,—пишетъ Гейфельдеръ,—обнаруживалось
утреннее волненіе Скобелева, но во время дѣла оно было неза-
ѣтно. Напротивъ, онъ сидѣлъ спокойно на великолѣпномъ конѣ.
го стройная, элегантная фигура была замѣтна издали. Глаза слѣ-
или за движеніямъ войска, лицо было неподвижно, иногда только
рови сдвигались и его звучный голосъ, перебивая шумъ битвы,
ылъ слышенъ издали».

Со взятіемъ Геокъ-Тепе кампанія была окончена.

VI.

Взгляды Скобелева на войну и военное дѣло.—Его политическія теоріи и увлеченія.

Когда умеръ Скобелевъ, надъ его свѣжей могилой было произ-
есено много рѣчей самаго разнообразнаго содержанія. Не мало
ыло также написано некрологовъ: въ однихъ увѣряли, что онъ
своимъ орлинымъ взоромъ обнималъ прошедшія и будущія судьбы
его отечества» (такъ было сказано въ «Русской Старинѣ»),
ругіе отвергали въ немъ всякія политическія дарованія (это
ъерждалъ «Вѣстникъ Европы»). Конечно Скобелевъ могъ бы

быть крупнымъ политическимъ дѣятелемъ. Онъ обладалъ природнымъ даромъ слова, не тѣмъ, который почерпается изъ чтенія чужихъ рѣчей, а тѣмъ, который электризуетъ слушателей. Красивая наружность, мощный голосъ, умѣнье говорить съ людьми «всякихъ званій»—все это могло бы составить для Скобелева карьеру политическаго дѣятеля, еслибы существовала подходящая арена. В Франціи Скобелевъ могъ-бы быть крупнымъ парламентнымъ вождемъ, гораздо болѣе крупнымъ, чѣмъ Буланже, съ которымъ его напрасно сравнивали: Буланже, какъ извѣстно, не былъ способенъ говорить никакихъ рѣчей, кромѣ заученныхъ, да и вообще былъ натурой гораздо болѣе мелкой, чѣмъ Скобелевъ.

Какъ политическій дѣятель, Скобелевъ былъ наиболѣе родственъ Ивану Аксакову и другимъ славянофиламъ новѣйшей формаціи. Этимъ опредѣляются и его взгляды на войну и военное дѣло. Скобелева нельзя назвать шовинистомъ. Онъ былъ поэтомъ войны, лишь на полѣ боя, но въ мирное время сознавалъ весь ея вредъ. Близкіе къ Скобелеву люди подтверждаютъ, что онъ всегда и везде помнилъ «о бѣдномъ русскомъ крестьянинѣ» и смотрѣлъ на войну, какъ на печальную необходимость. Въ Скобелевѣ строго слѣдуетъ отличать военнаго отъ мыслителя. Какъ политикъ, онъ большею частью стоялъ за миръ и не разъ говорилъ: «Начинать войну надо только съ честными цѣлями, когда нѣтъ другой возможности выйти изъ страшныхъ условій — экономическихъ или историческихъ». «Война извинительна, по словамъ Скобелева, только когда я защищаю себя и своихъ, когда мнѣ нечѣмъ дышать, когда я хочу выбиться изъ душнаго мрака на свѣтъ Божій». «Война страшное дѣло,—сказалъ однажды Скобелевъ.—Подло и постыдно начинать войну такъ-себѣ, съ вѣтру, безъ крайней необходимости. Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ непростительно. Черными пятнами на королях и императорахъ лежатъ войны, предпринятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ».

Но какъ только война объявлена, Скобелевъ становился воинственнымъ. «Разъ начавъ войну,—говорилъ онъ,—нечего толковать о гуманности. Война и гуманность не имѣютъ ничего общаго между собою. Или я задушу тебя, или ты—меня. Лично иной бы пожалуй и поддался великодушному порыву и подставилъ свое горло—душите. Но за арміей стоитъ народъ, и вождь не имѣетъ права миловать врага, если онъ еще опасенъ. Штатскія теоріи тутъ неумѣстны. Кто пропуститъ моментъ уничтожить врага—онъ меня уничтожитъ. Нерѣшительные люди не должны надѣвать на себя военнаго мундира. Въ сущности нѣтъ ничего вреднѣе, и даже болѣе—никто не можетъ

ить такъ жестокъ, какъ вредны и жестоки по результатамъ сво-
ъ дѣйствій сантиментальные люди. Человѣкъ, ненавидящій вой-
у,—долженъ добить врага, чтобы вслѣдъ за одной войной тотчасъ
е начиналась другая». Скобелевъ не вѣрилъ ни въ дипломатическіе
юзы, ни въ скорое осуществленіе идеи вѣчнаго мира. «Въ сою-
хъ между народами,—говорилъ онъ,—одинъ всѣмъ пользуется,
другой за все платитъ, одинъ льетъ свою кровь и тратитъ деньги,
другой честно маклерствуетъ, будучи не прочь обобрать друга въ
ѣшительную минуту. Лучше всего — въ одиночку. Моя хата съ
раю, пока меня не задѣли».

Скобелевъ утверждалъ, что наиболѣе частыя и серьезныя при-
ины войнъ коренятся въ экономическомъ строѣ. Непосредственныя
ичины войнъ, по его словамъ, сводятся обыкновенно къ двумъ:
ли сравнительно высокая цивилизація стремится эксплуатировать
лабѣйшій народъ, захвативъ его земли, — такъ были напр. за-
еваны Индія и Америка,—или, наоборотъ, варвары разрушаютъ
ивилизацію: таковы завоеванія гунновъ, татаръ и т. д. Это, по
ловамъ Скобелева, тотъ же принципъ борьбы за существованіе.
лавною причиною борьбы онъ считалъ поэтому неравенство наро-
въ въ культурномъ отношеніи. Отсюда прямой выводъ: сближеніе
личныхъ культуръ и цивилизацій должно содѣйствовать дѣлу
ира. Повидимому Скобелевъ не былъ чуждъ и этой мысли, но въ
изкое осуществленіе идеала мира онъ не вѣрилъ. Мало того, онъ
лагалъ даже, что въ наше время, при несовершенствѣ нашей ци-
илизаціи, военныя доблести необходимы, какъ спасеніе отъ одно-
оронностей индустріализма, промышленнаго духа, проникающаго
въ современное общество. «Война, подобно дуэли,—сказалъ однажды
кобелевъ,—неизбѣжна. Она бываетъ нужна для того, чтобы вывести
ъ апатіи лѣниваго гражданина, погруженнаго въ одни матеріаль-
ые интересы, чтобы пробудить и поддержать въ народѣ стремленіе
болѣе возвышеннымъ идеаламъ». Если дополнить эти слова при-
еденнымъ выше требованіемъ Скобелева, чтобы война затѣва-
ась лишь съ «честными цѣлями» и главнымъ образомъ для само-
оны, то они станутъ еще болѣе ясными. Но иногда Скобелевъ
ражался уже черезчуръ рѣшительно. «Никогда не настанетъ
емя, въ которое мы будемъ въ состояніи обойтись безъ войны»,
азалъ онъ однажды д-ру Гейфельдеру. «Неужели,—добавилъ Ско-
елевъ,—вы дѣйствительно говорите въ утопію грядущаго золотого
ка!» На это можно было бы возразить словами Маркса, что
тряпня по кухнѣ будущаго человѣчества» есть вещь, во всякомъ
учаѣ рискованная, и что не вѣрить въ утопію вѣчнаго мира такъ же

неосновательно, какъ и вѣрить въ нее. Можно только по извѣстнымъ фактамъ опредѣлить, накопляются ли подъ вліяніемъ цивилизаціи шансы мира или же шансы войны.

Довольно любопытны взгляды Скобелева на финансовую сторону войны. За эти взгляды его иногда упрекали въ солидарности съ теоріей «Московскихъ Вѣдомостей», проповѣдовавшихъ выпуски бумажныхъ рублей. Быть можетъ Скобелевъ былъ плохимъ финансистомъ, но взглядъ его на финансовые источники войны не ограничивался упомянутой теоріей. Онъ просто утверждалъ, что побѣжденный непріятель долженъ кормить побѣдителя даромъ, и въ доказательство осуществимости такой теоріи ссылался на Наполеона.

Въ 1881 году Скобелеву кто-то доказывалъ невозможность войны съ Германіей, ссылаясь на нашъ курсъ. «Я ничего не понимаю въ финансахъ,—сказалъ на это Скобелевъ,—но чувствую, что финансисты-нѣмцы что-то врутъ. Въ 1793 г. финансы Франціи были еще и не въ такомъ положеніи. Металлическій франкъ ходилъ за 100 франковъ кредитныхъ. Однако Наполеонъ, не имѣя для солдатъ сапогъ, одежды, пищи, пошелъ на непріятеля и не только досталъ сапоги, одежду и пищу, но и обогатилъ казну, а курсъ поднялъ даже за 100. При Петрѣ мы были на столько бѣдны, что послѣ Нарвы колокола переливали въ ружья. И ничего! Послѣ Полтавскаго боя все измѣнилось. А покореніе Россіи татарами? Что-же, они покорили Россію потому, что курсъ ихъ былъ хорошъ? Просто ѣсть нечего было, ну, и пошли, завоевали Россію. Если намъ пришлось перенести войну на непріятельскую территорію, то врагъ долженъ за честь считать, ежели я ему заплачу кредитными рублемъ. Даже кредитные билеты я отдалъ бы съ сокрушеннымъ сердцемъ. Непріятель долженъ кормить насъ даромъ. *И безъ того нашъ народъ нищій по сравненію съ сосѣдями, и я еще буду платить врагу деньги, заработанныя горемъ, бѣдой и тяжкимъ трудомъ рязанскаго мужика. Я такой сантиментальности не понимаю».*

Во время текинской экспедиціи Скобелевъ доказалъ на опытѣ возможность расплаты за все кредитнымъ рублемъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что самъ Скобелевъ предостерегалъ въ военномъ дѣлѣ смѣшивать Азію съ Европой. Но въ это смѣшеніе онъ впалъ самъ въ своихъ финансовыхъ планахъ, сводящихся къ организованному ограбленію побѣжденнаго непріятельскаго народа. Конечно ссылка на бѣдность русскаго мужика весьма краснорѣчива, но если экономическія условія нашей страны вынуждаютъ насъ либо сохранить миръ, либо вести войну, соединенную съ грабежомъ, то

конечно миръ предпочтителенъ, и сомнительно, чтобы самъ рязанскій мужикъ, на котораго сдѣлана ссылка, хотя на минуту поколебался сдѣлать выборъ между миромъ и самою дешевою на счетъ врага веденною войною. Мы увидимъ впрочемъ, что на практикѣ Скобелевъ жестоко преслѣдовалъ мародерство и вообще всякій грабежъ въ побѣжденной странѣ.

Парадоксы Скобелева объясняются лишь тѣмъ, что военный практикъ въ немъ поневолѣ сталкивался съ политикомъ. Въ случаѣ дѣйствительной войны напр. съ Германіей Скобелевъ былъ бы вѣроятно сторонникомъ бисмарковской теоріи, по которой побѣжденному врагу слѣдуетъ пустить кровь не только мечомъ, но и посредствомъ выворачиванія его кармановъ. Ошибочность этой теоріи доказала Германія вскорѣ послѣ полученія пяти французскихъ миліардовъ. На практикѣ тотъ же Скобелевъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ охранялъ бы нѣмцевъ отъ мародерства.

Слѣдуетъ-ли за ложныя финансовыя теоріи отвергать въ Скобелевѣ талантъ политическаго дѣятеля? Но въ такомъ случаѣ что сказать о государственныхъ талантахъ самого князя Бисмарка, котораго, сказать кстати, Скобелевъ въ одно и то же время не любилъ, какъ честнаго маклера, ограбившаго Францію и обманувшаго Россію, но высоко цѣнилъ, какъ германскаго патріота?

Наиболѣе любопытны мнѣнія Скобелева по среднеазіатскимъ вопросамъ.

Среднеазіатскія дѣла Скобелевъ несомнѣнно зналъ превосходно, и если иногда увлекался, напр. разсуждая о возможности похода на Индію, то въ общемъ былъ правъ, требуя дѣйствій рѣшительныхъ, энергичныхъ, способныхъ поразить воображеніе восточныхъ народовъ, но въ то же время справедливыхъ и гуманныхъ къ покорившемуся врагу.

Что Скобелевъ, по мѣрѣ личнаго ознакомленія съ европейскими дѣлами, могъ значительно исправлять свои мнѣнія и вовсе не былъ склоненъ идти путемъ слѣпого шовинизма (о чемъ можно было бы заключить по его знаменитымъ анти-нѣмецкимъ рѣчамъ, поводъ къ которымъ дали германскіе высокопоставленные шовинисты), доказывается между прочимъ весьма важной запиской, написанной имъ 27 декабря 1878 г. и о которой было уже упомянуто при обзорѣ турецкой войны. Пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ англійскомъ обществѣ, Скобелевъ превосходно понялъ разныя теченія, управлявшія въ то время британскую политику. Правда, съ англійскими дѣлами онъ былъ уже отлично знакомъ по Средней Азіи и всегда относился къ англичанамъ, какъ къ «великой націи, которую

болѣе всего отличаетъ инициатива». Весьма любопытно мнѣніе Скобелева о русско-англійскихъ отношеніяхъ. Скобелевъ пишетъ:

«Уже нѣсколько лѣтъ служа на той границѣ отечества, которой суждено, какъ думаю, столкнуться въ наиболѣе рѣшительной формѣ съ британскою силою, я старался выяснить себѣ, какимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи этой великой націи въ различные періоды ея народной жизни происходятъ перевороты, заставляющіе англичанъ въ данное время отнестись къ тѣмъ же вопросамъ совершенно иначе. Кому не памятенъ напр. припадокъ нервной русофобіи въ 1840-хъ годахъ, вызванный талантливою дѣятельностью нашего посла въ Тегеранѣ, осадой (персами) Герата и побѣдоносною обороною этого города волонтеромъ, поручикомъ Потингеромъ, случайно бывшимъ тогда въ Гератѣ, и со свойственной этой великой націи инициативой взявшимъ на себя честь быть предводителемъ въ этотъ моментъ всѣхъ страстей своего отечества.

Несчастная экспедиція Перовскаго на Хиву, какъ несчастная экспедиція генерала Столѣтова въ Кабулъ, переполнила чашу. Англійская армія вторгается въ Афганистанъ... и уже мечтаетъ идти къ Самарканду... Это было въ 40-хъ годахъ. Съ этого времени наступаетъ переломъ...

Наступаетъ періодъ руссофильства, которое не нарушается никакими успѣхами нашими въ Средней Азіи, но даже фактическимъ приближеніемъ русскихъ силъ къ границамъ Индостана. Опасность была мнимая, когда англичане били тревогу въ 40-хъ годахъ; они ея не били въ 1865 году, когда слѣдовало.»

Скобелевъ совершенно вѣрно понялъ эти странныя противорѣчія, какъ слѣдствіе *внутренней* политической жизни Англіи. Мы уже упоминали о томъ, какъ вѣрно онъ предсказалъ перемѣну настроенія въ Англіи по окончаніи турецкой войны и предугадалъ паденіе Биконсфильда, когда объ этомъ и не думали присяжные дипломаты. Этотъ фактъ показываетъ, что Скобелевъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, былъ проницательнымъ и наблюдательнымъ политикомъ. и если ошибался, то во всякомъ случаѣ менѣе многихъ дипломатовъ и публицистовъ, всю жизнь занимавшихся политикой.

VII.

Скобелевъ, какъ полководецъ и администраторъ.

Подобно всѣмъ замѣчательнымъ людямъ, Скобелевъ сказалъ «новое слово», быть можетъ сходное съ тѣми, какія были сказаны Александромъ Македонскимъ, Наполеономъ, Суворовымъ, но въ то же время представляющее и свои индивидуальныя черты.

Характеристика Скобелева, какъ полководца, можетъ быть сдѣлана въ двухъ чертахъ: тщательная подготовка боя и умѣніе пользоваться психологіей массъ. Конечно то-же можно сказать и о другихъ великихъ полководцахъ, но средства, избираемыя ими, были иныя. Наполеонъ прежде всего поражалъ противника стремительностью движеній и сосредоточеньемъ массы войскъ. Скобелевъ двигался не менѣе стремительно, когда былъ хозяиномъ дѣла, какъ въ Геокъ-Тепе или при Адріанопольскомъ набѣгѣ. Но что могъ онъ сдѣлать подъ Плевной съ своимъ крохотнымъ, подчиненнымъ отрядцемъ, предназначеннымъ «для прикрытія» и отдѣленнымъ отъ главной арміи оврагомъ? Военный геній Скобелева не успѣлъ развернуться въ полномъ блескѣ; онъ могъ бы показать себя вполнѣ только въ роли главнокомандующаго на европейскомъ театрѣ войны.

Наполеонъ высоко цѣнилъ психологическій элементъ войны. Онъ былъ великимъ актеромъ и умѣлъ поражать французскихъ солдатъ своими историческими фразами. Суворовъ былъ съ солдатами солдатомъ. Скобелевъ не обладалъ простотой Суворова, но въ немъ не было и наполеоновскаго чванства и фразерства. И въ мирное время, и во время боя его главною заботою было поднять въ солдатѣ чувство собственнаго достоинства. Въ ранней юности ему не случалось по горячности ударить солдата; ставъ начальникомъ, онъ не терпѣлъ кулачной расправы, считая ее унизительной для солдата, и для начальника. Разъ какъ то на глазахъ Скобелева одинъ полковой командиръ ударилъ солдата.

— Я бы васъ просилъ этого въ моемъ отрядѣ не дѣлать,— сказалъ Скобелевъ такъ громко, что слышали всѣ окружающіе.— Теперь ограничиваюсь строгимъ выговоромъ, въ другой разъ приму иныя мѣры.

— Но, ваше пр—ство, нашъ солдатъ не можетъ обойтись безъ дисциплинарныхъ внушеній,—началъ было командиръ.—Они такъ глупы...

— Дисциплина должна быть желѣзною.—оборвалъ его Скобелевъ.—Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но достигается это авторитетомъ начальника, а не кулакомъ. Срамъ, полковникъ, срамъ! Солдатъ долженъ гордиться тѣмъ, что защищаетъ родину, а вы его какъ лакея бьете... Гадко... Нынче и лакеевъ не бьютъ... А что касается до глупости солдата — вы ихъ плохо знаете... Я многимъ обязанъ здравому смыслу солдатъ. Нужно только умѣть прислушиваться къ нимъ.

Впослѣдствіи Скобелевъ, назначенный командовать дивизіей, сказалъ, что одинъ только что назначенный къ нему полковой ко-

мандиръ «чиститъ солдатскіе зубы». Скобелевъ призвалъ его къ себѣ.

— Мнѣ такихъ не надо, — сказалъ онъ. — Отправляйтесь въ штабъ—писарей бить. У меня полки къ этому не привыкли.

И, не смотря на всѣ ходатайства, прогналъ командира.

Духъ «скобелевскихъ» солдатъ былъ поднятъ до такой степени, что когда одного изъ нихъ полковникъ N хотѣлъ высѣчь во время перехода отъ Плевны къ Шейнову, солдатъ объявилъ, что предпочтетъ разстрѣляніе. Онъ былъ преданъ полевому суду и оправданъ.

Однимъ изъ главныхъ средствъ успѣшнаго боя Скобелевъ считалъ дружное содѣйствіе солдатъ товарищамъ, по собственному почину, не ожидая ни чьихъ приказаній, какъ буквально говоритъ онъ самъ въ одномъ приказѣ по 16-ой дивизіи (1878 годъ № 3).

Однимъ изъ лучшихъ средствъ добиться такой взаимной выручки Скобелевъ считалъ «правильное воспитаніе солдата въ мирное время». Въ виду этого онъ особенно покровительствовалъ развитію обычая «куначества» или побратимства, существующаго въ особенности въ нашей кавказской арміи.

Было указано на нѣкоторые странные взгляды Скобелева на способы содержанія армій въ непріятельской странѣ при помощи кредитныхъ рублей и контрибуцій. Изъ этого можно было сдѣлать неправильныя заключенія. Фактически Скобелевъ всегда относился къ собственности побѣжденнаго врага въ высшей степени добросовѣстно. Мародерство онъ преслѣдовалъ весьма строго, и въ его отрядѣ оно было явленіемъ рѣдкимъ уже потому, что Скобелевъ лучше другихъ съумѣлъ сократить жадность подрядчиковъ и интендантовъ и обезпечить продовольствіе солдатъ. Когда былъ занятъ Адріанополь, ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ не случилось ни одного грабежа. Съ плѣнными скобелевскіе солдаты обращались лучше всѣхъ прочихъ и ѣли съ турками изъ одного котла. Говоря о безпощадности къ врагу до окончанія войны, Скобелевъ внушалъ солдатамъ сочувствіе къ плѣннымъ.

Вотъ случай, переданный Немировичемъ-Данченко:

Когда по окончаніи шейновскаго боя Скобелевъ поскакалъ къ круглому редуту, ему навстрѣчу попалась партія плѣнныхъ. Одинъ изъ нашихъ солдатъ хватилъ турка прикладомъ. Скобелевъ осѣкъ его.

— Это что за нравы, г. офицеръ?—обратился онъ къ конвойному.—Я отниму у васъ саблю! Вы—позоръ русской арміи! За чѣмъ вы смотрите? Стыдъ! Молчать! Бить плѣнныхъ можетъ только негодяй. А ты—какъ могъ ударить плѣннаго? — накинулся онъ

солдата. Ты дѣлалъ ему честь, дрался съ нимъ однимъ оружіемъ, онъ такой же солдатъ, какъ ты, и потому что судьба привяла его, ты бьешь безоружнаго?»

Другой очевидецъ, полковникъ Панютинъ, подтверждаетъ, что скобелевцы имѣли болѣе высокія правила чести, чѣмъ какіе либо другіе солдаты», и приводитъ такой примѣръ: художникъ Верещагинъ послѣ дѣла при Хаскіойѣ попросилъ Панютина доставить ему для картинъ нѣсколько мундировъ и амулетовъ съ убитыхъ турокъ. Полковникъ позвалъ фельдфебелей и приказалъ достать мундиры. Фельдфебеля переглядываются, наконецъ одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте для этого нанять болгаръ или жидовъ, наши солдаты ни за что не станутъ обирать убитыхъ, потому что позорно.

Этотъ случаи и многіе другіе показываютъ также, какъ понималъ Скобелевъ дисциплину. Одинъ изъ почитателей Скобелева, Шикаровъ, формулируетъ его взгляды на дисциплину слѣдующимъ образомъ:

«Дисциплина основывается на законности. Приказаніе не исполняется только тогда, когда испытаны всѣ средства. Дисциплина заключается не въ рабскомъ исполненіи желаній начальника. Она не только допускаетъ, но требуетъ разсужденій! Дисциплина не въ формѣ, а въ духѣ».

Все это дѣйствительно подтверждается не только разсказами очевидцевъ, но и документально—приказами Скобелева.

Скобелевъ терпѣть не могъ подчиненныхъ, которые не смѣли своего сужденія и мѣть и безусловно съ нимъ соглашались. Онъ не выносилъ людей дряблыхъ, пассивныхъ, инертныхъ и говорилъ, что они сдѣланы «изъ мокрой и слизкой тряпки». По возможности онъ упрощалъ и сокращалъ формалистику, въ которой многіе видятъ необходимое средство для поддержанія дисциплины. Подъ Плевной, при обходѣ ихъ траншей, Скобелевъ приказалъ солдатамъ не вставать, говоря, что это лишь пустая потеря времени.

Вмѣсто классическаго «не разсуждать!» Скобелевъ старался прислушаться ко всякому здравому мнѣнію, не разбирая, кѣмъ оно высказано, генераломъ или солдатомъ. Вотъ что разсказываетъ напримѣръ нашъ извѣстный путешественникъ Мозеръ.

Во время осады Геокъ-Тепе Скобелевъ ставилъ солдатъ ночью во рвы. Текинцы подкрадывались, взбирались на брустверы и рубили нашихъ сверху. Однажды вечеромъ, обходя аванпосты, Скобелевъ слышитъ, что солдатъ говоритъ товарищу: «Генералъ напрасно ставитъ насъ здѣсь. Еслибы онъ ставилъ насъ шаговъ на

десять назадъ, текинцамъ пришлось бы спускаться въ траншеи, гдѣ мы могли бы безопасно рубиться».

— Это было откровеніемъ для меня,—разсказывалъ самъ Скобелевъ. Былъ отданъ приказъ и на слѣдующее утро сотни непріятелей лежали во рвахъ. Солдатъ, подавшій эту блестящую мысль, былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Въ одномъ изъ своихъ приказовъ по 4 армейскому корпусу Скобелевъ писалъ: «Извѣстно, что на войнѣ нравственный элементъ относится къ физическому, какъ 3:1».

Этому правилу Скобелевъ слѣдовалъ втеченіи всей своей боевой дѣятельности, заботясь прежде всего о поддержаніи духа войскъ, причемъ однако онъ никогда не забывалъ о физическихъ потребностяхъ солдата.

Всѣ, знавшіе лично Скобелева. начиная съ восторженнаго Немировича-Данченко и оканчивая Верещагинымъ, называютъ его глубокимъ психологомъ, знатокомъ солдатской души. Трудно указать полководца, который умѣлъ бы вліять въ такой степени на солдата даже въ минуту ихъ бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха, какъ это случилось напримѣръ на Зеленыхъ горахъ съ двумя ротами новичковъ. Немировичъ-Данченко рисуетъ этотъ эпизодъ быть можетъ не безъ прикрасъ, но въ общемъ несомнѣнно вѣрно:

«Только что начальство стало взбираться на скатъ Зеленой горы, какъ на встрѣчу—разстроенная масса. Бѣгутъ въ разсыпную, во всѣ стороны.

И тутъ-то,—пишетъ Немировичъ-Данченко,—я удивился отъ души боевому психологу. Объятую паникою толпу не остановишь угрозами.

— Здорово, молодцы!—крикнулъ имъ на встрѣчу Скобелевъ. Крикнулъ весело, радостно даже. Тѣ пріостановились...—Спасибо вамъ, орлы, за службу!.. Героями поработали.

Еще минуту назадъ растерявшаяся толпа стала подбирать. Оказалось что то на подобіе строя.

— Горжусь я, братцы, что командую вами. Такихъ молодцовъ еще и не было.

Бѣглецы оправились уже и видимо очнулись.

Тутъ генералъ дѣлаетъ видъ, что только сейчасъ замѣтилъ ихъ отсутствіе ружей.—Это что же такое? Гдѣ же ваши ружья ребята?

Молчаніе... Солдаты стоятъ потупившись.

— Вы это что же? Ружья кинули? Бѣжать—отъ турокъ... Стыдно! Не хочу командовать такой дрянью.

Солдаты совсѣмъ уничтожены.

— Маршъ за мною!»

Затѣмъ, выведя солдатъ изъ траншеи въ самое опасное мѣсто

Скобелевъ скомандовалъ: на плечо! и произвелъ ученье, какъ на парадѣ и только тогда пустилъ ихъ обратно въ траншеи.

Что въ этомъ разсказѣ нѣтъ особаго преувеличенія, доказывается аналогичными свидѣтельствами Верещагина и Дукмасова.

Въ числѣ средствъ, ободряющихъ солдата, Скобелевъ считалъ однимъ изъ весьма важныхъ музыку и пѣнье. По словамъ Шаховского, въ походѣ Скобелевъ терпѣть не могъ, чтобы солдаты двигались молча. «Пѣсенники впередъ!» была его любимая фраза, и при этомъ пѣсни должно выбирать веселыя. За скучныя пѣсни онъ сдѣлалъ выговоръ командиру части. Во время боя на Зеленыхъ горахъ Скобелевъ велѣлъ играть оркестру въ ста шагахъ отъ непріятеля. «Мы забыли войну,—говорилъ Скобелевъ.—Наши отцы были лучшими психологами... Наполеонъ — богъ войны—водилъ атаки подъ громкіе звуки марша». Корреспондентъ «Голоса», вообще не слишкомъ расположенный къ Скобелеву, одобрительно писалъ, что во время осады Геокъ-Тепе каждое утро лагерь пробуждался всѣми звуками музыки, а на штурмъ шли подъ звуки марша.

Во время бездѣйствія Скобелевъ боялся, что солдаты «раскиснутъ», и устраивалъ игры въ мячъ и другія. По словамъ Гродекова, Скобелевъ говорилъ: «Одно для меня очевидно: у насъ солдатъ молодой, впечатлительный, требующій сердечнаго за нимъ ухода. Начальники частей, которые почти вдвое старше массы солдатъ, не должны этого забывать. Одно возможно, предписать устроить солдатскій театръ и расходы отнести на экспедиціонныя суммы».

Но особенно важное значеніе представляютъ для исторіи военнаго дѣла воззрѣнія Скобелева на умственную сторону солдата. Въ противоположность полководцамъ, воображающимъ, что все основано на рабскомъ подчиненіи начальству, Скобелевъ и въ теоріи, и на практикѣ требовалъ «осмысленности боя», *сознательнаго* исполненія приказаній. Подъ Плевной 2 ноября Скобелевъ буквально устроилъ военный совѣтъ изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ Суздальскаго полка, причемъ одинъ молодой унтеръ-офицеръ далъ полезный совѣтъ, сказавъ, что выходить изъ траншеи прямо нельзя, такъ какъ турецкіе секреты близко, а лучше подкрасться съ фланга. Вообще передъ боемъ, въ случаѣ малѣйшей къ тому возможности, Скобелевъ объяснялъ не только офицерамъ, но и солдатамъ весь планъ дѣйствій.

Не станемъ разбирать взгляды Скобелева на *технику* военнаго дѣла—для этого необходимо быть спеціалистомъ. Ограничимся общими замѣчаніями, извлеченными изъ приказовъ Скобелева. О Наполеонѣ не безъ основанія говорили, что онъ былъ прежде всего

артиллеристомъ. Правда, у него былъ такой кавалеристъ, какъ Мюратъ, едва ли имѣвшій себѣ равнаго. Скобелевъ не отличался этой односторонностью. Онъ одинаково цѣнилъ дѣйствіе всѣхъ родовъ оружія. Признавая, что рѣшающее значеніе въ бою принадлежитъ теперь пѣхотѣ, Скобелевъ полагалъ однако, что нѣкоторые германскіе теоретики чрезчуръ унижаютъ значеніе кавалеріи. 20 мая 1878 года онъ писалъ Струкову: «что́ было бы съ нами въ Турціи, еслибы воскресла хотя кавалерія султана Махмуда? Въ войнѣ съ Австріей и даже съ Англіей неумѣлость употреблять кавалерію можетъ просто повести къ проигрышу кампаніи». По мнѣнію Скобелева, роль кавалеріи «пылко наступательная». «Войся рѣшается успѣхомъ головныхъ частей, тогда какъ въ пѣхотѣ побѣду рѣшаетъ хвостъ».

Относительно пѣхоты Скобелевъ требовалъ: дружнаго содѣйствія товарищамъ и поддержки артиллеріи; точнаго различенія между наступленіемъ, т. е. подготовкою атаки, и настоящей атакою; самостоятельной рѣшимости не только офицеровъ, но и унтеръ-офицеровъ. «Никогда,—говоритъ Скобелевъ,—не слѣдуетъ забывать, что для успѣха начальникъ долженъ водить свою часть въ бой, а не *посылать* ее».

Отъ артиллеріи Скобелевъ требовалъ первенствующаго значенія въ подготовительный періодъ боя и при оборонѣ; въ то же время ей не слѣдуетъ терять связи съ пѣхотой и кавалеріей во все время боя, хотя бы цѣною самопожертвованія. При послѣднемъ натискѣ пѣхоты желательно артиллеріи быть на флангахъ, чтобы поражать непріятеля продольно.

Въ заключеніе приводимъ общій принципъ военной теоріи Скобелева: «Никогда, какъ бы ни пришлось тяжко въ бою, не забывать, что всѣ роды оружія должны жертвовать собою для достиженія общей цѣли—побѣды».

VIII.

Политическія рѣчи Скобелева.—Его смерть.

По окончаніи ахаль-текинскаго похода Скобелевъ отдыхалъ, томился отъ безлѣлья. Любопытныя подробности о пребываніи Скобелева въ его помѣстьѣ Спасскомъ сообщаетъ бывшій его ординарецъ Думасовъ, навѣстившій тамъ Скобелева.

Скобелевъ жилъ, какъ богатый помѣщикъ-холостякъ (съ женою онъ тогда уже развелся). Крестьяне любили его, народъ стекался

даже изъ окрестныхъ деревень поглазѣть на Скобелева, бабы называли его «писанымъ красавцемъ». Ухаживалъ ли Скобелевъ, по недостатку во француженкахъ, за деревенскими красавицами, остается неизвѣстнымъ. Больше всего онъ интересовался въ деревнѣ двумя вещами—политикой и лошадьми: онъ имѣлъ (въ Златоустовскомъ имѣніи) собственный прекрасный рысистый заводъ. Сверхъ того Скобелевъ привезъ изъ Турціи верблюдовъ и муловъ, а изъ Закаспійскаго края—прекрасныхъ быковъ. Собственно хозяйство было у него сильно запущено, обкрадывали его немилосердно, не смотря на цѣлый штатъ служащихъ, между которыми былъ даже главный контролеръ. Домашнимъ хозяйствомъ управляла пожилая дама-экономка. Въ своемъ имѣніи Скобелевъ устроилъ для крестьянскихъ дѣтей школу, гдѣ дѣло велось не дурно. Эту школу Скобелевъ называлъ, шутя, своимъ университетомъ. Въ день Рождества Скобелевъ устроилъ въ училищѣ елку и одарилъ дѣтей сообразно съ ихъ успѣхами въ ученіи. Во время раздачи подарковъ онъ бесѣдовалъ съ мальчиками и весело шутилъ, затѣмъ велѣлъ штурмовать ёлку и съ улыбкой сказалъ, что этотъ штурмъ напоминаетъ ему атаки на Зеленыхъ горахъ.

Вскорѣ послѣ того на Скобелева напала хандра. Вообще, по замѣчанію людей, знавшихъ Скобелева, послѣ ахалъ-текинской экспедиціи (частью подъ вліяніемъ смерти матери) Скобелевъ изъ сангвиника почти сталъ ипохондрикомъ. Онъ оживлялся большей частью, лишь когда бранилъ нѣмцевъ.

Однажды вечеромъ Скобелевъ сидѣлъ съ Дукмасовымъ въ кабинетѣ, читая тактику Драгомирова и дѣлая помѣтки на поляхъ.

— Знаете, о чемъ я думаю?—сказалъ онъ гостю.

— Вѣроятно новый планъ наступленія на Берлинъ?—иронически замѣтилъ казакъ.

— Нѣтъ... я вотъ смотрю на эти книги, рукописи и думаю—кому все это достанется послѣ моей смерти?

— Съ чего у васъ такія думы? Помирать вамъ нельзя! Вы нужны для арміи и Россіи.

— Нѣтъ, не говорите, я навѣрное скоро умру!..—задумчиво и тихо проговорилъ Скобелевъ.—Знаете, что я думаю сдѣлать? Я думаю совсѣмъ поселиться въ деревнѣ. Буду хозяйничать!

Затѣмъ разговоръ перешелъ опять на нѣмцевъ. То, что Скобелевъ сказалъ въ интимномъ разговорѣ съ Дукмасовымъ, чрезвычайно похоже на произнесенныя имъ нѣсколько позднѣе политическія рѣчи:

— Терпѣть я не могу нѣмцевъ!—говорилъ Скобелевъ.—Мени

больше всего бѣситъ наша уступчивость. Даже у насъ, въ Россіи, мы позволяемъ имъ безнаказанно дѣлать все, что угодно. Даемъ имъ во всемъ привилегіи, а потомъ сами же кричимъ, что нѣмцы все забрали въ свои руки. Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно все имъ уступаютъ... А они своею аккуратностью и терпѣніемъ, которыхъ у насъ мало, много выигрываютъ и постепенно подбираютъ все въ свои руки. *А все-таки нельзя не отдать имъ справедливости*, нельзя не уважать ихъ, какъ умныхъ и ловкихъ патріотовъ. Они не останавливаются ни передъ какими мѣрами, если только видятъ пользу своего фатерланда... Нѣтъ у насъ такихъ патріотовъ, какъ напр. Бисмаркъ, который высоко держитъ знамя своего отечества и въ то-же время ведетъ на буксирѣ государственныхъ людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у насъ мало въ политикѣ.. Ненавижу я этого трехволосаго министра-руссофоба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко уважаю его, какъ геніальнаго человѣка и истаго патріота... Вотъ бы намъ побольше людей съ такимъ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ.»

Весь день Скобелевъ былъ грустенъ и мраченъ.

Въ этотъ же день Скобелевъ велѣлъ служить панихиду на могилами отца и матери: тѣло Ольги Николаевны было перевезено въ Спасское и похоронено въ зимнемъ отдѣлѣ церкви, рядомъ съ отцомъ Скобелева.

— Пойдемте, — сказалъ Скобелевъ Дукмасову, — я вамъ покажу мѣсто, которое приготовилъ себѣ.

Недалеко отъ стѣны и въ полу была каменная плита. Скобелевъ велѣлъ сторожамъ поднять ее.

— Вотъ и моя могила!—печально произнесъ онъ.

— Что это вы все о смерти!—сказалъ съ досадою Дукмасовъ. Только другихъ смущаете! Вѣдь никто вамъ не угрожаетъ смертью!

— А *почему вы знаете?* Впрочемъ все это чепуха!—быстро прибавилъ Скобелевъ.

Немного погодя онъ сказалъ:

— Я чувствую, не за горами новая страшная война. Должевъ рѣшиться наконецъ нашъ споръ съ нѣмцами. И я увѣренъ, что борьба рѣшится въ нашу пользу! Но мнѣ не придется видѣть все этого, не придется этимъ значкамъ (онъ указалъ на свои боевые значки) развѣваться въ предстоящей борьбѣ славянъ съ нѣмцами.

— Какая дурная мысль! —сказалъ Дукмасовъ.—Я, напротивъ, твердо вѣрю, что въ войнѣ съ нѣмцами васъ назначатъ главнокомандующимъ.

На другой день утромъ Скобелевъ получилъ изъ Петербурга какую-то телеграмму, которая крайне дурно подѣйствовала на него. Онъ сталъ сумраченъ, за обѣдомъ ничего не ѣлъ и все время молчалъ.

Лишь вечеромъ, получивъ другую телеграмму, гдѣ было сказано объ утвержденіи наградъ за ахалъ-текинскую экспедицію, Скобелевъ опять повеселѣлъ.

Теперь мы переходимъ къ самой рѣшительной эпохѣ въ жизни Скобелева. Что побудило его выйти изъ деревенскаго затишья и скучнаго бездѣйствія и выступить въ активной роли политическаго оратора? Безспорно, честолюбіе было однимъ изъ двигателей Скобелева. Но еще большее значеніе имѣли удивительная подвижность и энергія его натуры. За отсутствіемъ кровавой войны, онъ искалъ бури. «какъ будто въ буряхъ есть покой».

Существуютъ несомнѣнныя данныя, подтверждающія, что было время, когда Скобелевъ мечталъ о весьма крупной политической роли. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Верещагинъ:

Въ концѣ 1878 года одинъ изъ братьевъ В. В. Верещагина пришелъ сказать: Скобелевъ очень просилъ къ себѣ по весьма нужному дѣлу. Василій Васильевичъ прибѣжалъ.—«Что такое?»—Дайте мнѣ совѣтъ! Баттенбергъ предлагаетъ мнѣ пойти къ нему военнымъ министромъ. (Можетъ быть отсюда и возникли слухи, что Скобелевъ мечталъ о большемъ—именно о кандидатурѣ на болгарскій престолъ.) —Даетъ слово, что черезъ два года затѣетъ драку съ турками (для присоединенія Румеліи)».—Верещагинъ иронически замѣтилъ: ...«Вы неравнодушны къ бѣлому перу, что болгарскіе генералы носятъ на шапкахъ».—«Чортъ знаетъ что! Вы шутите! Знаете, я говорю серьезно. Я уже почти далъ согласіе».—«Откажитесь, попросите, чтобы государь отказалъ».

Въ концѣ концовъ Баттенбергу отказали, заявивъ, что Скобелевъ нуженъ Россіи.

Безспорно однако, что въ роли военнаго министра Скобелевъ принесъ бы Болгаріи гораздо больше пользы, чѣмъ многіе другіе генералы. Скобелевъ искренне сочувствовалъ болгарскому народному дѣлу и едва ли онъ сталъ бы третировать болгарскихъ министровъ свысока.

Мы уже однажды подчеркнули наше несогласіе съ мнѣніемъ, высказаннымъ при жизни и вскорѣ послѣ смерти Скобелева хроникеромъ «Вѣстника Европы», будто Скобелевъ не былъ государственнымъ дѣятелемъ и выдающимся политическимъ ораторомъ. Авторъ настоящаго очерка ни мало не раздѣляетъ политическихъ убѣжденій Скобелева: но одно—оспаривать чьи либо идеи, другое—совсѣмъ не признавать этихъ идей или считать ихъ празднословіемъ. Идеи Скобелева въ общемъ тѣ-же, что и у другихъ выдающихся славянофиловъ новѣйшаго періода. Не соглашаясь съ ними

ни въ ихъ отправныхъ пунктахъ, ни во многихъ частныхъ выводахъ, я полагаю однако, что, *разъ турецкая война была затѣяна хотя бы и подъ давленіемъ тѣхъ же славянофиловъ, ее слѣдовало довести до конца*, т. е., во-первыхъ, дать хотя какое-либо нравственное удовлетвореніе арміи, предоставивъ ей вступить въ Константинополь,—*конечно не съ тѣмъ тамъ остаться*, во-вторыхъ, не смущаясь пустыми угрозами кабинетовъ — англійскаго и другихъ,—*довершить начатое дѣло освобожденія славянскихъ народовъ путемъ соединенія обѣихъ Болгарій*, хотя и не совсѣмъ по плану санъ-стефанскаго трактата, чрезчуръ раздражившаго нашихъ недавнихъ союзниковъ—сербовъ. Вступленіе въ Константинополь тѣмъ болѣе было оправдываемо обстоятельствами, что оно явилось бы прямымъ послѣдствіемъ договора, подписаннаго нами съ Австріей въ Рейхштадтѣ, гдѣ мы предоставили этой державѣ оккупацію Босніи и Герцеговины единственно подъ условіемъ занятія нами турецкой столицы. Съ прекращеніемъ оккупаціи Константинополя намъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлялся и навсегда пропущенный нами случай поставить на очередь вопросъ объ очищеніи Австріей временно занятыхъ ея провинцій. Не менѣе были правы славянофилы и въ томъ отношеніи, что осуждали редакцію Берлинскаго трактата, разрѣзавшаго Болгарію на-двое, не установившаго законнаго срока для австрійской оккупаціи въ Босніи и вообще лишившаго насъ—по крайней мѣрѣ для того времени—всѣхъ плодовъ турецкой войны. Если значительно поздиѣе наша дипломатія и воспользовалась тѣмъ же берлинскимъ трактатомъ, то никакъ не для такъ называемаго «славянскаго дѣла», а скорѣе противъ него—именно когда не признала фактическаго сліянія обѣихъ Болгарій послѣ румелійскаго переворота.

Ни мало не требуя, вмѣстѣ съ славянофилами, чтобы русскій крестъ возсіялъ на бывшемъ храмѣ, а теперь мечети, св. Софіи, мы вполнѣ понимаемъ все то чувство досады, разочарованія и оскорбленія, которое долженъ былъ испытать каждый участникъ турецкаго похода, стоявшій у самыхъ воротъ турецкой столицы, испытавшій столько лишеній и невзгодъ и все-таки несмѣвшій вступить въ турецкую столицу въ роли побѣдителя. Если поэтому «Вѣстникъ Европы» и другіе органы печати иронизировали надъ слезами, пролитыми Скобелевымъ, когда онъ узналъ, что наши войска не вступятъ въ Константинополь, то такая иронія доказываетъ простое непониманіе человѣческой души. Конечно никому, не исключая русскаго солдата, т. е. тѣхъ же мужиковъ, не могло

не быть обиднымъ сознаніе, что всѣ понесенныя жертвы не привели ни къ какому очевидному результату.

Это чувство обиды, выразившееся въ извѣстной рѣчи Аксакова, всегда тяготѣло также надъ Скобелевымъ. Оно руководило имъ и при произнесеніи его собственной не менѣе знаменитой рѣчи, сказанной 12 января 1882 г. въ Петербургѣ, въ присутствіи офицеровъ, праздновавшихъ годовщину взятія Геокъ-Тепе.

Мотивы петербургской рѣчи Скобелева повторились и въ его парижской рѣчи, но съ большей откровенностью и силою. Рѣчь эта была вызвана прибытіемъ къ Скобелеву депутаціи сербскихъ студентовъ Сорбонны, поднесшихъ ему адресъ съ выраженіемъ искренней благодарности за петербургскую рѣчь. Скобелевъ, наэлектризованный этимъ адресомъ и еще болѣе того недавнимъ пребываніемъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ, отвѣтилъ рѣчью.

Безспорно, этой рѣчи Скобелевъ могъ бы и не говорить, и если ее выхватить безъ всякой связи съ эпизодами, происшедшими съ нимъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ, ее можно было бы назвать безтактной, что и поспѣшили сдѣлать многіе тогдашніе русскіе органы. Но теперь, когда Верещагинъ и другіе современники выяснили причины, побудившія Скобелева дѣйствовать такъ, а не иначе, вопросъ представляется совершенно въ новомъ свѣтѣ. Мы видимъ уже не словоохотливаго генерала, который за-границей сказалъ вслухъ то, чего не договорилъ въ Россіи, не легкомысленнаго шовиниста, подстрекавшаго сербовъ начать новую войну на Балканахъ и возбудить затѣмъ общеевропейскую войну, — мы убѣждаемся, что Скобелева просто вызвали сказать то, что онъ сказалъ, и что обвиненіе въ шовинизмѣ прежде всего должно пасть на тогдашнія берлинскія придворныя сферы, распоряжавшіяся, благодаря князю Бисмарку, судьбами Европы. Конечно во взглядахъ славянофиловъ на интриги князя Бисмарка есть не малая доля преувеличенія, и лично Бисмаркъ неповиненъ во всѣхъ выходкахъ германской военной партіи, но никто не станетъ спорить, что со времени основанія тройственнаго союза политика Бисмарка неуклонно стремилась всегда къ одной и той же цѣли — германской гегемоніи на европейскомъ материкѣ.

Вотъ что разсказываютъ о пребываніи Скобелева въ Берлинѣ. Когда Скобелевъ присутствовалъ на смотрѣ какого-то германскаго корпуса, престарѣлый императоръ Вильгельмъ не то дружескимъ, не то угрожающимъ тономъ сказалъ русскому генералу:

— Вы были присланы сюда, чтобы изслѣдовать меня до самыхъ моихъ внутренностей. Вы видѣли одинъ изъ моихъ корпу-

совъ. Знайте, что и всѣ остальные не менѣе доблестны и въ случаѣ надобности съумѣютъ исполнить свой долгъ.

Послѣ того къ Скобелеву подошелъ еще принцъ Фридрихъ-Карлъ и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ съ претензіей на солдатскую откровенность:

— А вѣдь, любезный другъ, въ концѣ концовъ Австрія должна получить Салоники!

Вѣроятно и другіе принцы говорили подобныя же вещи.

Понятно, что все это, взятое вмѣстѣ, не могло не подѣйствовать на пылкаго Скобелева, задѣвъ не только его самолюбіе, но и тѣ идеалы, которыми онъ жилъ, какъ искренній сторонникъ славянофильской теоріи. Рѣчь его была прямымъ отвѣтомъ на вызывающій образъ дѣйствій Берлина. «Они меня заставили сказать эту рѣчь»—говорилъ Скобелевъ своимъ близкимъ.

Нечего и говорить, что послѣ своей парижской рѣчи Скобелевъ сталъ въ Парижѣ героемъ дня. До тѣхъ поръ его здѣсь знали меньше, чѣмъ въ Лондонѣ. Теперь всѣ газеты заговорили о немъ, всѣ знаменитости искали чести его знакомства. Еще раньше, въ Петербургѣ, познакомилась съ Скобелевымъ извѣстная издательница журнала «Nouvelle Revue», г-жа Адамъ, которая была совершенно очарована «бѣлымъ генераломъ». Первый разговоръ между нею и Скобелевымъ былъ довольно замѣчателенъ; до извѣстной степени справедливо, что г-жа Адамъ подстрекнула Скобелева къ его парижской рѣчи.

— Я не люблю войны,—говорилъ Скобелевъ.—Я слишкомъ часто участвовалъ въ ней. Никакая побѣда не вознаграждаетъ за трату энергіи, силъ, богатствъ и за человѣческія жертвы. Но есть одна война, которую я считаю священною. Необходимо, чтобы пожиратели (les mangeurs) славянъ были, въ свою очередь, поглощены. Въ Парижѣ я не нашелъ настоящихъ патріотовъ. Всѣ здѣсь опасаются Бисмарка и поэтому всѣ ему подчиняются. То же у насъ, въ Россіи.

— Пріѣзжайте въ Парижъ, генералъ, —сказала г-жа Адамъ,—повторите слова: «врагъ—это нѣмецъ».

— Кто меня знаетъ въ Парижѣ?

— Сознаюсь, немногіе, кромѣ арміи и журналистовъ,—сказала г-жа Адамъ.

— Я боюсь Парижа и парижскихъ газетъ,—замѣтилъ Скобелевъ.

Въ этомъ же разговорѣ Скобелевъ сказалъ г-жѣ Адамъ, что

часто думаетъ о смерти. Затѣмъ, близко нагнувшись къ собесѣдницѣ, прибавилъ почти шепотомъ:

— Я думаю, что смерть моей матери произошла не безъ вѣдома князя Бисмарка. Къ моему патріотизму присоединяется чувство личной ненависти.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ берлинскихъ юнкерскихъ сферахъ, а отчасти и въ болѣе широкихъ слояхъ общества парижская рѣчь Скобелева произвела еще худшее впечатлѣніе, чѣмъ петербургская. Хотя, какъ мы знаемъ, Скобелева вызвали на эту рѣчь,—берлинская публика не могла этого знать: она видѣла въ рѣчи Скобелева не только поощреніе «панславистскихъ» вожделѣній, подкапывающихъ Австрію, но и прямое содѣйствіе французскому реваншу. Въ концѣ февраля безпристрастный наблюдатель, англичанинъ Чарвинъ, посѣтившій Петербургъ и бывшій проѣздомъ въ Берлинѣ, писалъ: «По всему пути въ разговорахъ только и слышалось, что имя Скобелева. Въ Берлинѣ имя его повторялось въ рѣчахъ и бесѣдахъ всѣхъ классовъ общества. Я остановился передъ окномъ магазина, въ которомъ висѣла карта Россіи. Къ окну подбѣжала толпа школьниковъ.—«Вотъ дорога, по которой мы доберемся до Петербурга и проучимъ Скобелева»—говорилъ одинъ.—«А если они придутъ въ Берлинъ?»—«О, это невозможно!»—Мальчишекъ смѣнила группа пожилыхъ людей, которые въ краткихъ восклицаніяхъ выражали свою ненависть къ славянамъ и къ Скобелеву. На гауптвахтѣ, находящейся на аристократической оконечности улицы «Подъ Липами» (Unter den Linden), солдаты вели воинственный разговоръ о Россіи».

Этого описанія достаточно, чтобы показать крайнюю односторонность тѣхъ «западниковъ», которые во всемъ винили Скобелева, совершенно упуская изъ виду шовинизмъ прусскій, да пожалуй и французскій, которые съ разныхъ сторонъ могли наэлектризовать и менѣе пылкаго человѣка, чѣмъ Скобелевъ...

Вскорѣ послѣ своей парижской рѣчи Скобелевъ видѣлся въ Парижѣ съ г-жею Адамъ. Нечего говорить, что ея восторженное отношеніе къ «бѣлому генералу» еще удвоилось.

По словамъ г-жи Адамъ, незадолго до этого свиданія она получила изъ Россіи письмо, въ которомъ было сказано: «Не довѣряйте Скобелеву. Онъ желаетъ сдѣлать Европу казацкой и господствовать въ ней». Сверхъ того г-жѣ Адамъ писали, что Скобелевъ дѣятельно подготовляетъ свою кандидатуру на болгарскій престолъ.

Г-жа Адамъ, не долго думая, показала письмо Скобелеву. Онъ былъ явно смущенъ, огорченъ и удрученъ этимъ письмомъ.

— Неужели подобныя глупости могутъ васъ печалить? -спросила г-жа Аданъ.

— Да,—серьезно и задумчиво отвѣтилъ Скобелевъ.—Бываютъ подозрѣнія, которыхъ можно избѣжать однимъ лишь путемъ—путемъ смерти. Бываютъ минуты, когда я готовъ на самоубійство.

— Какія ужасныя слова!

— Мнѣ отвратительны эти подозрѣнія,—сказалъ Скобелевъ.

Въ тотъ же день Скобелевъ былъ вынужденъ по долгу службы оставить Парижъ. Находясь въ Варшавѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ отношеніемъ къ полякамъ, которыхъ раньше не особенно любилъ. На этотъ разъ онъ былъ съ ними привѣтливъ. Г-жѣ Аданъ Скобелевъ писалъ изъ Варшавы. «Я люблю поляковъ. Это народъ, сохранившій героическія традиціи. Россія отдала значительную часть Польши чужеземцамъ-нѣмцамъ. Поляки будутъ за насъ противъ нѣмцевъ, все равно хотятъ ли они этого, или не хотятъ. Они не могутъ бороться съ антигерманскимъ инстинктомъ своей расы».

Въ началѣ іюня 1882 года Скобелевъ писалъ г-жѣ Аданъ черезъ капитана Л.:

«Я дѣлаю усилія съ цѣлью приготовить армію къ возможной борьбѣ. Мрачныя предчувствія одолѣваютъ меня».

24 іюня Скобелевъ посѣтилъ въ Москвѣ Ивана Аксакова и оставался у него до 11 часовъ вечера. Скобелевъ принесъ Аксакову связку какихъ то документовъ, причемъ сказалъ: «Боюсь, что у меня ихъ украдутъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ подозрителенъ».

Отъ Аксакова Скобелевъ поѣхалъ въ гостиницу, гдѣ заказалъ отдѣльный кабинетъ, куда вошелъ съ двумя нѣмецкими красавицами легкаго поведенія. Около 12 часовъ лакеи услышали какіе то стоны и возню въ кабинетѣ, затѣмъ нѣмки выбѣжали и заявили, что генералу дурно. Около 3 часовъ пополуночи Аксаковъ засталъ уже Скобелева мертвымъ на постели.

Сопоставляя политическую роль Скобелева съ обстоятельствами его смерти, не трудно оправдать самыя удивительныя легенды о его смерти, изъ которыхъ наибольшей опредѣленностью отличается та, которую сообщили какія то лица г-жѣ Аданъ. Авторъ настоящаго очерка, посѣтившій г-жу Аданъ въ 1889 г. въ ея имѣньѣ, въ аббатствѣ Жифъ (Gif), пришелъ къ убѣжденію, что издательница «Nouvelle Revue» твердо вѣритъ въ свои документы.

Весьма возможно, что она стала жертвой ловкой мистификаціи, хотя утверждать этого положительно нельзя, не имѣя «документовъ въ рукахъ. По увѣренію г-жи Аданъ, объ нѣмецкія кокотки были

подосланы изъ Берлина недоброжелателями Скобелева. Г-жа Адамъ называетъ ихъ «дамами, пріѣхавшими въ Берлинъ изъ Гейдельберга». Въ бытность мою въ Гейдельбергѣ ни отъ одного изъ здѣшнихъ русскихъ (не говоря уже о нѣмцахъ) я не слышалъ ни малѣйшаго намека, подтверждающаго это показаніе.

Каковы бы ни были истинныя причины смерти Скобелева, несомнѣнно одно: онъ погибъ жертвою своего легкомысленнаго отношенія къ женщинамъ. Трудно повѣрить, еслибы не было на лицо такого факта, чтобы человѣкъ, до такой степени опасавшійся нѣмецкихъ «интригъ», черезъ минуту послѣ того, какъ онъ толковалъ объ этихъ интригахъ съ Аксаковымъ, преспокойно отправился ужинать съ незнакомыми ему двусмысленными дамами «германскаго происхожденія». Но, даже оставивъ въ сторонѣ всякую политику, нельзя не удивиться неосторожности Скобелева, который, не смотря на всѣ увѣщанія врачей, продолжалъ вести разсѣянную жизнь, затѣвая кутежи съ первыми попавшимися кокотками. Въ числѣ разныхъ объясненій, пущенныхъ въ ходъ по поводу внезапной смерти Скобелева, есть и то, что онъ умеръ отъ чрезмѣрнаго возбужденія — и въ этомъ нѣтъ ничего совершенно невѣроятнаго, особенно если принять во вниманіе, что со времени контузіи, полученной въ турецкой войнѣ, Скобелевъ имѣлъ склонность къ аневризму. Доктора Алышевскій и Гейфельдеръ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что Скобелевъ вовсе не обладалъ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ, и что, зная безпорядочный образъ его жизни, можно было даже предсказать его преждевременную кончину.

Величайшимъ несчастіемъ для Скобелева было, что онъ не съумѣлъ или не могъ найти подруги — жены. Бракъ его съ Гагариной кончился разводомъ. Незадолго до смерти Скобелевъ мечталъ еще о томъ, чтобы жениться «на бѣдной, образованной дѣвушкѣ». Мечтамъ этимъ не было суждено сбыться, такъ какъ въ бракоразводномъ процессѣ съ женою Скобелевъ былъ вынужденъ принять на себя вину и такимъ образомъ, по приговору, былъ осужденъ на безбрачіе. По словамъ Верещагина, женитьба была больнымъ мѣстомъ Скобелева. Въ немъ несомнѣнно было сильное стремленіе къ семейной жизни, хотя онъ энергично это отрицалъ.

— Необходимо только,—сказалъ ему Верещагинъ,—чтобы жена ваша была умна и взяла васъ въ руки.

— Это вѣрно,—замѣтилъ Скобелевъ.

Еще подъ Плевной Верещагинъ пророчилъ Скобелеву, который страстно любилъ дѣтей, что у него явятся «Скобелята», которые

будутъ таскать его за бакены. Этому предсказанію не суждено было сбыться.

Впечатлѣніе, произведенное смертью Скобелева въ Россіи и во всей Европѣ, было необычайно сильно. Даже политическіе противники и враги Скобелева воздали ему должное. Изъ отзывовъ русскихъ противниковъ Скобелева достаточно привести слова «Вѣстника Европы»:

«Образъ рыцарски храбраго воина, заботливаго друга солдата, образованнаго генерала, высоко даровитаго полководца давно уже рисовался передъ обществомъ въ лицѣ Скобелева. Образъ дѣйствій Скобелева послѣ взятія Геокъ-Тепе обнаружилъ въ немъ и административный талантъ, не уступающій можетъ быть его военному искусству.»

Въ лучшемъ изъ тогдашнихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, «Отечественныхъ Запискахъ», былъ также напечатанъ чрезвычайно сочувственный некрологъ, не смотря на то, что журналъ былъ весьма далекъ отъ сочувствія славянофильскимъ взглядамъ Скобелева.

Въ видѣ заключенія, дѣлаемъ общую характеристику Скобелева, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля.

Какъ уже замѣчено, Скобелевъ, не смотря на высокій ростъ, не производилъ впечатлѣнія атлета. Д-ръ Гейфельдеръ, описывающій Скобелева съ точностью антрополога, говоритъ:

«Скобелевъ былъ высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, скелетъ у него былъ скорѣе мелкій, широта плечъ не особенно развита, что скрывали эполеты. Мускулы не сильно развиты: я удивился, увидѣвъ, что Musculus biceps и M. deltoideus не сильно выдавались. Лицо, десны и соединительныя оболочки глазъ были блѣдны, кожа суховатая. У Скобелева было два рубца на правомъ боку и бедрѣ отъ ранъ въ Туркестанѣ и на Дунаѣ. Объ этихъ ранахъ онъ не любилъ говорить. Печень была увеличена. Черепъ замѣчательно регулярной овальной формы, лобные бугры выдавались, голова покрыта густыми волосами темнорусаго цвѣта.»

По словамъ Верещагина, Скобелевъ страшно боялся облысѣть подобно своему отцу, что подтверждаетъ и Дукмасовъ. Стоило сказать Скобелеву, что такая-то помада вредна для волосъ, и онъ берегся ея больше, чѣмъ непріятельскихъ пуль. Любопытно, что на счетъ цвѣта глазъ Скобелева показанія расходятся. М. Максимовъ, г-жа Адамъ и Немировичъ-Данченко говорятъ, что глаза у Скобелева были голубые, но Гейфельдеръ, нарочно обратившій на это вниманіе, положительно утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ глаза Скобелева были свѣтло-коричневые, и только когда онъ сердился, изъ глазъ Скобелева сверкали зеленоватыя фосфорическія искры.

Г-жа Адамъ также говоритъ, что въ гнѣвѣ и во время боя у Скобелева были глаза тигра, т. е. зеленоватые.

Большая часть лицъ, знавшихъ Скобелева, называютъ его симпатичнымъ и чарующимъ. Англичанинъ Марвинъ пишетъ: «Я никогда не встрѣчался съ человѣкомъ, который произвелъ бы на меня такое впечатлѣніе. Еслибы Карлейль увидѣлъ Скобелева, онъ помолодѣлъ бы и воодушевился, какъ въ то время, когда писалъ о герояхъ въ своихъ «Историческихъ изслѣдованіяхъ». Аршишевскій называетъ Скобелева не вполнѣ симпатичнымъ, но всетаки обаятельнымъ и умѣющимъ подчинить своей волѣ всѣхъ окружающихъ.

Доступность и привѣтливость Скобелева вошли въ пословицу. Одинъ юный артиллеристъ такъ описываетъ жизнь Скобелева въ Ловчѣ послѣ ея взятія:

Общество у Скобелева было самое разнокалиберное: тутъ были и генералы, и прапорщики, и корреспонденты, и вольноопредѣляющіеся. Всѣ не стѣснялись. Меня немножко поразило такое товарищеское обращеніе... Входитъ какой-нибудь офицеръ въ полной парадной формѣ.—«Ваше пр—ство, честь имѣю...» начинаетъ онъ.—«Завтракали?»—обрѣзываетъ его Скобелевъ.—«Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство!»—говоритъ опѣшившій офицеръ.—«Садитесь и ѣшьте, чѣмъ Богъ послалъ».

По словамъ Максимова, Скобелевъ часто приглашалъ солдатъ пить съ собою чай.

О гуманности Скобелева характерный фактъ сообщитъ Марвинъ. Фактъ этотъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ административный тактъ Скобелева. Разсуждая о средне-азіатскихъ дѣлахъ, Скобелевъ сказалъ:

— Казни, предпринятыя генераломъ Робертсомъ въ Кабулѣ, были ошибкою. Каковъ бы ни былъ родъ вашей казни, онъ все-таки притупитъ изобрѣтательности восточнаго деспота. Къ этому туземцы привыкли; мало того, совершеніе казни порождаетъ въ туземцахъ ненависть. *Я предпочелъ бы бунтъ цѣлой области—казни одного туземца.* Если вы побѣдите ихъ силой въ бою и нанесете жестокій ударъ—они этому подчинятся, какъ волѣ Божіей. Моя система—сразу сильно ударить и наносить ударъ за ударомъ, пока не сломлено сопротивленіе. Но съ наступленіемъ этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестаетъ литься и съ побѣжденнымъ обходятся мягко и гуманно.

Сжатую, но мѣткую характеристику Скобелева, какъ полководца, дастъ военный уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ, лейтенантъ Гринъ, въ книгѣ: «Очерки военной жизни въ Россіи».

«Скобелевъ водилъ свои войска на штурмы такъ много разъ, какъ никто изъ полководцевъ нашего времени, исключая Гранта. Втеченіи 19 лѣтъ Скобелевъ участвовалъ въ 70 сраженіяхъ. Всѣ штурмы его были побѣдами, и только одинъ разъ (подъ Плевной) онъ, послѣ счастливаго штурма, долженъ былъ уступить подавляющимъ силамъ непріятеля. Его военный геній такъ великъ (это было написано при жизни Скобелева), что я твердо вѣрю, что онъ будетъ главнокомандующимъ въ будущей войнѣ изъ-за восточнаго вопроса и займетъ тогда мѣсто среди пяти величайшихъ полководцевъ нашего столѣтія, рядомъ съ Наполеономъ, Веллингтономъ, Грантомъ и Мольтке.»

Къ этимъ словамъ необходимо еще добавить, что Скобелевъ былъ великимъ знатокомъ солдатской души и любилъ солдата не какъ пушечное мясо, а какъ человѣка.

При всѣхъ своихъ славянофильскихъ увлеченіяхъ, и даже не смотря на дружбу съ нѣкоторыми представителями ретроградныхъ взглядовъ, Скобелевъ, по справедливому замѣчанію Верещагина, стоялъ за развитіе Россіи и желалъ устраненія многихъ стѣсняющихъ это развитіе преградъ. Онъ требовалъ движенія впередъ, а не назадъ. Такъ онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ свободы мысли и слова.

Учебныя руководства и пособія.

лядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 80 рис. 14-е изданіе. Ц. 20 к.
ъясненіе къ „Наглядной азбукѣ" *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц 15 к.
дная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., съ 00 рис. Ц. 5 к.
бука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.
глядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.). 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (480 рис.). 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.). 4) „Общія наглядноозвуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ) (644 рис.) Цѣна каждой книжки 8 к
рковно-славянскій букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.
оводство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.
га для обученія церковно-славянскому зыку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя", обучающаго по этой книжкѣ. Ц. 10 к.
рнышко. Первая послѣ азбуки книга для тенія и письма. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и многими рисунками. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к., 2-я кн. Ц. 40 к.
оводство къ „Зернышку". *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
мостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. 15 к.
шъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ баронъ *Н. Корфъ.* 16-е изд. съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
ста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы *Н. А. Корфа.* 2-е изд. Ц. 15 к.
рвоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указан. грам. правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 к.
оводитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
оги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
чальная русская грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 к.
ментарная грамматика русскаго языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.
борникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правопис. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
люстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низшихъ учебн. заведеній и младш. классовъ гимназій. Съ 80 рис. 4-е изд. Ц. 60 к.
борникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Стѣнная таблица мѣръ. *Т. Лубенца.* Ц. 10 к
Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ *С. Житкова.* Цѣна 25 к.
Методика ариѳмет. *Житкова.* 3-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 к.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* Ц. 40 к.
Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.
Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.
Сборникъ алгебр. задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. 40 к.
Курсъ начальной механики. *Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1363 рисунк., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.
Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова.* 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Со 100 рисунк. 3-е изд. Ц. 1 р.
Учебникъ химіи. *Алямединцева.* 96 рис. 140 задачъ. Ц. 2 р.
Общія основы химической технологіи. *В. Семевскаго.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р 50 к.
Крат. курсъ ботаники. *Сѣвцова.* 118 рис Ц. 50 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд., съ портрет. автора Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. Въ перепл. 1 р. 50 к.
Нач. курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд. 10-ю раскраш. картъ и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
Географія. *Плетенева.* Ц 30 к.
Эпизодическій всеобщій курсъ исторіи. *Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
Очерки новѣйшей исторіи. *Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портрет. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Ц. 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакиссаня.* 120 рис. и 6 акв. Ц. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Экстазы человѣка. *И. Мантегацца.* Въ 2 частяхъ Ц. 1 р 50 к 2) Психологія внимія. Д-ра *Рибо.* Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! ленческія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, *А. Кюллера.* Ц. 1 р. 50 к ; 5) Предсказа погоды. *А. Далле.* съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; Физіологія души. *А. Герцена.* Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. *Р. Жоли.* 2-е изд. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; Міръ грезъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, внуш. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. *Дебьера.* Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи *Гебера.* Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физіологія человѣка. *И. Лункевича,* съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. *Ж. Дари.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к. 18) Усталость. *Моссо.* Съ 80 рис. Ц 1 р. 25 к. 19) Гигіена женщины. женщины-врача *Тило.* 40 к

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

До 20 мая 1894 г. вышли отдѣльными книжками 145 біографій слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, Андерсена, Аристотеля, Байрона, Баха, Беккаріа и Бентама, Берне, Бэкона, *Бѣлинскаго*, *Карла Бэра*, Беранже, Бетховена, *Богдана Хмельницкаго*, Боккаччіо, Бомарше, *Боткина*, Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, *Волкова* (основателя русск. театра), Вольтера, *Воронцовыхъ*, Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки*, Говарда, *Гоголя*, *Грибоѣдова*, Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Ніэпса, Даламбера, Данте, Дарвина, *Даргомыжскаго*, *кн. Дашковой*, *Демидовыхъ*, *Державина*, Дефо, Дженнера, Диккенса, *Достоевскаго*, Жоржъ-Зандъ, *Жуковскаго*, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго*, Кальвина, *Канкрина*, Канта, *Кантемира*, *Каразина* (основателя харьк. университета), Карлейля, Кеплера, *Ковалевской*, Колумба, Конта, Конфуція, *Кольцова*, Коперника, *Барона Н. А. Корфа*, *Крамского*, Кромвеля, *Крылова*, Кювье, Лавуазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова*, Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лойолы, Локка, *Ломоносова*, Ляйелля, Маколея, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина*, *Никона*, *Новикова*, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова*, *Пирогова*, *Писарева*, *Писемскаго*, *Потемкина*, *Пржевальскаго*, Прудона, *Пушкина*, Рабле, Рафаэля, Ришелье, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова*, Савонаролы, Свифта, *Сенковскаго*, В. Скотта, Адама Смита, *Сперанскаго*, Стефенсона и Фультона, *Струве*, Стэпли, *Строва*, Теккерея, Торквемады, Уатта, *Ушинскаго*, Фарадея, *Фонвизина*, Франклина, Цвингли, *Шевченко*, Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, Шумана, *Щепкина*, Эдисона и Морзе, Джорджъ-Эліота, Юма, *Ѳедотова*.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Аксакова, *Александра II*, Бальзака, Бисмарка, Бокля, Вашингтона, *В. В. Верещагина*, Вирхова, Гайдна, *Гончарова*, Гракховъ, *Гулакъ-Артемовскаго*, Декарта, Дидро, *Добролюбова*, *Екатерины II*, *Карамзина*, Кондорсе, *Н. И. Костомарова*, Кетле, Кука, *Лобачевскаго*, Лютера, Магомета, Макіавелли, *Меншикова*, Меттерниха, Мольтке, Т. Мюнцера, Наполеона I, *Некрасова*, *Островскаго*, Пастера, *Петра Великаго*, Платона, *Н. Полевого*, *Радищева*, Рембрандта, Ренана, Рикардо, Ротшильдовъ, Руссо, Сенеки, Сервантеса, *Скобелева*, Сократа, *С. Соловьева*, Спенсера, Спинозы, *Станкевича*, *Суворова*, *Льва Толстого*, *Тургенева*, *Успенскаго*, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Цицерона, *Чайковскаго*, Шекспира, *А. Н. Энгельгардта*, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова. (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 17 Мая 1894 года.

2007051324